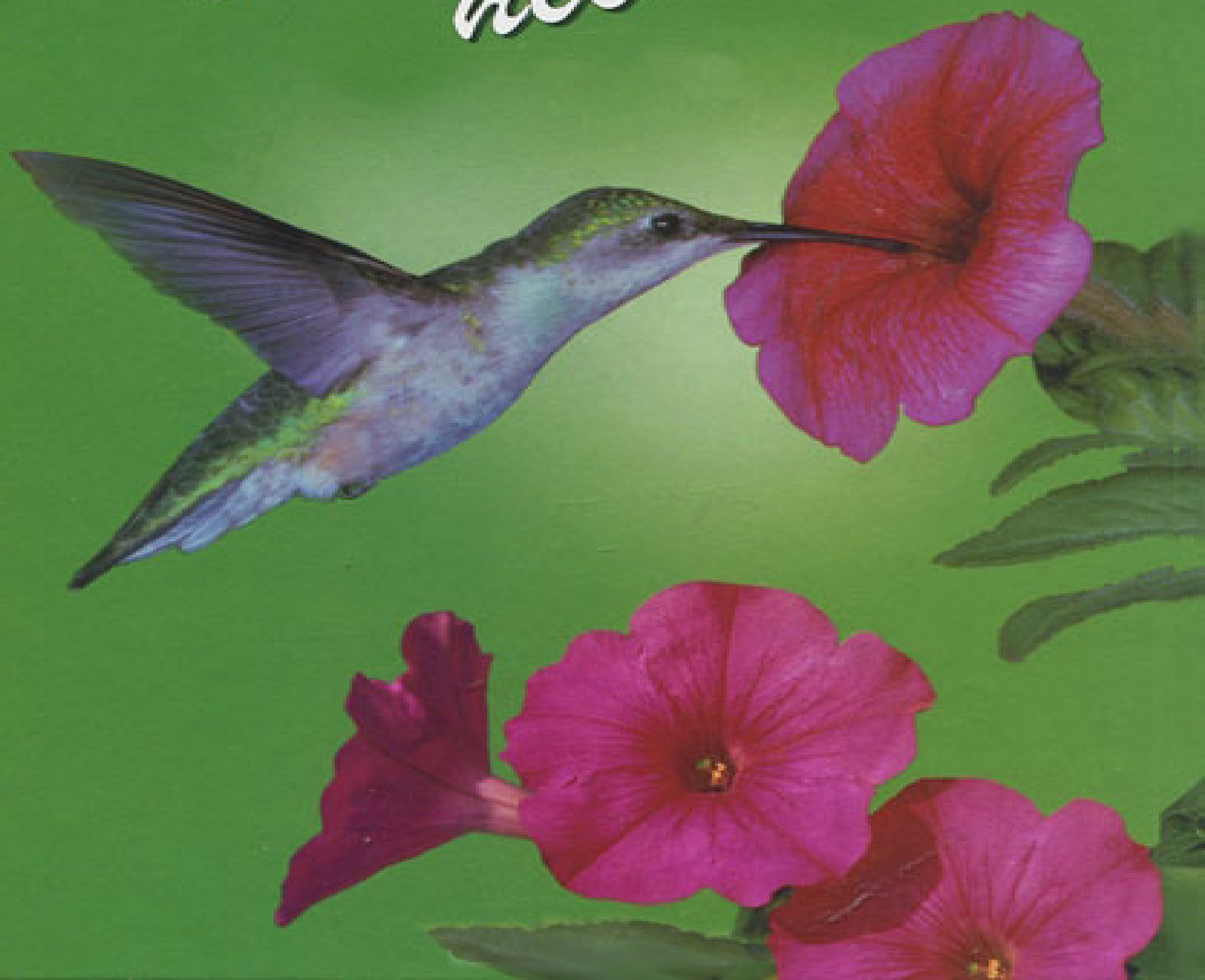

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

АНТОНИ

СМММТ

*Две горсти
песка*

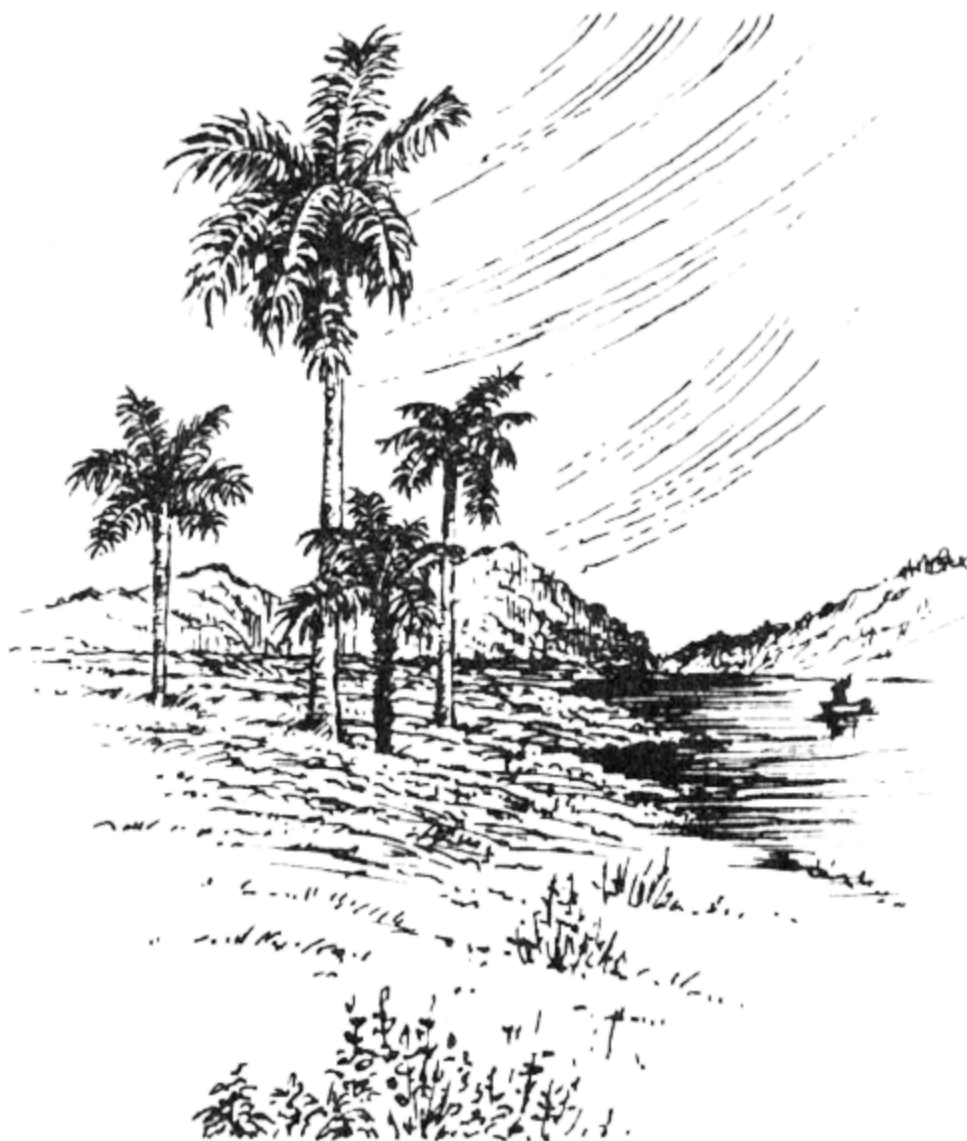

Annotation

В «Мату-Гросу» Антони Смит рассказывает о работе научной экспедиции Королевского географического общества в малоизученном районе Центральной Бразилии, на территории «последней девственной земли нашей планеты».

- [Антони Смит](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

**Антони Смит
Мату-Гросу
Последняя девственная земля**

Введение

Вначале была только земля с ее растительным и животным миром. Это была тропическая земля, сырая, и воздух над ней — влажный. С тех пор как поднявшиеся Анды встали преградой на западе, обильные дожди приходили в основном с Атлантики. Затем они опять возвращались в Атлантический океан, причем почти исключительно одним огромным водным путем. Бассейн Амазонки, величайшего речного стока на Земле, располагал во все времена одной пятой всех пресных вод земного шара — в почве, ручьях, реках и их притоках, которые слагаются в крупнейшую реку всех континентов.

Человека вначале здесь не было, но Берингов пролив, как полагают, помог покончить с этой аномалией. А каким еще другим путем могли прийти сюда люди примерно 20 000 лет назад? Что еще могли они сделать, как не расселиться, приспособившись к тундре, к открытой равнине, к болотам, а затем и к вечнозеленым лесам экваториальной Южной Америки? Никто никогда уже не узнает, сколько людей жило в Новом Свете в 1492 году, когда Колумб открыл его частицу. Никто никогда не узнает, сколько индейцев населяло страну, названную впоследствии Бразилией, в момент открытия ее 22 апреля 1500 года Педро Алваресом Кабралом. Как полагают, лишь в одной только этой части Южной Америки жили три миллиона, а возможно, и шесть миллионов человек. Население Португалии было меньше, и ее территория значительно меньше, но она захватила огромный бассейн Амазонки и всех проживавших там индейцев. Возникшие при открытии Южной Америки неизбежные столкновения между завоевателями из-за их притязаний вызвали у

Папы Римского предчувствие надвигающейся беды, и он усмирил разногласия путем раздела добычи. В его глазах и согласно Тордесильясскому договору соперников было только двое, но некоторых, к примеру англичан, подобное пристрастное решение привело в ярость. Однако, как установил Тордесильясский договор 1494 года и последующий папский эдикт 1506 года, вся земля, находящаяся более чем на 2000 километров к западу (и югу) от островов Зеленого Мыса, должна принадлежать Испании, а вся земля к востоку от этой демаркационной линии должна принадлежать Португалии.

Между этими двумя завоевателями с Иберийского полуострова существовало различие. Испанцы были более воинственными. Подстрекаемые своей религией, они, как говорилось, сначала преклоняли колени, а потом нападали на индейцев. Португальцы были менее последовательны и в течение многих лет не имели истинного представления о размерах своего наследства. И до настоящего времени в лесах еще живут такие индейские племена, которым не довелось испытать столкновения Старого Света с Новым. До 1958 года ни один человек не достигал географического центра Бразилии — как полагают, места, не представляющего большого значения, хотя недавняя экспедиция к нему заставила изменить это мнение. Если провести сравнение с географическим центром Соединенных Штатов, то можно сказать, что по последнему люди прошли задолго до того, как эту точку научились определять.

Бразильские португальцы добились своей цели и покорили эту огромную территорию вместе с ее жителями с помощью менее целеустремленных действий. Индейцев пристреливали или калечили, исходя из религиозных или более низменных мотивов, с тем пренебрежением к аборигенам, которое потом

стало традиционным на всех новых землях. Иногда к ним относились по-дружески, но при этом вместе с сердечным рукопожатием передавали им набор болезней Старого Света. Для начала пришельцы заставили индейцев работать на себя, хотя потом стали отдавать предпочтение неграм, ввозимым из африканских владений Португалии. И во всех случаях индейская кровь постепенно исчезала, поскольку браки, сожительство и связанные с ними взаимоотношения уничтожали индейцев столь же эффективно, как пули из мушкета или вирус оспы от больного захватчика. Жоржи Амаду писал: «У нас нет расовой проблемы по той простой причине, что все мы — мулаты». Индейцы сыграли свою роль и исчезли, за исключением шестидесяти или, возможно, ста тысяч, которые, как полагают, сохранились в Бразилии. Как это ни странно, более воинственные испанцы, которые, как правило, предавали мечу целые страны на пути к манившим их богатствам, оставили до настоящих времен в некоторых районах большие группы чистокровных индейцев, численность которых возрастает. В окрестностях Амазонки нет таких многочисленных индейских племен, сравнимых с уцелевшими индейскими общинами в Эквадоре, Боливии и Перу.

Глубинные области Бразилии традиционно рассматривали не столько как район будущего освоения и не как бескрайние земельные просторы для поселенцев, а как богатство, подлежащее эксплуатации. Португальцы армиями, отрядами или даже поодиночке вторгались в Бразилию, с тем чтобы что-то найти и забрать там. Им не всегда удавалось вернуться домой, а те, кому это удавалось, не всегда становились богаче.

Бандейранте, эти, несомненно, храбрые солдаты-граждане, разъезжали по стране при поддержке властей, чтобы распространять португальское влияние,

и им никогда не приходилось давать отчета в том, какие методы они применяли. Серингейро, «захватчики» более поздних времен, но того же сорта, собирали каучук с диких деревьев. Они постоянно находились в долгах и отличались тем, что для самозащиты всегда стреляли первыми. Никакого серингейро или предшествовавшего ему бандейранте нельзя сравнить с североамериканскими пионерами, получавшими от правительства свои 640 акров (260 гектаров), которые они воспринимали как должное.

Тем не менее заселение Бразилии началось. Оно проходило в основном вдоль Амазонки — этого естественного доступа к сердцу Бразилии, а также вдоль прибрежной полосы, поскольку близость океана всегда была жизненно важной. Сравнительно безлесная открытая местность на юге, где дождей все же было достаточно, представляла собой еще одну легкодоступную область, тогда как каждое продвижение внутрь страны проходило с трудом. В Северной Америке существовали аналогичные проблемы: и раньше развивались штаты на Атлантическом побережье, но огромная центральная артерия — река Миссисипи, текущая на юг, помогла поселенцам забыть о восточном побережье. Кроме того, манящие дали Калифорнии и Тихоокеанского побережья увлекали их дальше на запад. Скалистые горы никогда не представляли столь грозной преграды, как Анды (не говоря уж об испанцах, находившихся за ними). Поэтому бразильцы устремлялись или вдоль Амазонки, или на восток, к Атлантическому побережью — к Рио-де-Жанейро, Сантус и Сан-Паулу. Бразилия не могла устремлять взор на запад, несмотря на все блага, которые могло бы принести освоение огромной территории внутри страны — величайшего в мире тропического леса.

В таких условиях протекало развитие страны — насколько это позволяли ее география и противодействие индейцев. Португальцы продвинулись на юг до Рио-де-Жанейро в 1502 году, когда ветер загнал первое судно в залив Гуанабара, и вот уже несколько столетий там расцветает западная цивилизация, запуская свои щупальца все дальше в глубь страны. Правда, когда щупальца достигали определенных районов, их тут же обрубали. Разные племена завоевали к себе уважение благодаря оказанному ими сопротивлению, и среди них были индейцы шаванте. Они сражались в штате Гояс, а затем отступили к реке Арагуая. Потом их заставили отступить еще дальше на запад, но на Риу-дас-Мортис они остановились. Эта река, находящаяся примерно в 1300 километрах от Рио-де-Жанейро, представляла весьма удобную линию обороны, за которой твердо стояли индейцы шаванте и другие племена шингу. Даже в первые четыре десятилетия XX века любому пересекавшему эту реку грозила смерть от дубинки или от стрелы первого же индейца, заметившего пришельца, к югу от этого района и даже к западу от него местность осваивалась, но сам анклав верховьев реки Шингу стал индейской крепостью.

Это была огромная, практически недоступная территория, вследствие чего верховья реки Шингу стали источником легенд. В начале XX века эти места представляли собой единственную неисследованную территорию на Земле, достаточно большую для того, чтобы скрыть на ней целую цивилизацию, и по одному этому признаку стали предполагать, что здесь и скрывается подобная цивилизация. Полная недоступность этих мест и эффективность кары, настигавшей каждого пришельца, служили дополнительными доводами в пользу существования некоего Мачу-Пикчу. Полковник Перси Гаррисон Фосетт

был самым известным из людей, веривших в существование столицы Шингу. Он погиб в 1925 году при попытке найти ее. Другие исследователи прошли через эту территорию, следуя вдоль рек, но столь ограниченные поиски не разрешили этой проблемы. Самая большая в мире неисследованная область останется источником легенд до тех пор, пока она не будет окончательно изучена.

Никто из первых завоевателей не смог предсказать, что именно эта часть Южной Америки станет последней крупной территорией, которая устоит перед вторжением Старого Света. Северо-восточная часть бразильского штата Мату-Гросу не была ни самой отдаленной, ни наиболее недоступной. Она представляет собой плато, покрытое лесом и реками, этими естественными оборонительными рубежами. Это обетованная земля для тех, кто знает, как ею пользоваться, и головоломка для тех, кто этого не знает. Шаванте и другие племена знают этот лес и знают, как его использовать. Все передвигавшиеся здесь пешком были в их власти.

Другое дело, если пришельцы прилетают по воздуху. Другое дело и в том случае, если они спускаются на парашютах вместе со своей экипировкой на какую-нибудь прогалину, если они сооружают посадочные площадки для самолета и получают подкрепление и к тому же знают, что в глубине этих лесов никакого города нет, а имеются только группы непокоренных индейских племен. В 1940-х годах индейцы шаванте потерпели поражение и начали гибнуть. Все это произошло очень быстро. В месте слияния рек Арагуая и Гарсас был выстроен городок Арагарсас. Другой город, Шавантина (названный так в честь племени шаванте, но, фактически, представляющий как бы завещание, сделанное ими после их поражения), был выстроен на реке Риу-дас-

Мортис, а для перевозок на другой берег здесь соорудили паром.

Когда столица страны неожиданно приблизилась на тысячу километров после перенесения ее из Рио-де-Жанейро в город Бразилиа, процесс расчленения крепости пошел еще дальше. Одна из целей, которую поставил перед собой новый Фонд Центральной Бразилии, заключалась в прокладке дороги с юга на север, началом которой служил бы город Арагарсас, а город Манаус на Амазонке — ее конечным пунктом. Такой скачок в две тысячи километров открыл бы лесную глушь Бразилии, те глубинные районы, которые столь долгое время были недосыгаемы. Прокладка дороги позволила бы окончательно покорить анклав Шингу и другие менее значительные крепости, лежащие на ее пути. Великая северная дорога означала бы готовность последней огромной неисследованной территории к умиротворению и заселению, к уничтожению всего существовавшего там. Ученый Гарвардского университета Дэвид Мейбери-Льюис писал в 1965 году: «В Центральную Бразилию никто не переселяется, только посылают туда экспедиции». Назначение дороги состояло в том, чтобы открыть все эти районы, чтобы опровергнуть Льюиса и чтобы люди могли туда переселяться точно так же, как они переселяются в настоящее время в Соединенных Штатах в Небраску или даже Аризону и куда никто уже больше не посылает экспедиций. Фонд Центральной Бразилии понял, что он решил проложить путь через прошлое, и осознал, сколь многое можно потерять в грохоте бульдозеров и при последующем за этим повороте. Поэтому Фонд разослал ученым приглашения, чтобы они приехали сюда посмотреть, сделать записи, зарегистрировать и сохранить хотя бы некоторые факты прошлого. В Великобритании приглашение получили Королевское общество и

Королевское географическое общество. Эти общества предложили снарядить крупную экспедицию, которая расположилась бы на новой дороге и в окружающей ее девственной местности. Они предоставят ученых, деньги и оборудование и организуют непрерывную смену специалистов, которые будут составлять карты, собирать коллекции, фотографировать, вести наблюдения и регистрировать все, что смогут сделать до прихода туда поселенцев.

Темой настоящей книги и послужили деятельность этих ученых по исследованию территории анклава Шингу, а также начавшееся освоение земель. В книге описана северная часть Мату-Гросу, рассказано о ее возникновении и о том, почему она не сможет остаться такой, какой была раньше. Эта книга о конце одной эпохи.

Глава первая

Затерянный мир

От горизонта до горизонта раскинулся бесконечный лесной ковер. Полет продолжается часами, а картина остается прежней, нарушаемой только случайными полосками воды. При взгляде с высоты реки, прихотливо извивающиеся и сверкающие яркими отблесками солнца, кажутся единственной примечательной особенностью среди леса. Если спуститься ниже, причем лететь на более скромном самолете, то реки уже могут служить надежным путеводителем для штурмана, некоторым утешением при мысли о выходе двигателя из строя или просто некоторой реальностью в этом крайне однообразном океане зелени. Для индейцев, совершавших сюда набеги, реки служили путеводными нитями, а

поселившимся здесь племенам они предоставляли средства к существованию. Реки среди бескрайней зелени действуют так же освежающе, как оазис в пустыне.

Возьмем, например, реку Суя-Мису — водные владения индейцев племени суя. Эта река — один из притоков могучей Шингу, которая сама представляет собой один из многих притоков великой Амазонки, протекающей севернее. Длина никому не известной Суя-Мису около 1300 километров, а на самом деле она может быть намного больше или меньше, поскольку топографическая съемка этой реки никогда не проводилась. Она начинается у горной гряды Серра-ду-Ронкадор, а уже километров через полтора — а возможно, больше или меньше — ее ширина достаточно велика для того, чтобы разорвать бескрайнее лесное покрывало. Теперь ее течение приобретает неторопливую величавость реки, и ее воды со скоростью двух-трех километров в час мирно текут в Шингу, Амазонку и открытый океан. Путешествие от истоков до океана потребует примерно два месяца — несколько больше во время зимней засухи и поменьше в период дождей, — но никогда течение реки не становится неприятно быстрым.

Река извивается весьма прихотливо. Она проделывает путь примерно в четыре раза больший, чем самолет, летящий по прямой. Русло реки расположено в созданной ею самой широкой долине, похожей на зигзагообразные узоры на спине змеи, а за границами этой долины по обоим берегам раскинулся лес. В пределах долины находятся остатки прежних блужданий реки — излучины. Каждая излучина стремится так изогнуться, что реке приходится спрямлять русло и отсекал ненужный крюк. Образовавшаяся в результате старица сохраняется, превращаясь в озеро, расположенное вблизи

покинувшей его реки. По обеим сторонам Суя-Мису разбросаны сотни подобных стариц разного возраста, глубины и формы. Одни из них еще похожи на реку, только там нет течения. Другие наполовину обмелели, их берега стали песчаными и илистыми. Третьи превратились в болота или остатки озер, а остальные полностью заросли, и лес вернул себе некогда захваченную у него территорию.

У реки незабываемый первозданный вид. Вода, особенно во время засушливого сезона, прозрачная, и рыбы плавают стаями. В ней всегда можно увидеть скатов дазиатисов, колышущихся над песчаным дном или же внезапно устремляющихся куда-то с огромной скоростью. Кажется, что эта рыба никогда не замедляет движения, а только непрерывно ускоряет его. На отмелях вдоль обоих берегов плавают мелкая рыбешка, всегда в отчаянных поисках корма, будучи одновременно и сама крайне уязвимой. Птицы, видимо, никогда не промахиваются, если бросаются в воду, но хищные рыбы промахиваются часто, и в такой прозрачной воде можно заранее определить, что они промахнутся еще до завершения ими неудачной атаки.

Хотя река, несомненно, представляет собой нечто прекрасное, совершенно нетронутое и неиспорченное, отпочковавшиеся от нее озера кажутся еще более погруженными в прошлое, а полное отсутствие течения способствует впечатлению, что и само время для них остановилось. А если в них плавают кайман (крокодил длиной около двух метров, распространенный в этих местах), то подобное впечатление еще больше усиливается. Над поверхностью воды видны только его глаза и ноздри или же одна волна, которая сама по себе бежит по воде.

Большое удовольствие всегда доставляло идти на веслах по какому-нибудь из этих озер. Форма их была самая разнообразная — боб, ромб, серп, квадрат,

сердце, круг или стрела. Однажды, когда несколько участников нашей экспедиции тащили лодку по топкому берегу круглого озера, две крупные рыбы с оглушительным плеском прыгнули в сторону. Мы их поймали с невероятной простотой — для этого понадобилось лишь дважды забросить удочку — и тем самым опустошили весь водоем. В нем больше не было никакой крупной рыбы, за исключением маленьких пескарей, непрестанно пощипывавших черное тело маленькой тукунаре. Стая пескарей рассеивалась, когда опасность уменьшалась, но стоило только хищникам возобновить атаку, как стайка немедленно смыкалась в плотный черный шар и опять начинала с жадностью кусать извивающееся тело рыбы.

Это озерко с его рыбой превосходно символизирует то, о чем будет говориться в книге. В нем есть отзвуки древности, и оно представляло собой совершенно нетронутое место, где естественный отбор позволял развиваться всем выжившим видам, пока здесь не появился человек.

Те из нас, кому посчастливилось тогда увидеть это место, сознавали, что мы незаконно вторгаемся в прошлое. Мы это знали и чувствовали себя в привилегированном положении благодаря возможности увидеть и описать столь многое в этом древнем мире. Мы были восхищены рекой Суя-Мису, которая осторожно вымывает мягкую землю на одном берегу и намывает белые песчаные отмели на другом. Песчаные отмели всегда доставляли нам удовольствие. Они были круче всего в самых узких местах реки и увеличивались там, где река расширялась. Черепахи заползали на эти отмели, чтобы откладывать яйца (август был их излюбленным месяцем), а кайманы часто грелись на теплом песке. Какой бы ни была река — прозрачной или же зеленовато-коричневой от дождей, — песчаные отмели всегда оставались белыми, представляя

идеальное место отдыха для путешественников. Мягкие, сухие или мокрые, эти отмели были единственными участками земли, лишенными растительности, и поэтому весьма желанными.

Путешествуя по этой реке, когда ничего не видно дальше следующего поворота или следующей отмели, наблюдаешь всеобщее движение. В то время как все рыбы плывут назад, все птицы кажутся летящими вперед, как бы в вечном стремлении к океану. Цапли тяжело взмывают вверх, а затем опять медленно планируют вниз к кромке воды, только уже несколько впереди. Зимородки (здесь встречалось пять видов этих птиц) сновали взад и вперед поперек реки над самой водой), а затем взлетали на какую-нибудь приглянувшуюся ветку. Мускусные утки плескались и подолгу хлопали крыльями, разбегаясь вниз по течению, прежде чем взлететь. Солнечные цапли, имевшие анахронический вид из-за своих высоко расположенных крыльев и странной расцветки, с шумом перелетали с одного берега на другой, а затем поспешно возвращались, но теперь метров на пятьдесят впереди. Плывущие назад рыбы, летящие вперед птицы и вода, которая кажется одновременно неподвижной и вечно движущейся, создают на реке всеобъемлющее чувство постоянного непостоянства. Река вечно катила свои воды и всегда оставалась той же, но, когда рано утром над ней нависал густой туман, казалось, что время становилось еще неподвижнее. По ночам дневная прозрачность воды переходила в чернильную темень, но в любое время суток она текла все вперед и вперед в своем непрестанном подчинении Амазонке, находящейся за многие сотни километров отсюда.

Взобраться на берега Суя-Мису, чтобы попытаться поскакать по ним так, как это делают солнечные цапли, означало попасть в густое переплетение ветвей и корней. Каждый год уровень воды поднимается высоко

по этим берегам, смывая с них землю или еще больше нанося ее, оставляя сухие ветки или покрывая живые ветки грязью. Потребуется много времени, чтобы проложить здесь дорогу через живое и мертвое, среди по-весеннему распустившихся растений и хрупких прогнивших пней. За этой полосой препятствий стоял лес из невысоких деревьев с густой кроной, не позволявшей появиться на земле другой растительности. Поскольку деревья каждый год по несколько месяцев стоят в воде, их голые стволы однообразно высятся над землей. Такое однообразие нарушалось только видом воды — иногда озера, или старицы, или другой извилины реки. Для новичка все это представляется страшной неразберихой. Для индейцев здешние места служили превосходной оборонительной системой, и лодка, которая устало тащится по большим излучинам, может подвергнуться нападению из засады — обстоятельство, имеющее немалое значение при вторжении в эту индейскую страну. Открывающееся с воздуха зрелище речной системы приковывает к себе внимание. Маленькая лодка, настойчиво пробирающаяся по этому лабиринту, выгладит патетически, как бы совершая какой-то отчаянный подвиг, и напоминает маленькое насекомое, пытающееся наугад убежать с опасного бетонного шоссе.

По обеим сторонам речной долины стоит *mata seca* (сухой лес). Он не такой внушительный, как дождевой лес, в отношении высоты и густоты деревьев, но ему присуща одна особенность — потрясающее однообразие. Зеленый ковер деревьев от горизонта до горизонта вызывает страстное желание (особенно когда находишься в самолете, в котором большинство приборов заменено изображениями святых) увидеть открытую полосу, поляну или посадочную площадку вместо ковра из ветвей, расстилающегося над землей

на высоте не менее двадцати метров. При подобном однообразии сразу обращаешь внимание на любое изменение картины, даже на кучку пальм *Mauritia*, указывающих, что здесь более влажный участок леса. Или же, например, между ветвями неожиданно появляются блики света, которые означают, что несколько сот или тысяч деревьев сухого леса стоят в воде.

Насколько трудно поверить, что Суя-Мису ничуть не изменится за следующим поворотом, настолько же трудно осознать бескрайность леса, когда идешь по нему и глаз не видит дальше чем на пятьдесят метров. Во многих отношениях такой лес представляет собой лес смерти, а не буйной жизни, как это можно предположить, глядя на него с воздуха. В нем много огромных мертвых стволов, лежащих на земле, или опирающихся на живые деревья, или даже стоящих вертикально без поддержки.

Встречаются одни оболочки прежних лесных гигантов. У некоторых высоких деревьев с зеленой вершиной стволы полусгнили. Хочется найти дерево с такой же свежей корой, как у норвежской ели, у которого листья не были бы изъедены, а сердцевина была бы здоровой. Здесь трудно найти даже один целый лист, поскольку об этом заботятся насекомые.

Любое возникшее представление о каком-то сходстве этого леса со смешанными лесами Западной Европы немедленно рассеивают муравьи, термиты и клещи. Они здесь вездесущи. Земляные шары, висящие на деревьях, — это жилища термитов, и от каждого из них узкие крытые дорожки ведут на землю. На земле стоят термитные постройки высотой до двух метров, а в земле и в старых деревьях — углубления таких же размеров. У муравьев гнезда более легкие, они свисают с деревьев или находятся внутри них. Стоит только где-нибудь присесть, как на ваших брюках немедленно

появится энергичный муравей. Начните копать буквально в любом месте — и вы обязательно наткнетесь на термитов. А для того чтобы подцепить клеща, не надо даже останавливаться, копать или садиться. (Этот триумvirат из клеща, муравья и термита опровергает предположение о том, что зона сухого леса, *mata seca*, могла когда-либо в прошлом находиться в умеренном поясе.)

Самые крупные муравейники в лесу принадлежат муравьям *Atta sextus*. Муравейники настолько велики — примерно шесть на девять метров, — что вначале их можно принять за часть естественного рельефа местности. К этим огромным буграм, созданным муравьями, ведут многочисленные оживленные дорожки, по которым доставляется корм. В каждом таком огромном «лагере», по произведенным нашими учеными подсчетам, живет до четверти миллиона муравьев — это самые большие сообщества в мире. И кажется правомерным, что они попадаются примерно через каждые сто метров в сухом лесу Центральной Бразилии, где муравьи царствуют. Любое живое существо, чтобы уцелеть, должно спастись бегством от нападения муравьев. А если оно не может удрать от них или не имеет защитной оболочки или какого-нибудь эффективного репеллента, то не сможет выжить в этом муравьином лесу.

Совершенно внезапно сухой лес переходит в еще более сухую кустарниковую саванну (серрадос), где разбросаны небольшие деревья и кустарники, очень напоминающие плохо ухоженный сад. Стволы деревьев здесь редко прямые, чаще они беспорядочно наклонены в разные стороны. Почва между деревьями или голая, открытая палящим лучам солнца, или усыпана опавшими листьями.

Эти листья очень мелкие и удивительно мягкие или же, наоборот, хрустящие при ходьбе по ним, причем у

них огромные размеры, часто величиной с капустный лист. Серрадос представляет странную смесь утонченности и грубости: какое-нибудь молодое растение с единственным ярким цветком соседствует с искривленными деревьями; вблизи мягкого папоротника растет острая как бритва осока. По сравнению с лесом можно сказать, что серрадос лишена растительности, тем не менее здесь, как и в лесу, ничего не видно дальше пятидесяти метров.

Внезапно перед нами возникает *самро*. Весьма интересно, путешествуя по этому лесному царству, неожиданно очутиться на месте, лишенном деревьев. С одной его стороны могут находиться заросли выжженной солнцем серрадос, а с другой — теплично пышный участок леса вдоль ручья. А между ними виден странный феномен — серебристая полоска плотной дернины, не очень широкая и не очень длинная. В самро трава — самая высокая растительность, но она кажется здесь столь же неуместной, как хорошо подстриженная дорожка в неухоженных местах величественного парка. Тем не менее эти полосы самро представляют собой столь же определенные и естественные элементы ландшафта, как и высокие деревья в лесу или приземистая заросль серрадос.

Тем не менее, как этого почти и следовало ожидать, членистоногие не оставили эту местность без внимания.

В серрадос муравейники и термитники попадаются изредка, а в самро тех и других бесчисленное множество. Почти полное отсутствие какой-либо растительности в самро, помимо пучков травы и весьма редко встречающихся кустарников и папоротников, делает муравейники и термитники еще более внушительными. Похожие на гранитные глыбы и поразительно твердые, как гранит, они разбросаны повсюду, непрестанно напоминая о постоянном присутствии термитов и муравьев.

Просторы сагро, по крайней мере, позволяют человеку сориентироваться. В лесу и серрадос он может растеряться и даже заблудиться, несмотря на то что находится очень близко от тропинки или дороги. Чувство ориентировки легко нарушается, если что-нибудь отвлекает внимание человека, скажем, если его в данный момент заинтересовала какая-либо пальма, а не направление движения. Если затем он взглянет на солнце в зените, поищет приметные места и не обнаружит ни одного, то моментально почувствует себя обезоруженным. Путешествуя же по лесу с индейцами, начинаешь понимать, что в нем существует столько же всяких характерных особенностей, как и в современном городе. Индеец подстрелит птицу, спрячет ее на дереве почти на весь день, а затем заберет, подойдя к дереву совершенно с другой стороны. На ваш вопрос: «Как вы нашли это дерево?» — он ответит: «Оно было на том же самом месте».

«*Agui não tem nada*» — постоянно употребляемое в Бразилии выражение, которое часто можно услышать в любой необжитой местности. Оно буквально означает «здесь нет ничего». Индейцы же говорят наоборот: «В лесу есть все. Он дает нам пищу, дрова и тростник, материал для изготовления луков и стрел, фрукты и лекарства». Лес — это или *nada*, или все в зависимости от того, кто вы такой.

Одна из причин подобного разногласия заключается в том, что пришельцы и индейцы ищут разные вещи. История любого района, будь это лес, серрадос или река, свидетельствует о подобном различии целей, какими бы узкими они ни были. Бандейранте, эти флибустьеры, рыскавшие по Бразилии на заре ее истории, больше походили на сухопутных пиратов, чем на самоотверженных исследователей. Из награбленного ими ничто не могло сравниться по привлекательности и легкости перевозки с драгоценными камнями. Хотя эти

пираты, возвращаясь на родину, рассказывали о трудностях и хотя они не всегда были опоясаны ремнями из ушей индейцев, они все же зачастую привозили алмазы, золото, изумруды и другие драгоценные камни. В Северной Америке люди двигались на запад большей частью для того, чтобы поселиться на земле и обрабатывать ее. А среди тех, кто ехал в Центральную Бразилию, большинство стремилось к обогащению за счет этой земли, а не к ее освоению, и ни на чем нельзя было столь великолепно обогатиться, как на драгоценных камнях и минералах.

Неожиданно почти столь же привлекательным стал каучук, поскольку высокие гевеи хорошо растут во влажных местах. Серингейро были не менее прямолинейны в своем вторжении: они забирали древесный сок, стреляя в любого, кто попадался им на пути, и обычно были по уши в долгу у своих хозяев. Для старателей здесь не было ничего, если они не находили нужных им минералов. Для серингейро здесь также не было ничего, если желанные для них гевеи росли в лесу слишком редко. Для обычного человека, возможно скрывающегося от правосудия или возмездия, здесь также не было ничего, до тех пор пока он не научился использовать своеобразные щедрые дары леса.

Для индейцев же лес был очень щедрым. В отличие от индейцев северных равнин, все нужды которых удовлетворяло единственное животное — бизон, у лесных индейцев кладовая была гораздо разнообразнее. Каждый годичный цикл приносит свою последовательность созревания фруктов и орехов, поскольку период цветения в тропиках распределен в течение года равномернее, чем в умеренном поясе. В лесу живет — хотя в нем и нет такого изобилия копытных животных, как в большинстве саванн мира, — много различных млекопитающих, таких, как олень, тапир, кабан и обезьяна, а также животные семейства

кошачьих, вплоть до ягуара. Большое количество плотоядных, парящих в небе или живущих на земле, свидетельствует о наличии большого количества пищи для тех, кто знает, как ее найти. В реках и озерах водится рыба, поскольку имеются рыбоядные птицы, выдры и кайманы. Есть и другие птицы — от нелетающих эму до тяжелых *mutum*, от больших попугаев макао до маленьких попугайчиков. У различных племен существовали разные предрассудки и вкусы, поскольку пища во многом определяется обычаями, но лес может обеспечивать самую разнообразную диету. У некоторых пальм можно использовать верхушки, а у таких, как *Phimeria*, можно выцеживать съедобный сок.

Индейцы были первыми владельцами этой земли, но множество их поселений подвергалось опустошению. Трагические последствия открытия Нового Света, приведшие к беспощадному изменению населения Бразилии, были повсеместными и всеокрушающими, за исключением нескольких районов. Самый большой из этих районов, расположенный к западу от штата Гояс и гораздо южнее Амазонки, занимал площадь около 1,3 миллиона квадратных километров. И до первых десятилетий XX века, более чем через четыреста лет после высадки в Бразилии первых поселенцев, огромное неисследованное безмолвие в центре страны оставалось загадкой. Чем больше открывали свои тайны другие континенты (Африка показывала свои богатства, а Австралия — «свою пустоту»), тем примечательнее и таинственнее становилось положение Южной Америки. Исследованная территория в центре ее стала источником загадок, ей нужно было дать какое-то название, и им стало Мату-Гросу (Mato Grosso).

Mato — это слово с несколькими значениями, такими, как «необжитое место» или «неиспользуемая территория, покрытая кустарником», и это название

дали в Бразилии самой большой из них — Мату-Гросу. Оно стало также названием одного из самых больших штатов в Бразилии — западного региона, включающего реки Кампу-Гранди и Куяба и верховья реки Шингу. Сейчас все говорят просто о Мату-Гросу, стирая тем самым грани между определенными границами штата и неопределенной точностью этого своеобразного мира.

Таким образом, Мату-Гросу представляет собой как реальность, так и остатки прошлого. Территория штата огромна — один миллион квадратных километров. Он граничит с Амазонас и Пара (двумя другими большими штатами Бразилии), с Гояс, Минас-Жерайс, Сан-Паулу, Парана, Рондония (независимая территория в пределах Бразилии) и даже с двумя странами, Боливией и Парагваем. Мату-Гросу — это также и легенда. Это название звучит с каким-то особым оттенком, весьма сходным с Тимбукту или Монголией, полным значимости, смешанной с предубеждениями. Увидев вывеску со словами «Салон-парикмахерская Мату-Гросу», вы чувствуете блеск и репутацию, связанные с этим названием. Вывеска «Парикмахерская Пара» такого воздействия не оказывает. Путаницу увеличивает также наличие еще и города Мату-Гросу, небольшого населенного пункта на западе штата, вряд ли больше крупной деревни, но все же он существует, как и вся эта территория, со всеми ее прошлыми и современными ассоциациями.

Чем крепче держались индейцы за часть земель Мату-Гросу, тем большую известность она приобретала и тем легендарнее становилось все относящееся к ней. Капитан третьего ранга Джордж М. Дайотт писал в 1928 году: «Я не знаю никакой другой части Южной Америки, о которой имелось бы столь мало достоверных сведений, как об этом центральном плато. Факты и легенды здесь настолько переплетены, что невозможно определить, где начинаются первые и кончаются

последние». Полковник Перси Фосетт убедил себя в существовании там целой цивилизации: «Пробьемся ли мы, возвратимся ли назад или ляжем там костьми, несомненно одно: ключ к древней тайне Южной Америки и, возможно, доисторического мира будет найден тогда, когда эти старые города будут разысканы и открыты для научного исследования. Что эти города существуют — я знаю...»

Индейцы шаванте не убивали Фосетта, но это племя заслужило славу основных защитников крепости Мату-Гросу. Шаванте были кочевниками, и это помогло им во время их долгого отступления от одной реки к другой — вначале к реке Токантинс, затем к Арагуае и Риу-дас-Мортис. В течение многих лет шаванте убивали каждого белого, пересекавшего эту «реку смерти». Геологоразведчики и другие первопроходцы, слишком долго остававшиеся к западу от Арагуаи, вполне могли подвергнуться нападению. С каждой смертью слава шаванте росла. В одном сообщении даже указывалось, что они умеют так бегать, что сбивают преследователей с толку. У них был вождь по имени Апевен, который отвергал все подарки пришельцев. Традиционный обычай оставлять подарки индейцам, чтобы завоевать их доверие, был, как правило, эффективен в отношении других племен, и это приводило к уничтожению их независимости. Подобный способ умиротворения часто вел к порабощению или уничтожению племен, чему Апевен был свидетелем слишком во многих случаях. Оставленные для Апевена мешки с солью вспарывались, а подарки разбрасывались. Ответ Апевена был недвусмысленным, как и действия племен кауро на севере и кайяби на западе. Индейцы не сдавали своих позиций.

Обстоятельства гибели Фосетта не кажутся странными, и тем не менее его судьба окружена различными легендами, историями о белокожих

стариках и полубелых семействах, которые сопутствуют основной легенде о всей этой местности, глухомани, где выдумка попирает факты. Можно было вполне резонно предполагать существование здесь цивилизации, и поэтому довольно приемлема была также мечта Фосетта о «затерянном мире» (как это сделал Конан Дойл, когда воодушевился неразгаданным «белым пятном» на карте), но было бы совершенно нерезонным высказывать удивление по поводу того, что Фосетт, его сын и товарищ сына не вышли из леса. Эта крепость в верховьях Шингу — даже если к ней приближаться с запада, чтобы избежать традиционных столкновений с племенем шаванте, — изобиловала индейцами. На этой территории, несомненно, ходили всевозможные рассказы о проступках белых, что раздувало пламя враждебности. Кроме того, весьма часты были междоусобные войны между соседними племенами, и поэтому крайне вероятно возможность еще трех убийств, кем бы ни были жертвы. Фосетт в свое время успешно проделал несколько труднейших путешествий, всегда возвращаясь невредимым, но при игре в подобную рулетку нет гарантии постоянной удачи. Поэтому трем путешественникам, нагруженным подарками (для племен, которые встретятся первыми, а также для их соседей, расположенных вдоль пути), достаточно было столкнуться с малейшей враждебностью придирчивого вождя или завистливого воина, для которых не составило бы никакой трудности устроить засаду на трех англичан.

Фосетт говорил: «Если нам не удастся вернуться, я не хочу, чтобы из-за нас рисковали спасательные партии. Это слишком опасно. Если при всей моей опытности мы ничего не добьемся, едва ли другим посчастливится больше нас. Вот одна из причин, почему я не указываю точно, куда мы идем». Тем не менее

спустя два года в те же места отправилась не спасательная экспедиция, а поисковая партия. Ее руководитель, капитан третьего ранга Дайотт, писал впоследствии: «Тот факт, что полковник Фосетт и его спутники погибли от рук враждебных племен, представляется мне и всей моей группе неоспоримым».

Какое племя оказалось враждебным и по какой причине — никто не узнает. По одному рассказу в этом обычно обвиняют калапало: будто бы они убили Фосетта дубинками, когда он помогал сыну и Рэли Раймелу взобраться на берег реки вскоре после того, как они покинули рассерженную деревню. Затем индейцы быстро расправились и с обоими юношами, подарки разбросали, а три тела закопали. По мнению Дайотта, убийство произошло, вероятно, днях в четырех пути к востоку от реки Кулуэни (то есть весьма близко от новой дороги, сооружение которой послужило основой для написания этой книги).

В определенном смысле Перси Гаррисон Фосетт не умер и никогда не умрет. Сын Фосетта Брайан писал много лет спустя: «Экспедиция Дайотта вернулась ни с чем, даже без каких-либо доказательств того, что партия Фосетт была там... Дайотт был уверен, что отца убили... Что же касается нас, его родных, то мы ни в коей мере не могли считать (его доводы) окончательно убедительными».

Фосетт исчез в 1925 году. К тому времени земной шар был в основном исследован. Нигде на земле не могла больше скрываться затерянная живая цивилизация, кроме как в анклав Шингу, и Фосетт только усугубил драматизм положения, исчезнув сам. Человечество всегда нетерпимо относилось к «белым пятнам» на карте мира, и нелюбовь к подобному вакууму выражалась в том, что его или заполняли экстравагантными рассказами, или подвергали все более интенсивному исследованию. Шингу не могла

продержаться дольше любой другой крепости. Весьма удивительно, что она еще так долго существовала. Люди уже летали через Атлантику, когда Шингу все еще оставалась нетронутой, но именно существование самолетов и привело к ее падению.

В 1930-х годах генерал Рондон — человек, полный сострадания к индейцам, поскольку он сам был метисом, в жилах которого половина крови была индейской, — начал исследовать закрытую территорию на северо-востоке штата Мату-Гросу. Он занимался подобной деятельностью на протяжении всей своей долгой жизни, что привело к созданию в 1910 году Службы защиты индейцев. Его имя запечатлено навеки в названии территории Рондония — огромного района к западу от Шингу.

Во времена начала крушения Шингу здесь появились три брата, принадлежавшие к огромному семейству Вилас-Боас из города Сан-Паулу. Всем троим было по двадцать с небольшим лет, когда они впервые прибыли в этот район. Самого старшего звали Орланду, среднего — Клаудиу и младшего — Леонарду. После 1946 года практически каждую экспедицию в районе верховьев реки Шингу возглавлял кто-нибудь из трех братьев.

Работа братьев состояла главным образом в том, что они прорубали пикады (просеки) и затем сооружали посадочные площадки для доставки припасов. Пикада представляет тропу, проложенную в лесу или саванне, которая может быть широкой или узкой, как этого пожелает тот, кто ее прокладывает. Прокладывая пикаду, надо двигаться по прямой, срубая деревья, кустарники и молодую поросль, встречающиеся на пути. Проложенная пикада обеспечивает безопасность, а также надежный и быстрый путь назад на базу. Экспедиция Вилас-Боас вглубь страны Шингу в конце 1940-х годов проложила пикады протяженностью более

тысячи километров — обстоятельство, о котором Клаудиу говорил с удовольствием. В пределах центра этой страны они создали еще одну посадочную площадку и соорудили аванпост из нескольких хижин, который назвали Капитан Васконселос (в честь человека, который пытался исследовать Шингу в 1924 году). «К тому времени джунгли были почти завоеваны, — говорил Орланду, — но учтите, что они были завоеваны самолетом».

Вскоре умер Леонарду, и, следуя традициям этой местности, которая столь долго была легендарной, о его кончине стали рассказывать самые экзотические истории. Клаудиу сказал: «У него было не что иное, как обезыствление митрального клапана. Ему сделали успешную операцию в Гоянии и зашили рану, но через тридцать минут он потерял сознание и умер». Братья назвали в его честь аванпост в центре Шингу, и теперь это Пост-Леонарду. Со времени его основания два оставшихся брата непрестанно трудятся над тем, чтобы превратить аванпост и окружающий его богатый район в убежище для индейцев.

В последующие годы подобное убежище превратилось в необходимость, так как бедственное положение индейцев усугубилось почти повсеместно. Пули и эпидемии продолжали делать свое дело, и сопротивление ранее непобедимых племен рушилось. Они умирали без всяких усилий, или оставались бездетными, или просто исчезали. Теоретически об их судьбе все еще заботилась Служба защиты индейцев — организация, созданная Рондоном, девизом которой было: «Если потребуется — умри, но никогда не убивай».

В 1967 году Служба защиты индейцев была неожиданно распущена, а причины ее роспуска помогают объяснить гибель индейцев. Комиссия по расследованию, созданная министерством внутренних

дел Бразилии, изложила некоторые факты в двадцатитомном отчете. Она нашла свидетельства массового уничтожения индейцев, которое осуществлялось с помощью динамита, автоматов или сахара, в который был подмешан мышьяк. Из семисот сотрудников Службы защиты индейцев 134 были осуждены за различные преступления и еще двести уволены. Всего за два года, с 1964-го по 1966-й, директор Службы совершил сорок два отдельных преступления против индейцев, включая соучастие в нескольких убийствах, пытки и незаконную продажу земли.

По оценке Жадера Фигуейру Коррейя, руководившего расследованиями, сотни индейцев были убиты, а тысячи погибли в результате дурного обращения. Читавших отчет о расследованиях потрясло не столько какое-нибудь случайное отсутствие внимания к индейцам и их потребностям, сколько ужасная и пагубная жестокость. Подумать только, что самолет, пролетавший над индейской деревней, сбросил подарки, чтобы люди вышли из хижин, а при следующем заходе сбросил на них связку динамита. Другие же прививали индейцам вирус оспы, чтобы заполучить потом их земли.

В 1823 году Жозе Бонифашо в Бразилии заявил: «Мы не должны никогда забывать того, что мы — захватчики этой земли, как и того, что мы — христиане». «Забывчивость» и убийства свирепствовали здесь и до этого откровенного признания, и долгое время после него. Индейцев притесняли снова и снова, пока они неожиданно не пали духом в своей твердыне Мату-Гросу. Историки не могут зафиксировать никакого решительного сражения. Не было ничего, если не считать самолетов, болезней и разнообразного вероломства, а также дружественных, но решительных исследователей, оставлявших за собой пикады. Со всем

было покончено без шума. Внезапно жизнь стала бесцельной, и мощные племена шаванте превратились в кучку бессильных неудачников шаванте, подобно жалким остаткам какой-нибудь разгромленной армии.

С гибелью крепости Шингу, при столь быстром ее падении, лишь немногие смогли полностью или сразу же оценить изменившуюся ситуацию и ее значение. Кроме того, в 1950-х годах Бразилия находилась в муках создания своей третьей столицы. Первой столицей был город Сальвадор, второй — Рио-де-Жанейро, но неожиданно политическая репутация и значительная часть финансов страны были поставлены на карту в гигантском, щедром и яростном рывке в глубь страны. Уже многие годы шли разговоры о том, что пора положить конец привязанности Бразилии к побережью, и уже довольно давно было выбрано место для новой столицы. В мире насчитывается много прецедентов сооружения совершенно новых столиц, как, например, Вашингтон, Нью-Дели, Анкара и Канберра, и вот неожиданно Бразилия решила сделать реальностью город Бразилиа. Настроение в стране было в пользу подобной перемены. Деньги имелись, как и подходящий человек в лице Жускелино Кубичека, который осуществлял необходимое давление. 21 апреля 1960 года было официально объявлено о новой столице страны.

Город Бразилиа находится примерно в тысяче километров к северо-западу от Рио-де-Жанейро. Он расположен ближе к предполагаемому месту гибели Фосетта, чем к бывшей прибрежной столице, и неожиданное возникновение этого города, несомненно, оживило интерес к колоссальным внутренним областям Бразилии и помогло плану освоения пустующей четверти Бразилии путем прокладки дороги с юга на север. Можно проехать на автомобиле от Рио-де-Жанейро до города Бразилиа и даже добраться за три

утомительных дня от города Бразилиа до Белена, недалеко от устья Амазонки, но нельзя без значительных трудностей путешествовать по суше из освоенных районов к западу и юго-западу от города Бразилиа дальше на запад, в направлении к таким городам на Амазонке, как Сантарен или Манаус. В последнем пышное великолепие времен каучукового бума странно сочетается с его современным обликом. По новому плану предполагалось провести дорогу от какой-то точки в центральной зоне штата Мату-Гросу примерно на расстояние двух тысяч километров, пока она не достигнет Амазонки. Дорога должна была начаться от места слияния рек Арагуая и Гаркас и идти сначала на север, к знаменитой Риу-дас-Мортис, старому пограничному водному пути, затем вдоль Серра-ду-Ронкадор, цепи невысоких холмов, которую всегда считали основным убежищем некогда грозных шаванте.

Чтобы достичь Манауса, дорога должна по возможности сторониться рек, но все же со многими ей придется встретиться. Все крупные реки в этих местах текут на север, подчиняясь Амазонке, и дороге придется пересечь первой реку Шингу. Ее верховья представляют собой лабиринт, создающий крайне сложное препятствие для любого дорожного инженера, но эта проблема сводится, по крайней мере, в одну там, где все верхние притоки Шингу сливаются, поскольку здесь придется делать более длинный прыжок, чем где-либо раньше. Проектировщики думали, что пороги Мартинс представляют собой удобное место, и поэтому на их картах пунктирная линия потянулась к этому пункту, на северо-запад от Серра-ду-Ронкадор.

Но далее пунктир утратил решительность и пошел в направлении Кашимбу (Качимбо). Что случится после этого — пойдет ли дорога дальше на запад, через реки Тапажос и Мадейра к Манаусу, или же захватит

меньший кусок неизведанной территории и двинется вместо этого прямо на север, к Сантарену, на южной оконечности дороги, еще не решили. Кашимбу находится более чем в тысяче километров от Арагарсаса, даже при самой прямой трассе дороги, поэтому для принятия решения о направлении дороги к северу от Кашимбу будет достаточно времени, пока сооружается довольно трудный участок южнее Кашимбу.

Как бы то ни было, поскольку город Бразилиа успешно создан, а финансовая система страны пока довольно надежна, Фонд Центральной Бразилии может продолжать планирование великого северного пути. Созданный президентом Жетулиу Варгасом в 1942 году Фонд нес ответственность за все основные планы развития в этом районе и предпринял строительство дороги еще до того, как город Бразилиа официально стал столицей, стапятидесятикилометровый участок дороги от Арагарсаса до Шавантины — первый нерешительный скачок на север — был закончен в 1950-х годах, но старая индейская граница по Риу-дас-Мортис некоторое время сдерживала развитие событий. Город Шавантина, построенный на берегу этой реки, в котором имеются больница, церковь, аэродром, электричество и футбольное поле в центре, конечно, не город Бразилиа, но все же это по-новому спланированное поселение, хотя и очень скромных размеров. Вокруг площади расположены аккуратные бунгало и прямые улицы, но чуть подальше находится город лачуг. В нем нет улиц, а только протоптанные по земле тропинки. Здесь стены домов сделаны из дерева и земли, а крыши преимущественно тростниковые. Здесь распоряжаются не планировщики, а само население.

Дальше вниз по реке находится лагерь уцелевших индейцев шаванте. Они иногда забредают в Шавантину

— поселение, названное в их честь, — чтобы посмотреть, что там происходит, провести день. В пыли остаются отпечатки их широких ступней. Индейцы в поношенной европейской одежде выглядят неряшливыми. Они все еще подрезают волосы так, как это принято у шаванте, — челка на лбу, волосы очень короткие на макушке и длинные на затылке. У них все еще мощное телосложение, как у предков-воинов, но в городе Шавантина шаванте кажутся чужими. Один из них поступил работать механиком в мастерскую и постригся так же, как и все горожане, но большей частью индейцы не принимают участия в жизни этого новехонького поселения на их древней земле.

Индейцы обычно говорят, что они охотились на попугаев макао из-за их ярких перьев, на ягуаров — чтобы раздобыть когти для ожерелья, а на сборщиков каучука — чтобы заполучить рыболовные крючки, потому что крючки так же обязательно находились в карманах сборщиков каучука, как когти на лапах ягуара. А теперь шаванте только выпрашивают эти крючки, или батарейки для фонариков, или fumo preto (табак, который продают на сантиметры), а потом возвращаются в свою деревню. Индейцы не вмешиваются в дела города Шавантина, и, в свою очередь, Бразилия, покорившая индейцев, не обращает на них внимания.

В 1960-х годах Фонд Центральной Бразилии приступил к осуществлению нового броска на север. Фонд соорудил два моста в Арагарсасе — один пересек изумрудные воды реки Арагуая, а другой, почти сразу же за ним, перешагнул через коричневатую реку Гарсас. Но у Шавантины, вместо моста, соорудили паром, на котором перевозили все необходимое, чтобы продолжить дорогу на север. Там предстояло пересечь еще одну крупную реку — Ареойеш (Ареоиес), приток Риу-дас-Мортис. Через нее построили небольшой мост,

но дальше старались придерживаться водораздела. Это означало по возможности держаться западнее всех рек, текущих на восток к Риу-дас-Мортис, но восточнее рек, направляющих свои воды в систему реки Шингу. Расположенные к северу от Шавантины Серра-ду-Ронкадор послужили насыпью для новой дороги. Их наконец-то пришлось разбудить.

За переправой дорога сначала пробивалась через кустарниковую саванну (серрадос), мир искривленных и невысоких деревьев. Местами, где имелась вода, деревья росли выше и были более пышными. Там продвижение может замедлиться, но бульдозер, топор и огонь эффективно уничтожат всю растительность и подготовят дорожное полотно. Центральная часть дороги будет вымощена наиболее подходящим покрытием, добытым из близлежащего карьера. Небольшие мосты через речушки сооружали главным образом из подручных местных материалов, причем латеритовые скальные породы служили надежным основанием для длинных балок. Круглые стволы деревьев сначала обтесывали для придания им прямоугольной формы, а затем распиливали на балки такой длины, которая подходила бы для данной речушки. Два бревна клали с одной стороны и три бревна — с другой, так, чтобы любой автомобиль мог с удобством для себя проехать, минуя зазоры между бревнами. Такова была общепринятая практика, хотя приходилось дивиться, глядя на эту кривобокую конструкцию, как тяжелые грузовики буксуют вниз по склону, пытаясь преодолеть неровность.

Примерно в двухстах восьмидесяти километрах к северу от Шавантины строители дороги внезапно столкнулись с лесом. Бесконечная кустарниковая саванна сменилась бескрайним лесом, вследствие чего работы замедлились. По обе стороны дороги нужно было прорубить две довольно широкие полосы, чтобы

предохранить ее от падающих деревьев. Лесное сообщество обычно предохраняет отдельные деревья от штормов и от необходимости стоять вертикально. После вырубki дорожной просеки крайние деревья неожиданно оказываются незащищенными. Самый слабый ветерок может свалить их на землю с такой легкостью, которая кажется невероятной для деревьев, привыкших ежегодно переносить штормовые ветры. Поэтому по мере продвижения строителей вперед они оставляли за собой ровную коричневую (или красноватую, или желтую) поверхность только что законченной дороги, окаймленную по сторонам менее аккуратными полосами пограничного разрушения. Эти полосы не нужно было очищать столь тщательно, как дорожное полотно, и они вскоре превратились в место свалки корней, полусгоревших деревьев, оставшихся от гигантских костров, и вышедших из строя деталей разных машин. На эту «ничейную» землю деревья могли падать безнаказанно, как это часто и случалось.

Шел 1965 год, когда правительство Бразилии разослало приглашения правительствам многих стран. В приглашении было сказано, что открывается доступ к исследованию огромной территории, лежащей на севере штата Мату-Гросу и в штатах Пара и Амазонас. Пища, транспорт, топливо и все необходимое для обширных исследований будет находиться у конечного пункта сооружаемой дороги.

Британия получила такое приглашение через британское посольство в Бразилии, которое переслало его Королевскому географическому обществу в Лондоне. Затем о приглашении было информировано Королевское общество. Комитет по экспедициям Королевского общества отмечал, что дорога прокладывается через «один из немногих оставшихся на земном шаре районов, недоступных ранее для

научных исследований, и это открывает уникальную возможность проведения оригинальных исследований».

Королевское общество и Королевское географическое общество в мае 1966 года послали в Бразилию разведочную партию. А. Ф. Маккензи, бывший советник по сельскому хозяйству в министерстве по развитию заморских территорий, и Иен Бишоп, молодой зоолог из Лейстерского университета, провели тогда в Бразилии шесть недель. Впоследствии к ним присоединились Дэвид Хэнт, ботаник из Кью (Англия), и Х. С. Ирвин из Нью-Йоркского ботанического сада. Эта партия проделала путь от Рио-де-Жанейро до города Бразилиа, затем далее на запад к Арагарсасу через Гоянию и реку Риу-Верди и наконец по знаменитой дороге. Они побывали в городе Шавантина, пересекли на пароме Риу-дас-Мортис и достигли конечного участка дороги, находившегося на расстоянии 1600 километров от предполагаемого места ее окончания у Амазонки.

Эта разведочная партия прислала восторженное сообщение. В нем говорилось, что места здесь чрезвычайно интересные и что по мере продвижения дороги на север они будут не менее интересными, если не более. С другой стороны, удобство передвижения, которое предоставляет новая дорога, означает, что освоение местности будет проходить быстро, вследствие чего она вскоре попадет под тяжелую поступь XX века. Поэтому надо спешить. Эти места необходимо изучить, до того как начнется их освоение. Дополнительный повод для проведения исследований представляют индейцы, где бы и как бы они ни жили. Освоение местности вновь нанесет им удар, так же как и их лесам.

В Лондоне были приняты соответствующие решения, и Иен Бишоп, назначенный руководителем основной экспедиции, был направлен в авангарде

ученых, первая партия которых должна была прибыть в Бразилию двумя месяцами позже. Вместе с Иеном поехала медсестра Анджела, которая незадолго до этого стала его женой.

Оба Королевских общества, памятуя о всех знаменитых экспедициях, посланных ими в прошлом, когда даже мысль о том, что руководитель экспедиции отправится вместе с женой, была абсолютно неприемлемой, тем не менее не были смущены женитьбой Иена после назначения его руководителем. Во всяком случае, он проявил настойчивость и не согласился на то, чтобы его молодая жена осталась в Англии.

Иену поручалось следующее. Он должен посетить в Рио-де-Жанейро и городе Бразилиа соответствующих лиц и выяснить, как прошло оборудование экспедиции через таможню, затем подготовить наиболее простой маршрут следования ученых к месту назначения и выбрать подходящее место для лагеря.

Общества — организаторы экспедиции в Мату-Гросу вначале назвали свое мероприятие экспедицией в Центральную Бразилию. Впоследствии это неопределенное название было заменено на экспедицию Шавантина — Кашимбу. Хотя Шавантина находится в штате Мату-Гросу, а поселение Кашимбу — в штате Пара, новая дорога свяжет их между собой. Шавантина уже бурно развивалась как плановым, так и неплановым путем, тогда как в Кашимбу почти ничего не было, кроме самого названия и посадочной площадки. Это поселение ждало, когда к нему подойдет дорога, чтобы тоже расцвести, разрастись и встать на путь активного существования. Таким образом, между Шавантиной и Кашимбу проходил путь от реальности к планам, от настоящего к будущему, и название подытоживало цели экспедиции, хотя никто из ее участников впоследствии не побывал ближе чем

за полтораста километров от Кашимбу, если не считать полетов над ним. Дорога уже прошла через первый из этих городов и пройдет через другой, и ее прокладка породила экспедицию Шавантина — Кашимбу.

Тем не менее оба эти поселения изображаются на карте только точками, а дорога между ними после завершения станет едва заметной царапиной на здешних огромных пространствах. Дорогу из Шавантины можно сравнить с тем, как если бы, например, через всю Европу был проложен лишь один-единственный путь. Если проехать по этой дороге сотню километров и остановиться, то вас охватит благоговейный страх при мысли о том, что на сотни километров отсюда — на запад, северо-запад или на север — больше никакой другой дороги нет. Еще страшнее лететь над этой одинокой дорогой и видеть ее жалкие размеры в истинной перспективе. Дорога представляется весьма важной, когда по ней едешь, а с самолета большое впечатление производит та легкость, с которой теряешь ее из виду в море зелени. Размеры этой части нашей планеты трудно себе представить. Трудно себе представить также и ее малолюдность.

Космонавты говорят, что из космоса трудно обнаружить какие-либо следы пребывания человека на нашей планете. Крупные города затянуты дымкой. Большинство же других творений человеческих рук слишком ничтожно, чтобы их можно было разглядеть с орбиты. Поэтому зеленая территория к северо-западу от Рио-де-Жанейро не кажется сильно отличающейся от других больших пространств планеты, с их различными оттенками коричневого и зеленого. Даже если бы космонавт спустился на землю с далекой орбиты тогда, когда индейцы были полными хозяевами этих мест, он все равно увидел бы километры и километры лесов и кустарниковой саванны, почти без всякого признака обитателей. У индейцев были свои незаметные

тропинки, но они не изменяли лица земли. Они охотились на ней. Они собирали ее плоды. Они только использовали окружающий мир, а не изменяли его. Поэтому ни их приход, ни их уход не был разрушительным. По одной только этой причине здешние места можно назвать нетронутым раем, частью прошлого, миром в себе.

Экспедиция Королевских обществ вначале решила провести исследования всех земель, прилегающих к завершенным участкам дороги север — юг. Хотя эта дорога и представляет чуть заметную царапину на поверхности земли, она в конечном счете приведет к преобразованию нескольких сот тысяч квадратных километров, и места стоянок экспедиции будут захвачены этими переменами столь же несомненно, как и сотни других, пока безымянных и незаметных пятнышек на карте. Пока еще не существует никаких надежных топографических карт этого района, но есть материалы аэрофотосъемки, с которых были сделаны кое-какие карты. Неточность последних служила дополнительным свидетельством отдаленности этого древнего мира. Дорога в свое время изменит все это. Здесь появятся и карты, и проблема загрязнения среды, и эрозия, и меры по охране природы.

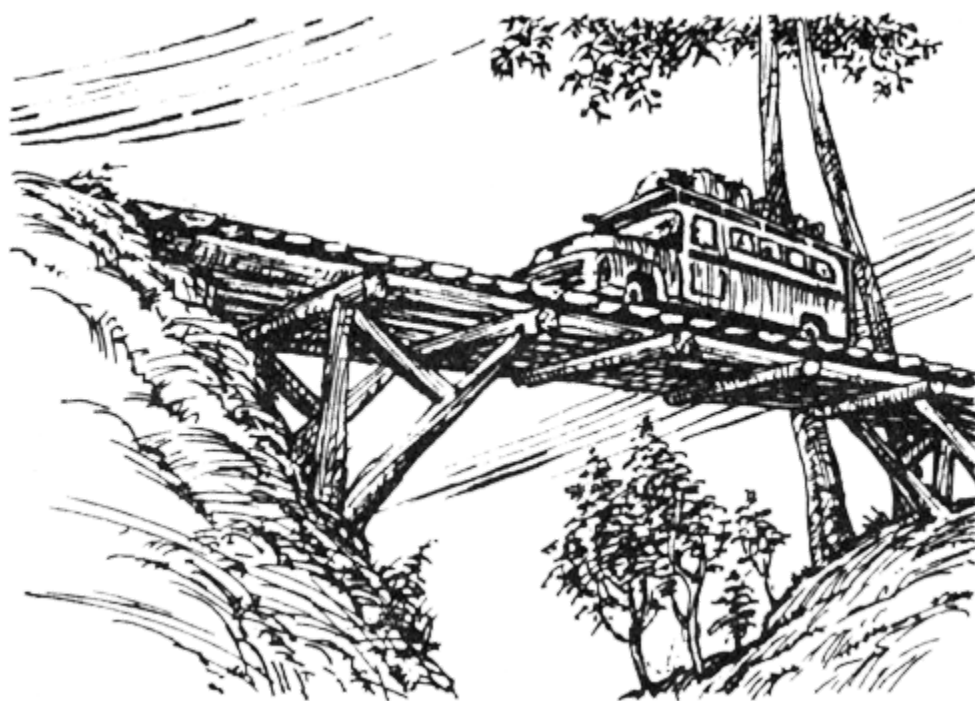
Но когда Иен и Анджела Бишоп отправились из Лондона в Рио-де-Жанейро, дорога была еще новой, и райский сад, который они вместе с другими учеными должны были исследовать, стоял все еще нетронутым и неповрежденным. Неисследованная территория веками была безлюдной, затем служила домом для индейцев, а затем, трагически лишенная большинства этих первых пришельцев, стала давать фантастические прибыли. Дорога прошла сквозь нее подобно хирургическому разрезу XX столетия, уверенно распространяющему присущую ему инфекцию во всех направлениях. Времени терять было нельзя. Скоро эта земля окажется

в руках второй волны наследников, и это новое вторжение не будет церемониться со своим наследством.

Глава вторая

Путь в рай

Воздушный транспорт совершенно искажил облик современной экспедиции. Изобилие нелепых предметов снаряжения, принадлежащих к иному миру, — шарфов, пальто и тому подобного — подчеркивало спешку, присущую межконтинентальным путешествиям, которая оставляет так мало времени для адаптации.

К счастью, Бразилия быстро корректирует график прибывшего, позволяя ему собраться с мыслями и выбрать надлежащую одежду. Когда экспедиция Шавантина — Кашимбу уже приступила к работе (с середины 1967 года до ее завершения двумя годами позже), соучастники добирались до города Бразилиа довольно быстро, но затем располагали достаточным временем, чтобы преодолеть оставшиеся 530

километров — расстояние по прямой от столицы до лагеря. Покрыть за один день первые десять тысяч километров — это неплохо. А последний участок пути хорошо если отнимал четыре дня, но зачастую он требовал значительно больше времени. Различные мелкие задержки, встречавшиеся на пути, давали возможность попрактиковаться в разговоре на португальском языке.

Люди, приглашенные исследовать часть чужой страны, предполагают, что им будут сделаны какие-то уступки, и, лишь потеряв много драгоценного времени, они начинают понимать, что одно наличие приглашения ничего еще не значит. В Бразилии самым подходящим местом для разочарования был порт прибытия, потому что в нем находилось управление бразильской таможни. Многие английские ученые покинули Бразилию задолго до того, как прибывшее с ними оборудование ушло со складов таможни. Другие же, перепланировавшие свою работу из-за отсутствия оборудования, стали планировать ее заново, когда их грузы таинственным образом были выданы таможней.

Каждый из английских гостей провел в лагере в среднем несколько меньше трех месяцев, а в общей сложности приглашением исследовать этот рай смогли воспользоваться сорок шесть специалистов из Англии. На короткое время или на длительный срок, молодые или старые (самому молодому было двадцать один год, самому старому — шестьдесят шесть), мужчины или женщины, имея оборудование или оставив его в таможне, покинув свои лаборатории, приезжали поработать в Бразилии.

До прибытия в столицу маршрут и график следования у каждого ученого был индивидуальным, в соответствии с его (или ее) пожеланиями. Путь каждого из города Бразилиа становился в равной степени уникальным, но уже по множеству причин. Внутренние

районы страны добавляли разными способами — отменой рейса самолета или проколотой шиной — то необходимое время, которое столь грубо устранял скоростной перелет из одной страны в другую.

Покидать город Бразилиа по дороге сложно. Казалось, в этом новом городе, выстроенном на пустом месте, выездные пути должны расходиться во всех нужных направлениях по радиусам, подобно спицам в колесе. Вместо этого совершаешь «кругосветное» путешествие, как по лабиринту, по всевозможным объездам, петляющим дорогам и бог весть чему, прежде чем удастся выбраться на постоянный курс и предоставить солнцу возможность нагревать только один бок автобуса. Затем автобус компании «Виакау Арагуариана», направляющийся в Гоянию, начинает пожирать километры, оставляя позади местность с красной землей. Дорога гудронированная, с неровными, сильно избитыми обочинами. Цепочка тонких столбов, иногда побеленных, несущих один или два телефонных провода, некоторое время тянется вдоль дороги. По обеим сторонам бродят случайные группы зебу, пасущиеся в кустарниковой саванне. Стоят большие щиты, обращенные «лицом» к едущим в город Бразилиа, и ни одного — к покидающим столицу.

Прошло около двух часов спусков и подъемов по пыльной стране пологих холмов, и вот автобус въезжает в небольшое селение, которое служит удобным местом для остановки в нашем путешествии. Все втискиваются в бар «Пошту Мокасп», чтобы подкрепиться. В баре продаются сладости и булочки, но за чашечку кофе платит автобусная компания. В городке Алешандрия нет никаких крупных зданий, но у него вполне западный вид, с его двойными рядами скромных построек. Однако он несколько напоминает и столицу тем, что расстояние от одной стороны улицы до другой больше шестидесяти метров. Сама дорога на

этом широком проспекте кажется всего лишь полоской, находящейся на достаточном удалении от фасадов хижин, где люди сидят, разговаривают, стоят, прислонившись к стене, или разглядывают лошадь с проступающими ребрами, пинают еще более худую собаку, а дети играют с ободранными останками грузовика, давно закончившего свое брренное существование.

Раздается гудок автобуса — и путешествие продолжается. Бразилия все более раскрывает себя. То тут, то там появляются небольшие банановые и фруктовые плантации, где деревья беспорядочно толпятся вокруг какой-нибудь неказистой хижины, этого простейшего прямоугольного подобия дома, вид и планировка которого одинаковы на всем земном шаре. Дверной проем представляет простую раму из трех досок, окна — рамы поменьше, но из четырех досок, а стены земляные, из жердей, или кирпичные, или из всего понемногу. Крыша покрыта тростником или железом, а ее скаты столь же ортодоксальны, как и прямоугольная форма дома. От разбрызганной дождями земли стены внизу изменили цвет, и дома выглядят древними. Куры, копошащиеся вокруг, выглядят не менее древними, их можно встретить везде как неизбежную принадлежность людей, едущих на телеге, в автобусе и даже в поезде или такси. Птицы на вид кажутся мертвыми, как им и следовало бы быть, но они бросают медленные моргающие взгляды, чтобы привести в замешательство любого пожелавшего это проверить.

Говорят, что Бразилия вполне может прокормить один миллиард человек благодаря идущим дождям и ее огромным размерам. На самом же деле Бразилия ввозит продукты питания, а многие жители северо-востока страны часто голодают и даже умирают от истощения. Попав сюда прямо из Европы, сев в автобус, идущий на

Гоянию, и проехав многие километры мимо лишь частично освоенных земель, начинаешь понимать, что, как бы низка ни была плодородность почвы, Бразилия только начала чуть-чуть использовать возможности этого края. Эксплуатация пока самая элементарная — и вскоре ею будет охвачена большая часть Мату-Гросу, — но крупномасштабное освоение страны все еще дело будущего. Где плотины? Как используется гидроэнергия? Чем прокормить ежегодный прирост населения в 3,5 процента? Да и где все эти люди — сотня миллионов человек этой пятой по численности нации мира? Несомненно, они не селятся в серрадос, этой пустынной зоне в пустынной местности.

Рекламные щиты дают на это все более убедительный ответ по мере увеличения их размеров. Вот мы приближаемся к другому городу: «Пейте кока-колу», «Шины Данлоп», «Станция обслуживания фирмы „Фольксваген“». В городах есть люди, и их население возрастает вдвое быстрее, чем в целом по стране. Южная Америка — это городское общество на сельском фоне. Это пустота со случайно встречающимися толпами. Это серрадос. Но вот за поворотом, подобно коврику на земле, раскинулась Гояния.

Белостенные небоскребы Гоянии видны с большого расстояния. Подобно городу Бразилиа, развитие Гоянии представляет собой плановое продвижение в глубь страны, осуществляемое правительством. Улицы Гоянии безукоризненно прямолинейны, но жители наложили свой отпечаток на строго спланированную чопорность города. В результате получился теплый, дружелюбный, суматошный город, в котором гораздо легче все купить, причем лучшего качества, чем пока что в городе Бразилиа. Автобус выруливает к стоянке и высаживает пассажиров, устремляющихся в поисках еще одной чашечки кофе.

У тех, кто не бывал здесь раньше, есть время поразмыслить над своеобразием изоляции Гоянии — этапного пункта на пути на запад. Город насчитывает почти один миллион жителей. Его расположение удобно для следующего прыжка в глубь страны. На сотни километров к западу от него расстилается Бразилия, но поездка в этом направлении была сопряжена с наибольшими трудностями. Участникам же экспедиции нужно было ехать именно на запад. Богатый, растущий, с тянущимися вверх небоскребами, этот промежуточный этап представляет изолированный островок кипучей деятельности, созданный планировщиками.

В период работы экспедиции добраться до следующего промежуточного этапа, Арагарсаса — всего каких-то триста с небольшим километров напрямик, как летит ворона, — можно было двумя способами. Первый — это посоревноваться с вороной и достать место на один из двух самолетов «Дакота», прилетающих сюда каждую неделю по пути в Куябу, столицу штата Мату-Гросу. Самолеты были превосходным средством сообщения, когда прилетали, но нет ничего пустынее аэродрома без самолетов, которые задержались из-за плохой погоды или поломки двигателя где-то в другом месте. Если вам скажут во вторник, что самолет может прилететь в пятницу или что сначала должен прибыть механик из Сан-Паулу, то подобная информация способна привести вас в отчаяние, словно узника крепости, и вынуждает незамедлительно отправиться на поиски другого транспорта. (Пассажиры-бразильцы, конечно, всегда безошибочно знали, что в данный день никакого самолета не будет и даже благоразумно не приезжали на аэродром, что придавало ему еще более заброшенный вид. Увидев там одних иностранцев, можно было сразу сказать, что никакой самолет не прибывает и не ожидается.)

Второй способ продвижения на запад складывался из путешествия на юго-запад, а затем, после такого большого крюка в противоположном направлении, — пути на северо-запад, для компенсации ошибки. Это длинное отклонение, требующее двадцатичасовой поездки на автобусе, чтобы преодолеть 320 километров полета по прямой, имеет исторические причины, объясняющие его противоречивость. Во-первых, вдоль более прямого пути когда-то существовали бурно выросшие города, такие, как Гояс, но затем для них наступили тяжелые времена, а вместе с ними пришли в упадок и дороги. Во-вторых, поездке на запад в Арагуаю и к Риу-дас-Мортис всегда препятствовали находившиеся на пути индейцы. Люди строили дороги, даже немощеные и причудливо извивающиеся, от А до Б, но со значительно меньшим энтузиазмом относились к прокладке дороги из А неизвестно куда или из А в индейскую страну.

Поэтому ученые или садились в самолет, летавший в Арагарсаса два раза в неделю, или втискивались в автобусы и пили бесчисленные чашечки кофе по пути через Жатай, Кайапония, Пираньяс и Бон-Жардин-де-Гояс, чтобы прибыть в тот же Арагарсас после двадцати часов пребывания в пыли, а если в пересадочных пунктах автобуса не было, то и тремя днями позже. Те, кто ехали на автобусах, к моменту прибытия приобретали вид бывалых путешественников, а также становились убежденными сторонниками освоения прилегающей к дороге местности. А прилетевшие на самолете после двухчасовой болтанки на небольшой высоте были зелеными, как тяжелобольные, зато они могли наблюдать сверху длинные зигзагообразные дороги, разбросанные дома, прямые линии вырубленного леса и кустарников, глубокие эрозионные овраги.

Пассажиры самолета располагали лучшей возможностью рассмотреть географическое положение Арагарсаса, состоящего из двух городов, расположенных в месте слияния двух рек — темно-зеленой Арагуаи и коричнево-зеленой Гарсас. Официально Арагарсас возник в начале 1940-х годов, как часть пути с юга на север, запланированного Фондом Центральной Бразилии. Неофициально на этом месте раньше было поселение, возникшее отчасти потому, что старатели считали место слияния рек благоприятным для промывки золота. Теперь здесь Фонд Центральной Бразилии создал аэропорт, «Гранд-отель» и широкие улицы, с фонарями и деревьями вдоль них. Вместо парома, который связывал оба берега слившихся рек, планировщики выстроили мост, немного выше по течению. Большие мосты нечасто можно увидеть в Центральной Бразилии, но этот по праву завоевал широкую известность. Он был построен, чтобы соединить новый город Арагарсас в штате Гояс со всеми новыми землями в штате Мату-Гросу, и представлял важнейшую переправу на этом великом северном пути.

Под влиянием этого строительства город Барра-ду-Гарсас на другом берегу также разросся в крупный населенный пункт. Его застройка не столь упорядоченная, как у города на другом берегу, и он застраивается в основном частными предпринимателями, но, несмотря на это, город служит главным центром гигантского административного департамента или префектуры, которая включает весь район Серра-ду-Ронкадор, вплоть до Кашиейра-Мартинс на северо-западе и до Сан-Фелиса на северо-востоке. В границах одного этого административного района вполне могут разместиться Англия с Уэлсом. Префектура управляет землями этого огромного владения в лице полудюжины людей, сидящих в двух комнатах.

Правительственный контроль в различных секторах бразильской администрации, видимо, весьма слаб. В префектуре Барра-ду-Гарсас легкость его кажется невероятной.

Основным украшением в помещении префектуры служит карта этой огромной территории, аккуратно разделенной на прямоугольные земельные участки. Внутри каждого прямоугольника записана фамилия его предполагаемого владельца, занесенная после продажи правительством этого поместья в джунглях за номинальную цену — один-два пенса за акр. Однако заметим, что ни одна фамилия, написанная на карте, не соответствовала фамилии или фамилиям любого из владельцев, фактически живущих на любом из этих прямоугольников, которые нам предстояло посетить. Продажа и перепродажа участков приняла невероятно широкий размах. Несомненно также, что на владение некоторыми участками имеется не один претендент, поскольку продажа участков в штате Мату-Гросу — как законная, так и незаконная — была обычным и выгодным делом еще задолго до того, как индейцы были согнаны с этой земли, и задолго до появления достоверных аэрофотоснимков вместо карт.

Следует сказать, что город Барра-ду-Гарсас представляет собой привлекательную смесь магазинов и домов. Торговля находится почти целиком в руках арабов — таково общее наименование всех современных финикийцев, которые считают выгодным открывать магазины во всех диких местах, где бы они ни находились — в Западной Африке или Центральной Бразилии. Стиль торговли у них универсальный — они продают прямо из упаковочного ящика покупателям, имеющим кредит, несильный кредит, всемогущий кредит, играющий жизненно важную посредническую роль. Наиболее привлекательными, с хорошим ассортиментом и процветающими были, хотя бы по

внешнему виду, аптеки, которые удовлетворяют как мнимые, так и подлинные потребности. В каком-нибудь местечке Центральной Бразилии, столь остро нуждающейся во многих благах цивилизации, кровь любого жителя может иметь более высокое содержание антибиотиков (в результате старательного и непрерывного самовведения), чем где-нибудь в антисептических больничных палатах Западной Европы. В то время как фармацевты с удовольствием удовлетворяют прихоти своих клиентов, большинство других магазинов имеет более функциональный и узкий характер, продавая топоры, швейные машины, два сорта шляп, гамаки одного сорта, крайне скудное разнообразие продуктов и ничего такого, что не представляло бы насущной необходимости для большинства людей в течение большого времени.

Каждый из членов экспедиции при поездках на юг или на север стал завсегдатаем двух заведений, потому что они, каждый в своем роде, были превосходны: отеля «Канашу» и ресторана «Вера-Круз». Отель гордился неприхотливыми номерами и туалетом в конце прохладного двора, где были протянуты веревки с бельем и росли многочисленные банановые пальмы. В ресторане же подавали пищу, как только клиент садился за стол, задолго до того, как он мог сообщить свое желание цветущим официанткам. На стол выставляются тарелки полные риса, фасоли (основной гарнир, который в ходу в Бразилии), мяса, помидоров, жареных пизангов (вид банана), яиц и сырого лука.

Все места — и не только город типа Барра-ду-Гарсас — необходимо смотреть и оценивать дважды: как на пути в глубь страны, так и возвращаясь оттуда; за это время они претерпевают коренные изменения. Довольно подозрительная санитария становится достойной похвалы. Плохо подпружиненная кровать превращается в кровать с полноценными пружинами,

пятиваттная лампочка, то затухающая, то разгорающаяся в зависимости от нагрузки, кажется уже чем-то восхитительным. По возвращении же из джунглей в этот город вы с жадностью и благодарностью набрасываетесь на эти крохи комфорта.

Строительство дороги к северу от Барра-ду-Гарсас было начато в конце 1940-х годов. Когда в Шавантине на Риу-дас-Мортис был сооружен аэродром, в 145 километрах к северу от аванпоста Арагарсас, то логическим шагом было соединить эти два пункта дорогой. Такая дорога была проложена и, насколько это было возможным, в обход всех низменных и болотистых мест, заросших бамбуком, с черной болотной почвой. Фонд Центральной Бразилии сделал в Шавантине передышку.

В этот район двинулись переселенцы, или законно, как удостоверенные владельцы, или случайно, как скваттеры, чтобы временно попользоваться землей, и местность сразу приобрела обжитой вид, как будто этот освоенный кусочек существует с незапамятных времен, а не несколько лет.

Древние повозки, с круглыми сплошными колесами без спиц, тащились по дороге. Автобус с выцветшей надписью курсировал на юг, или север, или в обе стороны почти каждый день. Другие автомобили разных типов едва плелись или мчались по дороге примерно через каждый час. Прямая дорога, проложенная строителями, приобретала все новые изгибы, так как водители объезжали различные препятствия, причем кривые уходили все дальше, чтобы избежать избитой колеи, проложенной ранее. На остановке, находившейся на полпути по этой быстро постаревшей дороге, продавались холодное пиво и guarana — сладкий и безвредный напиток. Однако самым распространенным освежающим средством был

апельсин — его очищали от кожуры ножом, как яблоко, а затем высасывали из него сок. Такие высосанные апельсины, белые, как грибы-дождевики, которые так и хочется пнуть ногой, представляли основную разновидность мусора в Мату-Гросу наряду с крышками от бутылок и фильтрами сигарет. Стоило посмотреть на землю почти в любом месте, где побывали люди, чтобы увидеть весь этот мусор, который клевали вездесущие куры.

В те времена, когда экспедиция имела наибольший размах, в Шавантине всегда находился англичанин, направляющийся на север в лагерь или на юг. В Шавантине не было ничего, пока сюда не прибыл Фонд Центральной Бразилии, с тем чтобы сначала построить посадочную площадку, затем больницу, школу, церковь, городскую площадь с отелем «Шавантина» и несколько улиц с аккуратными и одинаковыми домами по обеим сторонам. К тому времени, когда англичане приехали посмотреть Шавантину, ее население насчитывало тысячу человек. Приезжие могли купаться в холодной зеленой воде Риу-дас-Мортис, любоваться сказочными закатами солнца, сравнивать достоинства пива «Антарктика» и «Брахма» и разглядывать первого встреченного индейца. Шаванте с удовольствием выпрашивали подарки, улыбались при явной неудаче и хохотали над очевидным несчастьем.

Многие из них говорили по-португальски, приближая свое лицо к вам так близко, будто обоим беседующим было легче понимать друг друга, если они находились не в фокусе зрения.

Бразильские власти предоставили в распоряжение экспедиции дом в Шавантине, в котором члены экспедиции останавливались, когда ждали транспорта на север или юг. Большинство их могло начинать исследования почти сразу же, выйдя из дома. Река была полна рыбы, и ребяташки с большой охотой ловили ее.

За короткое время здесь можно было увидеть значительно больше птиц разных видов, чем в любом месте Европы. И везде вокруг — за плантациями манго и за неизбежным районом лачуг, который лепится почти мгновенно к любой плановой застройке в Бразилии, — расстилалась саванна с деревьями и кустарниками, которые расцветали и плодоносили каждый в свое время.

Большую часть времени Шавантина была пустынным местом, с совершенно пустой больницей — как без медицинского персонала, так и без пациентов — и необычайно безлюдными улицами. Лошади или пощипывали пыль там, где сквозь нее пробивалась зелень, или стояли на солнце, понутив головы. Время от времени в городок с грохотом вкатывался автомобиль, который или останавливался, или ехал к парому и начинал там сигналить. Дорога через Шавантину была, несомненно, основной магистралью на север от Арагарсаса, но каждая переправа на пароме представляла своего рода событие, редкое и отнимавшее много времени. В ожидании паромщика водители машин ставили под колеса подпорки. Вскоре — зачастую не очень скоро — паромщик появлялся. Он помогал автомобилю въехать на паром, который направлял затем к другому берегу с помощью подвесного мотора мощностью двенадцать лошадиных сил, установленного на выдолбленной из дерева пироге. За перевозку днем паромщик взимал десять шиллингов, а за перевозку ночью — один фунт стерлингов, и вот таким скромным, неторопливым и нерегулярным образом протекала переправа через знаменитую Риу-дас-Мортис. Пересечь эту реку в 1940-х годах, до «умиротворения» индейцев шаванте, означало накликать на себя беду и даже расстаться с жизнью. Пересечение ее, когда был выстроен город Шавантина, было связано с некоторым раздражением

из-за неизбежной задержки, но также позволяло полюбоваться стайками черных кукушек, береговыми ласточками, которых здесь называют *martim pescador*, и ласточками, сидящими на телефонных проводах, а затем прогуляться за последней чашечкой кофе, на этот раз в бар «Глория», и бросить взгляд назад, на Шавантину. Как и в Арагарсасе, здесь на одном берегу реки находилась плановая застройка, а на другом — менее упорядоченная. Из этой более северной и более бедной части Шавантины дорога опять устремляется на север. Для приезжих ученых это был последний этап их путешествия.

Предстояло пересечь еще одну крупную реку, Ареойеш. В сухой сезон ее размеры невелики, и она течет в самом низу лощины, но в сезон дождей она может подняться на шесть метров и более, поэтому Фонд Центральной Бразилии выстроил над ее сезонными бурными водами мост почтенных размеров. За ним дорожники направили свои усилия в сторону Гарапу — еще одного из этапов на пути к Амазонке. Первоначальное назначение Арагарсаса, Шавантины, Гарапу и всех остальных пунктов далее на север состояло в том — я подчеркиваю это важное положение, — чтобы создать самолетные этапы для большой авиалинии на север. Если между этими аванпостами удастся построить дорогу, это будет очень хорошо, но в первую очередь они предназначались для авиабаз. Именно по этой причине Гарапу был выстроен в таком месте, которое представляет рай для строителя мостов, если он располагает необходимыми средствами и свободой действий. Рио-Сети-де-Сетембро, Кулуене, Кулисеу и десятки более мелких рек требовали сооружения через них больших мостов, если дорога пойдет от Гарапу дальше на север. Вследствие этого дорога, подойдя к Гарапу, там и остановилась: никто не

посмел вести дорогу дальше на север, в обширную речную сеть верховьев Шингу.

Именно это препятствие, нарушившее планы строителей дороги, сыграло впоследствии весьма благотворную роль при создании Национального парка Шингу, поскольку на территорию, предназначенную для индейской резервации, оказалось мало других претендентов. Таким образом удалось выделить двадцать одну тысячу квадратных километров территории Шингу, объявить о создании резервации и утвердить ее правительственным декретом (в 1967 году).

Может показаться парадоксальным, что изобилие рек послужило здесь препятствием, особенно с точки зрения первых исследователей, которые двигались именно по рекам, а также для индейцев, считавших их самыми удобными средствами сообщения, но дело обстояло именно так. Поэтому, дойдя до Гарапу, первопроходцы основали там довольно большое поселение, но дальше не пошли.

Пришельцы добирались до Гарапу вначале по воздуху, потом по пикаде и наконец в конце 1940-х годов — по дороге. Только пикада двинулась дальше на север, связывая последующие посадочные площадки на своем пути — Васконселос, Дриаурун, Жасари, сама же дорога многозначительно остановилась в Гарапу. Территория вокруг следующего аванпоста на пути — Васконселоса была густо заселена индейцами, именно она и стала впоследствии всемирно известным Национальным парком Шингу. Авиабазы этого аванпоста (после того как он был переименован в Пост-Леонарду) служила одновременно базой военно-воздушных сил и административным центром нового парка. Она принимала примерно раз в неделю самолет «Дакота», доставлявший сюда предметы снабжения. Здесь есть хорошая радиостанция, различные

постройки, поликлиника, но нет дороги. Есть все основания быть благодарным за подобное упущение. Даже и сегодня дорога, проложенная к этой территории, может погубить ее.

Любой новый план продвижения на север требует форсирования реки Шингу, а ее проще пересечь в том месте, где все притоки сливаются воедино. Пороги Мартинс, названные так в честь ботаника-исследователя начала XIX века родом из Баварии, представляют собой самое подходящее место для пересечения реки, поскольку прочные скальные породы обеспечивают здесь надежную опору для арочного моста. В 1965 году дорожники вновь двинулись вперед из Шавантины, но на этот раз они оставили без внимания старую дорогу в Гарапу, а направились севернее, вдоль узкой гряды Ронкадор.

В 1966 году, когда разведочная партия из Лондона находилась в этих местах, дорожники работали в двухстах километрах к северу от Шавантины. В апреле 1967 года, когда Иен Бишоп выехал из Англии, дорожники находились уже почти в пятистах километрах к северу от Шавантины, в глубине зоны лесов, оставив на юге легко проходимую серрадос. Все, по-видимому, шло хорошо, и дорога уже готовилась повернуть к порогам Мартинс, как все работы опять приостановились. Правительство сменилось, а новое изменило все планы. Оно ликвидировало Фонд Центральной Бразилии, сделавший столь много, и отозвало людей и машины. Одновременно правительство прекратило финансирование работ. Стук топора, прокладывающего путь сквозь бескрайний девственный мир, внезапно опять уступил место извечному шуму первобытного леса.

Этот резкий поворот был, конечно, совершенно неожиданным для английской экспедиции. Иена Бишопу уведомили о нем почти в тот самый момент,

когда первая партия в составе четырех ученых собиралась выехать из Англии. Считалось, что дорога уже прошла через территорию, весьма ценную для исследования, и что там более чем достаточно объектов исследования. Лагерь предполагалось разбить где-нибудь у дороги, чтобы ученые действовали с этой удобной позиции. В конце концов, масштабы безлюдных и необжитых пространств оставались фантастическими. Четыреста восемьдесят километров новой дороги, вторгнувшейся в пределы столь обширной новой территории, означали, что лагерь в любом случае будет находиться в непосредственной близости от десятков тысяч квадратных километров безлюдного мира.

Наконец расположение лагеря было выбрано так, чтобы обеспечить все возможные преимущества. В двух километрах от основной дороги, в месте слияния двух небольших, но непересыхающих ручьев, на самой границе между саванной, простиравшейся южнее, и лесом, идущим прямо на север, находилась бывшая стоянка строителей. Это место располагалось одновременно и в глуши, и на стыке двух растительных зон — именно то, что и требовалось. Один из дорожников Фонда Центральной Бразилии знал это место и показал его Иену Бишопу. В сентябре 1967 года, перед началом сезона дождей, сюда прибыл первый контингент в составе Иена, его жены, полутора десятков бразильцев и четырех ученых из Англии. Они разместились на поляне, между двумя крыльями галерейного леса, и с того момента это место все стали называть базовым лагерем.

Именно в этот базовый лагерь прибывал каждый следующий английский ученый, когда он выезжал из Шавантины на север, пересекал реку Ареойеш и, не обращая внимания на старую дорогу к Гарапу, ехал по новой дороге вдоль горной гряды. Один из ученых писал, что подобное путешествие было

«восхитительным для геоморфолога, но неинтересным для неспециалиста». Этот мир, в котором не было ничего, кроме самых пологих холмов, самых крохотных ручейков (за исключением периода их разлива) и вечно покрытой кустарниками серрадос, доставлял также огромное удовольствие ботаникам. Невесть откуда иногда появлялись животные: гривистый волк с длинными тонкими ногами, гигантский муравьед, один-два оленя, тут же исчезающие в редком, но весьма эффективном укрытии по обе стороны дороги. Над головой пронзительно кричали попугаи, изредка пролетавшие мимо запыленного автомобиля, мчавшегося по дороге. Макао кричали громче, но полет их был тяжелее, и выглядели они лучше всего в тот момент, когда садившееся солнце вспыхивало на перьях самой экстравагантной расцветки. Иногда неуклюже и неуверенно пролетал тукан, как бы сомневающийся, летит ли он, а солнце играло на его клюве, как на фюзеляже самолета, парящего в заоблачной выси.

Что касается людей, то их здесь было мало, особенно первое время, правда, вдоль дороги стояло несколько глинобитных хижин, появившихся почти сразу же после прокладки дороги. В этих хижинах были жители, причем довольно многочисленные, как можно было разглядеть, когда ваши глаза привыкали к царившей внутри них темноте. Человек по имени Жералдау был владельцем одного из таких скромных жилищ на полпути от Шавантины до базового лагеря, возле ручья, часть вод которого он регулярно превращал для нас в кофе в этом удобном остановочном пункте. Он вел свое хозяйство — по крайней мере, так казалось, — не сходя с гамака. Время от времени он продавал корову-другую. Ему принадлежали также несколько черно-серых свиней, несколько кур, пара хижин и большое гладкое брюшко,

которое всегда чувствовало себя вольготно в расстегнутой рубашке. В этом мире нищеты с земляным полом, качаясь в гамаке над копошащимися курами и запыленными свиньями, он каким-то образом казался процветающим. Более того, он всегда отказывался брать деньги за кофе.

Иногда дорогу перебегала *seriema*, похожая на дрофу птица, не желающая летать, или эму — птица из семейства страусов, которая совершенно не способна подняться в воздух. Иногда попадалась саранча, вполне способная летать и сохранять направление полета, но значительно менее способная изменять его. Ее парашютирующие прыжки редко завершались с изяществом, когда она цеплялась за ветку, на которую налетала. Зачастую полет оканчивался гибелью при столкновении с машиной. Нежелание саранчи покинуть дорогу или оставить себе достаточно времени для бегства было сравнимо только с поведением козодоев, которые низко припадали к земле, так что в их глазах отражался свет фар машины, а затем вскакивали и увертывались в сторону, взлетая подобно летучей мыши. Ночью свет отражался и в других глазах, владельцы которых исчезали до того, как их удавалось опознать.

Благодаря в основном козодоям, а отчасти и другим животным, дорога казалась ночью гораздо оживленнее, чем днем, а днем интересного встречалось крайне мало. Центральная Бразилия не изобилует большим количеством легко заметных животных, и это обстоятельство делало немногие подобные встречи столь характерными и памятными. Путешественники, знакомые с богатым ассортиментом диких животных, которые разгуливают, скажем, на равнинах Восточной Африки, должны были изменить свою шкалу оценок и в соответствии с ней получать удовольствие при виде одной лисицы или комбинации трехпалых и

четырехпалых отпечатков следов тапира. Здесь им приходилось смотреть гораздо внимательнее, и вознаграждение за это они получали по новой шкале.

Наконец, примерно через пять часов после переправы на пароме через реку Шавантина и через два часа после приема горячего, крупинками, кофе, приготовленного по рецепту Жералдау, путешествию наступал конец. Последний козодой прыгал в сторону от дороги, и еще одна группа ученых прибывала к месту назначения. Каждый прибывший думал, что он действительно проделал очень долгий путь. Лишь впоследствии он осознавал, насколько близко он находится от города Бразилиа, той отправной точки, которую покинул неделю назад. Даже небольшой самолет пролетел бы это расстояние меньше чем за три часа.

Вскоре после выбора места лагерь начал функционировать. Его сооружение в основном следовало проверенному временем правилу, что лучше всего придерживаться местных обычаев, что проще всего делать так, как принято здесь. Кабокло Центральной Бразилии, по происхождению наполовину негр, наполовину европеец, а возможно, также и отчасти индеец, большую часть своей жизни живет обычно в таких же домах, какие были построены в лагере. Краеугольные столбы, у которых наверху было вырублено треугольное углубление, делали из срубленных в лесу деревьев и зарывали их в землю. В углубления наверху клали горизонтальные шесты, затем такие же выемки вырубали в жердях, предназначенных для каркаса крыши, и прибивали их гвоздями.

Для того чтобы покрыть крышу, времени требовалось больше, поскольку для этого нужно было найти пальмы Бурити, срубить их, обрубить огромные пучки листьев, удалив у каждого дерева растущую

верхушку (весьма пригодную для изготовления веревок), и доставить все это в лагерь. Фактически способ сплетения листьев, то есть разделение каждой пальмовой ветви и последовательность их соединения, был индейским, как мы узнали об этом впоследствии, когда входили или, вернее, ныряли в первый из увиденных нами индейских домов. Такая крыша сослужила нам хорошую службу, не пропуская солнца и дождя, лишь изменив с течением времени свой цвет с темно-зеленого до светло-коричневого.

У лагеря была и своя идиллическая сторона. Зачастую первым утренним звуком был крик длиннохвостых попугаев, гонявшихся друг за другом, или же три визгливые ноты *piya*, две высокие и одна низкая. Восход солнца в лесу лишен той внезапности и четкости, которым он отличается, когда виден горизонт, здесь он протекает незаметно, и день становится постепенно теплее. Над нашим лагерем висело чувство безвременности, горячей и постоянной. В небе набухали огромные облака, а само оно всегда казалось больше обычного.

Здесь всегда было шумно. Цикады заводили свою песню в положенное для них время и затем не прекращали ни на минуту этот характерный для них треск. Колибри подлетали неизвестно откуда, на мгновение зависали у ярко-красного цветка, а затем исчезали в колышущейся зелени. Отряд коричневых блестящих муравьев сновал по какому-то растению, разделявая его листья и веточки на куски транспортабельных размеров и сбрасывая эти куски другим муравьям, которые утаскивали их по своим проторенным дорожкам, через упавшие деревья и под листьями, к крохотному входу в их подземную общину. Соседнее отверстие, столь же крохотное, служило выходом для потока крылатых термитов, покидавших

свое жилище и улетающих с одинаковой скоростью и в одном направлении.

Наконец солнце нисходило с выси ослепительного могущества, слишком близкой к зениту, ненадолго появлялось в виде огненного шара вблизи горизонта, затем исчезало, и наступала долгая тропическая ночь. Широкая лента Млечного Пути, намного более яркая в Южном полушарии, расстилалась подобно радуге, а привычная для нас Большая Медведица, перевернутая наоборот и незаметная, указывала вниз на Северное полушарие, лежащее где-то под окружающим горизонтом из деревьев.

Была у лагерной жизни и другая сторона, гораздо менее идиллическая. Время дня, а также то или иное место в лесу или на открытой саванне можно было с большой точностью определять, обращая внимание на то, какие насекомые были самыми неистовыми в это время. Легче всего было заметить слепней — из-за того, что хоботок у них размером с иглу шприца. Они любят тень и, конечно, кровь. Длина слепня несколько больше одного сантиметра, они родственны слепням и оводам, известным повсюду, но не мухам цеце, имеющим аналогичные повадки. Наилучший способ защиты от них состоит в том, чтобы носить толстую одежду или идти под открытым солнцем.

В толстой одежде человек потеет, и над ним со всех сторон начинают роиться потовые пчелы, меньших размеров, чем медоносные пчелы, но аналогичной внешности, с висячей третьей парой лапок. К счастью, они не жалят, как и многие другие разновидности пчел еще меньших размеров, которые любят забираться человеку в ноздри. Правда, кроме этого есть много пчел, которые жалят. Смахивая с себя пригоршню потовых пчел, можно потревожить обычную медоносную пчелу, которая немедленно жертвует своим жалом и своей жизнью, и тогда вы осознаете

свою ошибку. Еще имеются осы, которые могут причинять — и причиняют — сильную боль, прокусывая кожу, и, если их небрежно смахнуть, они, не колеблясь, начинают жалить.

Если сидишь спокойно, меньше потея при этом, то привлекаешь к себе внимание мельчайших плодовых мушек, или *acoluterae*. Они попадают в глаза, но не случайно: глаза привлекают их к себе. Пока извлекаешь из-под век их смоченные слезами тельца, другие мушки той же породы, преодолевая преграду из волос и серы, залезают в уши, создавая сильный вибрирующий звук на барабанной перепонке или возле нее. Такое двойное нападение может превратить нормальных людей в идиотов, беспорядочно машущих руками, у которых глаза слезятся, в ушах гудит, а ноздри и рот оказываются тоже уязвимыми для нападения. Конечно, размахивание руками и другие энергичные жесты, отпугивающие насекомых, заставляют вспотеть, вследствие чего прилетают новые полчища потовых пчел. К счастью, подобные нарушители спокойствия встречались местами или, скорее, не были распространены повсеместно, и из зоны их пребывания можно было уйти.

В качестве платы за подобное избавление можно было угодить в царство прожорливых «пиум». Их личинки развиваются в проточной воде, особенно в больших реках, и взрослые особи могут перемещаться на значительное расстояние от места рождения. Другими словами, если данная местность богата ручьями и реками, она изобилует также и «пиум», представителями мошек, в числе родственников которых находятся знаменитые кровососущие мошки. Они кусают любую незащищенную поверхность тела, а живут только на солнце (таким образом, от них можно спастись, бесславно отступив в темноту хижины), от их укуса вскакивают волдыри, размером в сотни раз

больше самих мошек, если организм человека реагирует бурно и раздраженно на их укусы. Даже и без сильной реакции укусы оставляют чешущиеся места, которые дня через четыре превращаются в черные пятнышки свернувшейся крови.

К счастью, по мере опускания солнца «пиум» тоже отступают. Но им на смену приходят мошки (рода *Culicoides*), которых в Шотландии называют просто кусающимися мошками. В большинстве случаев они почти не видны и их укус незаметен. Действие их укуса (они обычно нападают вечером), совместно с реакцией организма на еще один антиген, приводит к очень неприятным последствиям. Человек, вновь прибывший в лагерь, походив с голыми руками, с удивлением замечает, что у него на предплечьях появились какие-то оспины в виде многочисленных, близко расположенных красных пятен диаметром с полсантиметра, которые начинают чесаться. Поэтому мы к моменту появления мошек раскатывали рукава, засовывали штанины в носки, застегивали ворот на все пуговицы и покрывали инсектицидами остальную поверхность кожи. Подобная предосторожность имела свой недостаток, состоявший в том, что репеллент не только отпугивал насекомых, но и размягчал пластмассу любой шариковой ручки. Из-за этого ведение записей становилось грязной операцией, зато укрепляло уверенность в действенности лосьона. Бурная реакция организма на укусы насекомых, к счастью, через несколько недель или месяцев затихала, что позволяло по вечерам не закутываться с головы до ног для защиты от атакующих насекомых и не водить по бумаге размягченной шариковой ручкой, записывая события дня.

По ночам, как обычно в тропиках, тучи насекомых бьются о стекло и сжигают себя в пламени керосиновых ламп. Большие мотыльки, по всей вероятности,

обжигают себе только одно крыло, когда и начинают описывать вокруг стола концентрические круги, успокаиваясь только тогда, когда утопят свою энергию в чьем-нибудь кофе или пиве. Стоило выйти с освещенного места и побродить по лесу, стоящему рядом, как вы встречались с вездесущей песчаной мухой. Эти маленькие мушки могут пролетать сквозь ячейки москитных сеток, кусая достаточно убедительно. Кому приходилось сидеть ночью в лесу, подкарауливая какое-нибудь животное или фотографируя с большой выдержкой, тот обращал все большее внимание на присутствие песчаных мух, утрачивая постепенно уверенность в какой-либо ценности ожидания животного или фотографии. По ночам в лесу на нас нападали москиты. Но все же большую часть года противомоскитная сетка была даже не нужна.

Не все нападения наносились с воздуха. Натуралисты Европы благодушно раздвигают траву руками, чтобы добраться до интересующего их предмета. Натуралисты Южной Америки раздвигают растительность ножом или палкой. Любой европеец, устав, с удовольствием растягивается на земле — в Мату-Гросу подобное блаженство будет кратковременным: насекомые немедленно накажут его. Правда, для того чтобы подцепить клещей, не обязательно ложиться на землю.

Здесь водятся клещи трех размеров. Самые крупные из них — плоские, похожие на клопов — около трех миллиметров в поперечнике, до того как они насытятся и раздуются. Средняя, наиболее распространенная разновидность, имела в поперечнике около одного миллиметра; эти клещи любят впиваться в мягкие части тела проходящего человека, но их сравнительно легко извлечь. Самые мелкие нападали обычно легионами. В начальный момент их можно было смахнуть рукой, но

потом удалять их было значительно труднее. Сев где-нибудь в лесу на голое бревно, можно было с интересом и страхом наблюдать, как клещи подползают к вам с обеих сторон. Вначале нападающих старательно убивали поодиночке, но столь медленная борьба ни к чему не приводила. Приходилось собирать их горстями и отбрасывать прочь. Полагают, что клещи находят свою добычу по запаху, по испускаемому теплу или колебаниям. Однако каждый из нас поражался, с каким искусством они обнаруживают жертву независимо от того, какую систему обнаружения используют.

Для тех, кто жил в этом лагере, с его полуторакилометровой дорогой до главного шоссе, двадцатью двумя хижинами с комнатами для отдыха, сна и работы, запруженным ручьем, образовавшим плавательный бассейн, метеорологической станцией, водонапорной башней и стоянкой автомобилей, место казалось внушительно большим. С течением времени, когда весь участок и его дорожки были плотно утоптаны, когда в нем твердо установился распорядок, чувство родства с лагерем способствовало повышению его статуса. Время от времени жителям лагеря случалось пролетать над «акампаменто инглес» (английским лагерем), и тогда они поражались его фактическим размерам: крохотное поселение в мире деревьев, очень похожее на маленькую лодочку в океане.

Вид сверху позволял также оценить пропорции выбранной рабочей территории для лагеря, квадрата со сторонами двадцать километров. Лагерь находился почти в центре этого квадрата, и мы полагали, что такой кусок земли не был ни чрезмерно большим для проведения тщательного исследования, ни чрезмерно малым и непредставительным. С воздуха все четыреста квадратных километров площади все равно выглядели крошечными в окружении тысяч и тысяч квадратных

километров того же леса. С земли, если идешь пешком до какого-нибудь отдаленного места в этом квадрате, он казался довольно большим. Сеть пикад сделала большую часть его достаточно доступной, но ходить по нему, особенно в первое время, было нелегко. Для этих предварительных прогулок необходимы были как компас, так и хорошо изученные аэрофотоснимки.

Для людей, незнакомых с девственными лесами подобных размеров, представлялась весьма необычной та быстрота, с которой можно было потерять ориентировку в такой дикой местности. Имелись различные факторы, усугубляющие положение. В первую очередь тут не было никакого обзора, а в облачные дни не было видно и солнца. Во-вторых, здесь, как правило, нельзя идти по прямой: на пути встречаются всевозможные препятствия, что в результате ослабляет и сбивает ориентировку.

Лучше чувство направления сохраняет идущий сзади. У него имеется большая возможность ориентироваться. Тем не менее компас нужен обязательно.

В пределах ста метров человек мог ошибиться в направлении на девяносто градусов, особенно если дорога была чрезвычайно трудной и — что чрезвычайно важно — если человек был убежден, что для него удобнее уклониться в ту или другую сторону от курса, показываемого компасом. Летчики, потерявшие ориентировку, стремятся лететь — если их больше ничто не привлекает — по направлению к солнцу. Путешественники, заблудившиеся аналогичным образом, стремятся идти или ехать по направлению к чему-то конкретному. Так же обстояли дела и в лабиринте Мату-Гросу. Поддерживать прямой курс было невероятно трудно, какая бы растительность ни была вокруг — однородная или разнообразная.

После некоторых предварительных исследований, проведенных частично для того, чтобы получить представление о данной проблеме и подтвердить абсолютную необходимость пикал, было принято решение о прокладке в границах квадрата определенных маршрутов. Они должны были служить как дорогами для доступа в лес, так и секущими линиями — прямыми, идущими через различные районы, вдоль которых можно будет получать ценные сведения об изменениях характера почвы, о видах растений и тому подобном. В качестве тропинок пикады полностью изменили характер продвижения, поскольку здесь стала возможной ходьба с нормальной скоростью. Но даже и в этом случае осторожность была необходима. Прокладка пикады заключалась в том, что нужно было срубить и убрать небольшие деревья и растения на узкой полосе выбранного пути. При рубке всей растительности почти под корень и под удобным углом на пикаде появлялись многочисленные колья, заостренные вверху. Упасть на них или, в наихудшем случае, упасть навзничь, а потом сесть на такой кол было бы смертельным.

Пикада во всех случаях представляла собой компромисс между отсутствием тропинки и наличием свободного пути без каких-либо препятствий. Члены экспедиции были благодарны за прокладку этих проходов, но им приходилось проявлять непрестанную бдительность, особенно когда тропа шла через беспорядочно стоящие, скользкие, выступающие над землей остатки бамбука.

Кстати сказать, вначале пикады прокладывали англичане. Они намечали путь с помощью компаса. Также с помощью компаса они проверяли его отклонения. Бразильские рабочие наблюдали за их действиями. Когда же за дело принялись бразильцы, то без компаса, только время от времени оглядываясь

назад, они прорубали пикады гораздо быстрее и намного точнее. Теперь за работой наблюдали англичане, которые впоследствии имели мужество признаться, что тамошние бразильцы, стоявшие перед ними, знали, что к чему в здешних местах. Они всю свою жизнь жили и охотились в самых неизведанных частях Бразилии и знали многое, чему могли научить пришельцев. И пришельцам следовало как можно быстрее оценить хотя бы это обстоятельство.

Кабокло Центральной Бразилии — это такие люди, в отношении которых делать обобщения одновременно легко и невозможно. По расовым, и поэтому внешним, признакам кабокло может иметь кожу от белой до черной, при столь же сложном генетическом наследстве. Независимо от того, чья кровь в нем преобладает — нефа, индейца или португальца, — он представляет собой уникальный сплав, имея, возможно, волосы негра и черты лица индейца или же наоборот. Численность индейцев, несомненно, уменьшилась от миллионов до тысяч, но индейские гены у современного населения Бразилии представляют собой значительную часть целого. Если бы кто-то смог сложить вместе все эти части — где одну восьмую, где одну четвертую и так далее, то доля выживших индейцев была бы значительно больше. Однако в отличие от Соединенных Штатов, где человека считают негром даже тогда, когда у него лишь частица негритянской крови, в Бразилии индейца считают бразильцем, если он только частично индеец или если он хочет считать себя бразильцем. (Конечно, можно спорить, являются ли индейцы бразильцами, но никто никогда не говорит об *Indios* как о *Brasilieros*.) Один или два бразильца в лагере, судя по их лицам и почти полному отсутствию волос на теле (у индейцев редко растут волосы на лице или на груди), по лоснящимся черным волосам на голове и по цвету кожи, должны быть почти

чистокровными индейцами, но они были такими же бразильцами, как президент их страны. Несомненно, что их культура была полностью бразильской.

Тем не менее как обитатели джунглей, кабоккло имели много индейского, хотя бы потому, что они жили на той же территории и ею же пользовались. Почти все бразильцы, работавшие в лагере, превосходно умели ловить рыбу, хотя у одних это получалось лучше, чем у других. Они брали леску без всякой удочки, раскручивали ее над головой и затем забрасывали в воду, а попавшую на крючок рыбу вытаскивали моментально, сделав при этом хорошую подсечку. Они видят рыбу в воде, а увидев, сразу же замирают. Англичанин же, пристально вглядываясь в воду и поводя глазами в разные стороны, может так и не разглядеть этой рыбы, сколь бы ее ему ни показывали. Кабоккло знают, насколько ниже рыбы следует прицеливаться, чтобы компенсировать рефракцию.

Кабоккло любят восхищаться каким-нибудь величественным деревом. Когда видишь в лесу группу возбужденных бразильцев, смотрящих вверх и оживленно что-то обсуждающих, то вначале думаешь, что на дереве находится какое-нибудь животное, возможно пара обезьян-капуцинов или осиное гнездо метровой длины. На самом же деле объектом восхищения служит само дерево или из-за чрезвычайно прямого ствола, или из-за великолепия его цветов. Деревья здесь славятся как своим применением, так и названиями: деревья, стойкие к термитам или влаге, деревья, о которые гнутся гвозди, и деревья, которые хорошо горят. Лес для бразильцев, как и для индейцев, представляет своего рода «универсам» с различными товарами, из которых можно брать любые.

Некоторые бразильцы имели сверхъестественное чутье к систематике растений, группируя растения

правильно только потому, что они казались им родственными.

Часто говорят, что Бразилия — это такая страна, в которой нет расовых барьеров. Правильнее все-таки следовало бы говорить, что подобные барьеры, несомненно, существуют, но в них больше отражается классовая структура, нежели прямолинейное подразделение на черных и белых. К самым бедным слоям общества, как правило, относятся те, в ком течет много индейской или негритянской крови, те, кто всегда находились на нижней ступеньке лестницы. «Может ли негр стать здесь главой государства?» — спросили мы однажды. «О да, ему не будет создано никаких препятствий». — «А станет ли один из них когда-нибудь президентом?» — «Конечно нет, потому что он не сможет получить образование».

В прежние времена негры никогда не получали никакого образования, и они были, вне всякого сомнения, бедны. Это старое правило все еще в силе. Стоит поинтересоваться любым учреждением, как убедишься, что должностная иерархия представляет собой градацию от белого к черному. Все дворники — черные, а боссы — белые. Только в таких бесклассовых профессиях, как водитель такси, встретишь тех и других, но, вообще говоря, чем менее привлекателен труд, тем меньше вероятности увидеть там белое лицо. Подобное обобщение справедливо для страны в целом.

Стремление к восточному побережью почти столь же всеобщее, как и энтузиазм по отношению к футболу, а наряду с этой почти всеобщей любовью существует соответствующая нелюбовь к необжитым районам. Вследствие этого в Арагарсасе, в Шавантине и среди дорожных рабочих Мату-Гросу лица, как правило, черные. Из упомянутых поселений были подобраны люди для лагеря. Они были настоящие кабокло, беднее большинства других, причем совершенно незнакомые с

большими городами. Эти люди в большинстве своем не имели никакого образования и поэтому не могли занять сколько-либо важного поста. Они были бы совершенно не на месте в большом городе и, по всей вероятности, превратились бы там во второсортных граждан, так как не смогли бы приспособиться к такому ненормальному окружению. В Мату-Гросу, где нужно влезть на дерево, чтобы достать увиденную орхидею, выкопать яму для почвенного разреза или сделать укрытие от дождя, они находятся вполне на своем месте. Языковой барьер не мешал англичанам проникнуться огромным уважением к большинству их случайных коллег, а также понять, как много могут дать эти люди, не владеющие ничем.

Вместо того чтобы обучать этих бразильцев английскому языку, всем англичанам пришлось немного научиться португальскому. Сложнейшая перспектива выдачи инструкции о том, чтобы собирать одни только сложноцветные, или о необходимости зачистить свечу у подвесного мотора, или купить два напильника, или приготовить немного фасоли, исчезла полностью, поскольку из-за исключительной бедности словаря возник некий смешанный язык с усиленной артикуляцией при передаче как звука, так и смысла. Ученый мог отправиться на целый день со своим бразильским спутником, располагая лишь полдюжиной слов, общих с ним, и все же оба возвращались, сказав многое друг другу. Сами же бразильцы, хотя и не выучили ни слова по-английски, стали очень хорошо понимать англичан.

Короче говоря, в этот самый лагерь спустя неделю или немногим более после выезда из Англии прибывали английские ученые, к которым впоследствии присоединялись их бразильские коллеги. В эту крохотную точку среди джунглей, в этот оазис они прибывали с оборудованием или без него для выполнения своей работы. Там они восхищались

достоинствами лагеря и переносили его энтомологические недостатки. Вначале они потешались над вареным рисом и вареной фасолью — этими основными гарнирами к каждому блюду, — которые потом вызывали у них волчий аппетит. Они обучались структурному словарю Мату-Гросу и с удовольствием пользовались им. Они прорубали пикады, а потом совершали по ним переходы, таща на себе буры или ловушки, бинокли или гербарные прессы, в зависимости от своей специальности. Их непременно сопровождал один из бразильцев, заинтересовавшийся еще одной разновидностью работы. По вечерам они или возвращались засветло, до наступления темноты в 6 часов 30 минут, или же оставались ночевать в одном из вспомогательных лагерей, с меньшими удобствами, но ближе к месту работы. Долгие тропические вечера были весьма подходящими — если не брать в расчет насекомых и их стремления к самоуничтожению — для записей о проделанном за день. Эти заметки составляли фактическую канву всех статей, опубликованных впоследствии.

Глава третья

Индейцы

Рекомендация Королевского общества о том, чтобы в каждом случае при выходе за пределы лагеря группа состояла не менее чем из шести человек в качестве меры предосторожности против индейцев, вскоре была отброшена. Стало очевидным, что в прилегающей местности индейцев нет совсем. Фактически никому не привелось увидеть индейца — как «умиротворенного», так и еще с воинственными наклонностями — ближе чем в восьмидесяти километрах от нашего лагеря. Тем не менее было разумным, чтобы члены экспедиции информировали других о своем предполагаемом местонахождении и не уходили слишком далеко друг от друга. Опасность скорее представляли не индейцы, а сама местность, и любое неблагоприятное

происшествие при выходе в одиночку в стороне от исхоженной тропы пикады могло окончиться печально. В конце концов, здесь были тропики, и физиологическое истощение могло наступить очень быстро.

Лично сам я осознал эту истину после того, как решил пройти пешком пятьдесят километров назад к лагерю по дороге, которая шла от реки Суя-Мису. Я не только хорошо попил перед отправлением в путь, но и взял с собой большую бутылку воды, и к тому же я знал, что через два часа после выхода буду пересекать речку Суидзинью, вода которой вполне пригодна для питья. На этой речке я опять хорошо напился и вновь наполнил свою бутылку. Все шло гладко до тех пор, пока я не покинул боковую дорогу и не пошел по главному шоссе, полностью открытому в это время дня палящим лучам солнца. Бутылка с водой вскоре опустела, а мои ладони перестали быть мокрыми от пота. Дорога пересекала несколько ручьев с крайне медленным течением, берущих начало в болотистых зловонных водоемах, оставленных то тут, то там строителями дороги. Поверхность воды в них имела маслянистый вид с пурпурным оттенком, а пни деревьев в этих водоемах сгнили и почернели, так как лежали на влажной, грязной и пузырящейся земле. Казалось, что совсем нетрудно пройти мимо этих застойных водоемов и прошагать по дороге еще восемь километров. Однако оказалось совершенно невозможно пренебречь следующим таким источником воды. Он был даже еще грязнее предыдущих, но я не мог ничего поделать. В водоеме было множество личинок moskitov, а также грязи, он был отталкивающим во всех отношениях, но я с жадностью пил из него воду, и пот вновь появился у меня на ладонях.

Когда же у обочин дороги исчезла даже столь непривлекательная вода и когда тошнота и жажда стали соперничать между собой, я в изнеможении упал

на землю. Вселенная вращалась вокруг меня на неопределенной оси, и лишь через какой-то промежуток времени я опять стал чувствовать кусающих меня муравьев и комья земли на дороге. Передвигать ноги стало невероятно утомительным, а жажда все возрастала. Я падал от изнеможения все чаще и чаще, пока лагерь, этот желанный лагерь, не оказался достаточно близким, чтобы я, собрав последние силы, дотащился до него.

Ужасающая реальность предыдущих часов исчезла после моментально проглоченных двух бутылок пива, но испытание было весьма суровым. Быстрота резкого ухудшения метаболизма представляла самую внушительную характеристику здешней природы, даже при переходе на расстояние всего лишь пятидесяти километров. Некоторых пешеходов — если можно применить это слово к людям, целыми днями шагающим вдоль дороги и не знающим никакого другого средства передвижения, — наши ученые, ехавшие на автомобилях, иногда находили в совершенно обезвоженном состоянии, лежащими у дороги так, как лежал я. Вода без соли может причинить огромный вред, поскольку более правильно здесь говорить не об обезвоживании организма, а о его обессоливании. Вода в неумеренных количествах может быть даже опасной для людей, находящихся в таком состоянии, и мы обращались с ними, соблюдая необходимую осторожность. Все это служило убедительным подтверждением того, что окружающая среда может убивать. С другой стороны, такие дальние переходы подчеркивали отсутствие какой-либо иной опасности. Все индейцы ушли из района строительства дороги.

Уцелевшие индейцы вели неодинаковый образ жизни. Во-первых, они жили в своих обычных деревнях, но влачили крайне жалкое существование, которое

весьма мало напоминало их прошлую жизнь, за исключением немногих племен, с которыми еще не было контактов и образ жизни которых, вероятно, остался неизменным с древних времен. Во-вторых, индейцы поселились в Национальном парке Шингу, анклав, созданном законом для того, чтобы они находились приблизительно в привычной для них обстановке. В-третьих, они находились в руках миссионеров, как, например, большая часть племени шаванте. Во всех этих местах существовал один из видов «отеческого» влияния — правительственное, автократическое или католическое. Во всех трех случаях здесь присутствовали белые люди, действующие в качестве связующего звена — беспристрастно или весьма небрежно — между индейцами и окружающим их миром. Вокруг Серра-ду-Ронкадор больше не было независимых индейцев. Былые времена ушли навсегда.

Предположение о наличии независимых индейцев в этом районе, где они столь долго господствовали, отчасти основывалось на судьбе одной предыдущей английской экспедиции. В 1961 году Ричард Месон, Джон Хемминг и Кристофер Ламберт исследовали район к востоку от Кашимбу. Экспедицию также частично финансировало Королевское географическое общество. Их заверили — особенно те, кто знали Кашимбу и регулярно летали в эти места, — что здесь не живет ни одного индейца. Прошли времена Фосетта, когда индейцы были признанными хозяевами реки Шингу и местности за ней, поскольку уже была сооружена цепь воздушных баз, и Кашимбу было одной из них, а братья Вилас-Боас мирно жили бок о бок с индейскими племенами. В такое время Ричард Месон и два его спутника получили разрешение и одобрение нанести на карту верховья реки Ирири, а также пройти вниз по ее течению к Амазонке.

Вместе с сотрудниками Бразильского географического института и несколькими нанятыми бразильцами они прорубили от Кашимбу пятидесятикилометровую пикаду, пока не достигли подходящего притока. Там они работали и часто приходили в поселок возле посадочной площадки Кашимбу, чтобы взять новое оборудование и припасы или же урегулировать какие-нибудь детали их предстоящего путешествия.

Несчастье произошло тогда, когда Джон Хемминг находился в отлучке, ведя переговоры о доставке припасов с помощью парашюта. Рано утром двадцатилетний студент-медик Ричард Месон пустился в путь по хорошо протоптанной тропе на пикаде. В пятнадцати километрах от Кашимбу находилась небольшая полоса саванны, светлое и открытое место. Когда Месон прошел его и вновь вступил в темный лес, он был тут же убит индейцами, подстерегавшими его.

Место для засады было превосходным. Индейцы сидели там довольно долго, положив свою поклажу на землю. Выпустив стрелы в Месона и добив его дубинками, они оставили возле тела стрелы, дубинки и большой лук. Члены экспедиции нашли тело и доставили его в Кашимбу. Невидимым индейцам были оставлены мирные подарки, а стрелы и дубинки передали братьям Вилас-Боас. Принадлежность оружия любому известному племени установить не удалось, однако предполагают, что оно принадлежало племени крен-акороре.

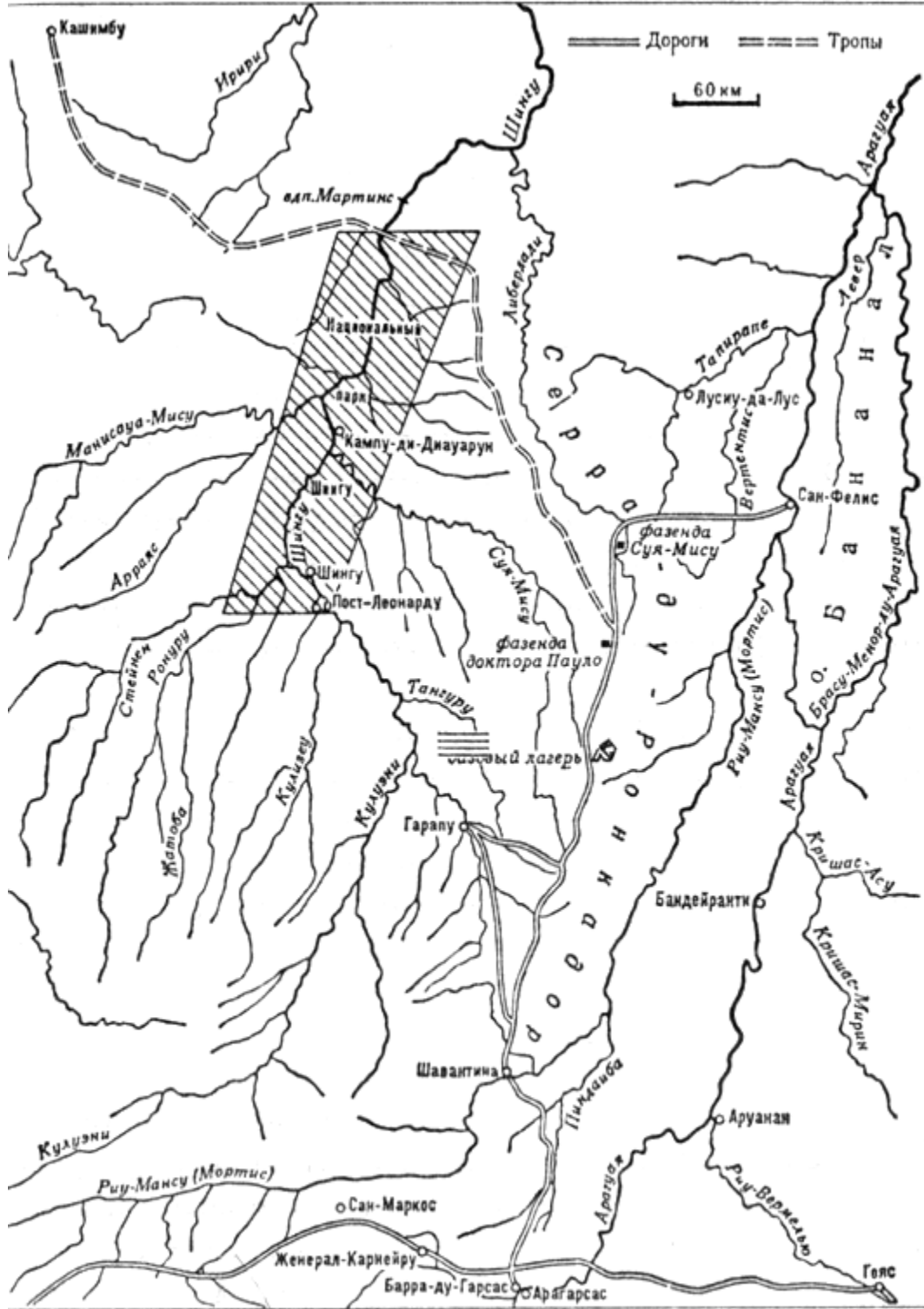
Во всяком случае, если убийство было совершено в качестве предупреждения другим убираться из этой местности, то их план оказался весьма действенным. Власти стали чрезмерно чувствительны к верховьям Ирири, и получить разрешение на их посещение стало очень трудно и даже вообще невозможно. Остается

только надеяться, что смерть Ричарда Месона не сделала дальнейшие контакты с индейцами еще более опасными для них. Во всяком случае, что бы ни произошло в аналогичном районе в 1961 году на пикадах, проложенных в 1967 и 1968 годах группой англичан, ничего подобного не случилось, и дело было не в отсутствии донесений об индейцах в этой местности. Просто здесь совсем не было индейцев и сообщать было не о ком.

Шаванте, которые бродили по Шавантине, выпрашивая пули и рыболовные крючки, вероятно, приходили из близлежащей деревни, расположенной примерно в сорока километрах к востоку от Шавантины. Этой общине, численностью около двухсот человек, вначале обещали отвести для охоты большую территорию, но обещание свелось на нет, поскольку каждый новый землевладелец захватывал часть обещанной земли. Время от времени группа индейцев отправляется из деревни на охоту, особенно перед сезоном дождей или же вскоре после него, поскольку кое-какая территория у них все же осталась, но имеющихся там животных усиленно истребляют все новые захватчики. Во время этих походов индейцы всегда сооружают небольшие жилища, похожие на улья, — несколько пальмовых листьев, брошенных на хрупкую деревянную раму. В нескольких километрах от Шавантины находился такой лагерь — полезная и удобная позиция для вылазок в город, но единственным настоящим домом индейцев была деревня вблизи реки Ареойеш.

Деревня находилась в ведении Службы защиты индейцев, организации, дискредитированной перед лицом общественности в 1968 году. В деревне, в грубой глинобитной хижине, построенной в истинно бразильском стиле, располагался резидент-охранитель, весьма симпатичный человек, который жил в нищете,

сравнимой только с нищетой индейцев. У него было пять детишек, все невероятно красивые, все босые и все неграмотные. Возможно, этот человек все же получал жалованье порядка десяти фунтов стерлингов в месяц, однако не было никаких признаков, что ему такую сумму давали. В незапертой хижине находилась запыленная куча лекарств, которые не представляли какой-либо ценности и здесь не были нужны. Они не находились в ведении резидента: теоретически деревню время от времени посещала медсестра. В обязанности резидента входило: следить, чтобы никто не отбирал землю у индейцев, поддерживать мир между ними, сообщать об их положении, просить о помощи в случае необходимости, действовать в качестве посредника между индейской общиной и западным миром. Все это он делал, а его дети тем временем молча бродили в тени, а потом засыпали где-нибудь на полу.

Дорога от Шавантины до Кашимбу

Деревня была расположена на северном берегу мутной реки, а резидент жил на южном берегу. Я

впервые побывал здесь вместе с Джоном Гилбоу, вторым врачом экспедиции. Он намеревался собрать — подумать только! — дневное выделение почти каждого мужчины шаванте, живущего в деревне. Мы шли на веслах вниз по течению от Шавантины во взятой напрокат пироге, выдолбленной из дерева. Пирогоа оказывала отчаянное сопротивление нашим измученным мышцам и довольно легко заполнилась водой. Наконец мы выскочили из этого надоевшего суденышка на землю с резвостью двупалых ленивцев, чтобы засвидетельствовать свое почтение грустному резиденту-охранителю, потом опять сели в лодку и пересекли реку, чтобы попасть в деревню. Мы взяли с собой бразильцев из лагеря в качестве проводника и переводчика.

Джон и я испытывали некоторую робость при первом посещении индейской деревни. Мы решили молчать, если они будут молчать. Мы предоставили им право задавать тон. На тропе впереди нас появилось несколько индейцев, но так уж получилось, что первыми обратилась к ним наша сторона. Наш бразилец по имени Таитуба (подробнее о нем я расскажу в дальнейшем) издал приветственный вопль, а затем сразу же обозвал их *ré de macaso* — «обезьянья лапа», что представляет распространенное оскорбление. И вместо того чтобы тут же забить его дубинками до смерти, они положили руки ему на плечи.

Дорога от реки поднималась через банановую рощу, затем мимо кустарников, стручки которого размалывают для изготовления ярко-красной краски для лица, потом мимо поля маниоки к стоящим в круг домам, образующим деревню. Большое открытое пространство сухой коричневой земли занимало почти весь этот круг. Перед каждой хижинкой горел небольшой костер, посылая в безветренное небо прямую струйку дыма. Первоначальная вспышка

оживления индейцев на тропинке сменилась молчанием. Немногочисленные дети были апатичными. Неопрятные женщины сидели, в большинстве своем ничего не делая. Эта деревня казалась местом несчастья. Вождь, которому Таитуба перевел наши слова, был печальным молодым мужчиной без внутреннего огня. Он устало разрешил Джону и мне осмотреть всех больных, а также собрать мочу за один день у каждого здорового взрослого мужчины.

Войдя в хижину, мы сразу не могли ничего рассмотреть, пока глаза не привыкли к темноте. Плотнo сплетенные пальмовые листья почти не пропускали солнечного света, за исключением отдельных лучей там, где была какая-нибудь дырка. Дверной проем был очень мал. О том, что в хижине находились люди, можно было догадаться по их кашлю и хриплому дыханию, но сказать, сколько человек издают эти резкие звуки, было затруднительно. Многие лежали на кроватях, а не в гамаках, у многих тело блестело от пота. По словам Джона, диагноз установить не представляло труда: каждый мужчина и каждая женщина независимо от наличия дополнительных недугов болели малярией. Их огромные селезенки, твердые и болезненные, очень легко прощупывались, и годичный пик малярии приходился на начало сезона дождей. Несколько грудных младенцев тоже болели наравне с детьми, взрослыми и глубокими стариками.

Используя весь свой запас противомаларийного хлорохина и сделав все возможное внутри этих душных хижин, переполненных болезнями, Джон приступил к сбору мочи. Еще совсем недавно у шаванте собирали только стрелы. Теперь же, в обмен на рыболовные крючки, нейлоновые лески и батарейки для фонариков мужчины заполняли для нас пластиковые мешочки. Каждые два часа Джон ударял по куску железа, как в гонг, и все мужчины шаванте, еле волоча

ноги, приносили мешочки с прозрачной желтой жидкостью. (Вернее, почти все, поскольку некоторые предпочитали пойти порыбачить.) И каждые два часа в нашей душной тесной хижине мы с Джоном сливали их подношения в более вместительные контейнеры, отдельные для каждого мужчины.

Наш мочесборный пункт с каждым заходом становился все грязнее, но необходимость проведения этого исследования была обусловлена следующим интересным обстоятельством. Один обследователь индейцев племени вайана в Суринаме установил, что они в течение суток выделяют с мочой на тридцать — сорок процентов меньше 17-гидрооксикортикозостероида (гормона, выход которого увеличивается в стрессовой ситуации), чем отмечалось у группы здоровых взрослых людей в Глазго. Джон Гилбоу хотел установить, справедливо ли это для бразильских индейцев, причем предполагал сравнить данные не с соответствующими показателями для жителей Глазго, находящихся у себя дома, а с данными для англичан, живущих на индейской территории. (Исследования Джона дали неожиданные результаты. Оказалось, что нет существенного различия в уровне содержания этого гормона стресса между индейцами и англичанами, находившимися в Бразилии, но различие существовало между англичанами, которые были у себя дома и которые находились за границей. В Бразилии содержание гормона у них было значительно ниже, чем в суматохе Англии.)

Когда миновали долгие день и ночь, когда прозвучал последний гонг и тридцать литров мочи индейцев шаванте были довольно надежно упакованы в нашей комнате, нам предстояло проделать последнюю и не менее приятную процедуру измерения объема мочи, сданной каждым индейцем, наливая ее по десять кубических сантиметров в пробирку в качестве

аликвоты для будущих измерений. Наконец, хотя и не так уж скоро, мы вылили все остальное, и пчелы неистово начали жужжать над столь обильным подношением.

Двадцать два мужчины, которые посещали нашу хижину, были здоровы. Присущая им веселость искажала истинное положение вещей, ибо большинство жителей этой деревни были очень больны. Их одежда состояла из лохмотьев, которые они, видимо, собирали в Шавантине. Ни в одной хижине мы не видели ни луков, ни стрел. Небольшие засеянные участки были очень плохо ухожены, четыре лодки находились в запущенном состоянии, и несомненно, что никто не играл в футбол между столбами, которые Служба защиты индейцев водрузила по обоим концам пыльной площадки. Население, по словам печального резидента, уменьшалось потому, что рождалось очень мало детей. Место было очень тоскливым, и мы наконец покинули этого человека с его пятью ясноглазыми ребятами. Мы попрощались также с двадцатью двумя индейцами, пообещав им прислать футбольный мяч, хотя Джон при этом заметил: «Бог знает, как это повлияет на их селезенку». Мужчины поблагодарили нас, с силой столкнули нашу лодку в воду и даже назвали нас «рё de тасасо». Но пока мы добирались назад до Шавантины, Таитубо, Джон и я говорили о чем угодно, только не об индейской деревне, которую мы только что видели. Большую же часть пути мы задумчиво молчали.

Когда в 1968 году Служба защиты индейцев была ликвидирована после пятидесяти восьми лет все уменьшавшейся ответственности, ее место заняла новая организация с новыми руководителями. Национальный фонд индейцев приветствовали как новую надежду. Несомненно, что деревня на реке Ареойеш была уже в гораздо лучшем состоянии, когда я, опять с Таитубо, посетил ее месяцев восемнадцать

спустя. Новый правительственный чиновник, очевидно, имел больше денег и больше власти. На складе у него находились большие запасы продовольствия. Медикаменты лучше соответствовали фактическим потребностям в них. Самое важное, что мы увидели в деревне, когда снова пересекли реку, — это ее здоровые обитатели. По общему мнению, сейчас время года не было малярийным, и сердце радовалось при виде пухлых ребят, бегавших вокруг нас и дразнивших собак. Было приятной переменной нырнуть в хижину без чувства тошноты. Привезенные нами для них подарки — спички, табак и леска — с первого момента прибытия пользовались у них большим спросом. Деревню даже навещал падре, который хлопотал для них о каком-то соседнем участке земли, уже не принадлежавшем им, чтобы им позволили там охотиться. Прибывавшие поселенцы все дальше оттесняли индейцев к узкой полоске земли, на которой стояла их деревня.

На этот раз мы прибыли на лодке с подвесным мотором, и три молодых шаванте поплыли с нами в Шавантину, после того как мы побывали в их деревне. Эта река всегда могла проявить вероломство в отношении легко уязвимых лопастей вращающегося винта. В ней есть камни и песчаные отмели. В ней есть стволы деревьев, смытых вниз во время разлива. Есть и водопады, где река шумно бурлит, а двигатель стонет из-за изменения лодкой скорости, и быстрое течение грозит повернуть лодку назад. Один шаванте стоял на носу лодки и показывал, куда нам двигаться, поскольку он знал реку досконально. Солнце спускалось, и вода казалась не коричневатозеленой, а сверкающей отраженным светом до тех пор, пока солнце не скрылось за деревьями и река почернела в ночной темноте. Шаванте смеялись. Они рассказывали друг другу истории на своем гортанном языке. На какое-то мгновение они опять стали королями своего

королевства. Только в Шавантине, когда наша лодка заскрежетала дном о песчаную отмель, они наконец притихли. Вскоре они покинули нас, и мы никогда больше их не видели.

Вот и все пока о двух сотнях этих индейцев, о которых столь неумело заботится государство. У них остались только жалкие крохи их уничтоженной культуры, и больше ничего. Им предоставили своего рода анклав, но он долго не сохранится. Если по отношению к индейцам и существует какая-то политика, то она остается непонятной, хотя стремление правительства превратить их каким-то образом в бразильцев кажется положительным. Пока что они не индейцы и не бразильцы. Они — люди сумерек, прозябающие между двумя мирами, попрошайничающие у XX века, а затем отступающие в прошлое. Никто их не учит и даже не рассказывает о происходящем вторжении. Они приходят в Шавантину, а затем снова возвращаются домой. Прошло ровно двадцать семь лет с того дня, когда белые люди впервые обменялись рукопожатиями с шаванте, когда их воины были окончательно «умиротворены». Не многие из них в состоянии вспомнить тот день, потому что пожилые почти все умерли. А молодые знают только то, что они живут в кольце хижин у реки Ареойеш, где им заниматься почти нечем, кроме как половить немного рыбу да поклянчить крючки, когда рыба утащит их вместе с леской.

Национальный парк Шингу — это территория площадью около 21 000 квадратных километров, носящая совершенно иной характер. В самый нужный момент район длиной около 320 километров и шириной почти восемьдесят километров был сохранен для индейцев, хотя, казалось бы, в этой части Бразилии так много свободной земли. Это единственный большой участок территории страны, отведенный целиком для

индейцев, и здесь их живет около тысяча семьсот человек. Они ведут свой образ жизни, насколько это возможно. В пределах Парка происходят и межплеменные стычки, и нельзя отрицать, что случаются и убийства независимо от того, как их классифицируют — как ритуальные, жертвоприношения или обычную практику. Индейцы принадлежат к многочисленным племенам и нескольким обособленным языковым группам. Эти группы сильно различаются и физически. У них разные культуры, которые продолжают оставаться несхожими. Ни в коем случае нельзя считать, что их будущее обеспечено, но пока что они живут примерно так же, как жили раньше на этой территории и вокруг нее. Их культура не могла исчезнуть целиком из-за того, что они со всех сторон окружены остальной Бразилией, или из-за того, что они живут на сравнительно ограниченной территории в отдельных поселениях. И все-таки есть весьма разительное различие между их довольно привычным образом жизни и выхолощенным существованием индейцев на реке Ареойеш. Новый Национальный фонд индейцев представляет собой правительственную организацию, ответственную за обе эти территории и в некоторой степени согласную с их укладом. Однако только братьям Орланду и Клаудиу присущ организаторский талант, который позволяет собирать воедино все противоречивые факторы, действующие в парке Шингу.

Первоначально оба общества, организовавшие английскую экспедицию, требовали, чтобы в состав любой группы ученых всегда входил врач и чтобы всегда проводились медицинские исследования. Никто не знал, в какой степени могут быть опасными глухие уголки Мату-Гросу — как с точки зрения медицины, так и несчастных случаев, — и постоянное присутствие квалифицированного специалиста считалось разумной

предосторожностью. Впоследствии стало очевидным, что медикам почти совершенно нечего делать. Люди болели нечасто, а несчастные случаи предотвращались настолько эффективно, что более возможной стала опасность заболевания, вызванного самими врачами. Такое мнение возникло однажды, когда в лагере одновременно появилось два больных: первый страдал от аллергической реакции на лекарство, прописанное накануне при слабом недомогании, а другой — от болезненной раны на том месте, где находилась киста, которую врач обнаружил и вырезал (она была там уже много лет и хотя не радовала, но и не беспокоила). Поэтому было принято решение, что до наступления эпидемии или непрерывной серии несчастных случаев энергию медиков вполне можно направить на проведение запланированных исследований ввиду появившегося у них свободного времени.

Национальный парк, находившийся к западу от базового лагеря, действовал на нас как приманка не только потому, что там кто-то постоянно нуждался в медицинской помощи, но и потому, что индейцы представляли собой интригующее исключение по сравнению с большинством человечества. Изолированные от остальных людей, они неизбежно отличались во всех отношениях: своими антителами, реакциями на заболевания, восприимчивостью к ним и многим другим. К тому же, как часто сообщали антропологи, они использовали различные лекарства, собранные в лесу, и умели лечить многие болезни. Вследствие этого медики экспедиции весьма охотно бы посетили парк. К счастью, хотя для большинства парк был закрыт, братья Вилас-Боас охотно приняли английских врачей.

Чтобы попасть в эту резервацию, нужно было получить место в одном из самолетов бразильских ВВС, совершающих регулярные полеты в Пост-Леонарду и во

все остальные пункты в глубь страны. Для этого требовалось длительное ожидание, по всей вероятности в Шавантине, в надежде на прибытие самолета, летающего в нужном направлении и имеющего свободное место. В течение многих дней самолетов не было. Неожиданно прилетает «Дакота». Дверцы самолета распахиваются. Идет поспешный обмен пассажирами, оборудованием, почтой. Сквозь шум винта раздается команда — и самолет взлетает вновь. Пройдет меньше часа — и врач, попавший на борт самолета после столь длительного ожидания, услышит визг резины, когда колеса коснутся земли в Пост-Леонарду. На этот раз среди группы ожидающих будут индейцы, и один из них проводит прилетевшего к человеку, находящемуся во главе Поста. Это Орланду Вилас-Боас, который вместе со своим братом Клаудиу получил золотую медаль Королевского общества. Если Пост не окажет гостеприимства, полагая, что прибытие врача не принесет никакой пользы Парку, то прилетевший может сразу сесть в следующий самолет, улетающий отсюда. Еще лучше будет, если он успеет попасть на тот самолет, на котором прилетел.

Самая интересная из поездок, совершенных членами экспедиции на территории Шингу, была организована в августе 1968 года. Вместо того чтобы ждать самолет и в спешке садиться в него, группа из трех человек отправилась по реке до Пост-Леонарду. В этом путешествии вниз по реке Суя-Мису участвовали Филип Хью-Джонс, главный врач экспедиции, Кеннет Бречер, молодой американский антрополог, работавший в Оксфордском университете, и Джеффри Бриджит, фотограф газеты «Таймс». Верховья этой реки находились примерно в тридцати километрах от лагеря, и к ним даже шла дорога, ответвлявшаяся от основного шоссе север — юг.

Некоторые участники экспедиции пользовались этой дорогой к реке, чтобы поработать в иной обстановке, поскольку холодные прозрачные воды Суя-Мису были привлекательнее лесного однообразия. Прибрежные деревья склонялись здесь к воде, как бы желая скрыть это коварное оскорбление их владычества, и кое-где они склонялись слишком низко. У самого дна проносились скаты дазиатисы, и, несомненно, здесь водились пираньи, а у песчаных отмелей — небольшие кайманы, но у любого увидевшего реку желание броситься в воду оказывалось неодолимым, и никто при этом не пострадал.

Суя-Мису в этих местах уже достаточно широка и глубока и, следовательно, могла представлять необходимый водный путь прямо до Парка. Аэрофотоснимки подтверждали это предположение, поскольку тонкая как волосок нить реки, извивающейся среди лесов, оставалась неизменной ширины. Проблему представляла только ее длина, из-за многочисленных извилин. От исходного пункта до слияния с рекой Шингу у Диауаруна — 320 километров. Этот же путь по воде, несомненно, составил бы около тысячи, а возможно, и 1300 километров. От Диауаруна до Пост-Леонарду было еще не менее 150 километров.

Сложную проблему представлял вопрос, каким образом взять столько топлива, сколько требовалось на весь путь. Одна лодка длиной пять с половиной метров казалась идеальной для трех человек. Но после загрузки в нее четырехсот литров горючего, необходимого для путешествия, уже не оставалось места для размещения трех человек с их багажом. А еще нам надо было взять подарки, медикаменты и продукты. Нужна была вторая лодка. Компромиссное решение состояло в том, чтобы взять две лодки на определенную часть маршрута, а затем перегрузить трех человек, их багаж и уже меньшее количество

необходимого бензина в одну лодку, а второй лодке вернуться обратно. Я и Андрелинью (он хорошо знал часть этой реки) должны были составить команду второй лодки. К несчастью, мы не могли найти ни одного человека, который хотя бы слышал, что кто-то прошел вниз по всей Суя-Мису, и поэтому не имели почти никакого представления о том, что нас ожидает. Как это странно, размышляли мы, находиться почти в 1300 километрах от безумной тесноты Рио-де-Жанейро и иметь перед собой те же 1300 километров реки, неиспользуемой и практически неизученной.

Наш опыт оказался удачным. Двигатель тянул лодку с постоянной скоростью около десяти узлов, и впереди нас всегда поджидал поворот. За поворотом по отмели со свистом мчится группа водосвинок и бросается в воду. Стаи черных, белых и серых ибисов вспархивают в воздух. Похожая на многомоторную летающую лодку мускусная утка разбегается по течению, прежде чем взлететь. Черепахи бултыхаются в воде, больше похожие на водоплавающие поганки, чем на рептилий. Большие бакланы смотрели на нас сначала одним глазом, а потом, не веря себе, открывали и другой. Однажды на одной особенно красивой песчаной отмели, похожей на пляж, мы увидели ящерицу длиной метра полтора, которая извивалась, похожая на правильную синусоиду. Изредка встречались тапиры, напоминавшие в воде детенышей бегемотов или лошадей раннего третичного периода, когда выходили из воды. То и дело попадались висячие гнезда ткачиков, а черно-желтые казики раздраженно летали взад и вперед с пронзительными криками.

Отвлечься было легко. Значительно труднее было сосредоточить свое внимание на навигационных неопределенностях реки. Можно было отдыхать час или более, наблюдая, как мимо скользят отмели, кишасшие животными, — и вдруг линия пены за поворотом меняла

всю картину. Эта линия означает, что впереди пороги. Теперь нельзя терять ни минуты. Сначала нужно выключить двигатель, дать задний ход, потом поискать проход и, наконец, пройти через него, причем в этот момент нос и корма лодки стремятся идти независимым курсом, и управлять нужно очень умело. Иногда раздавался резкий скрип, свидетельствовавший, что лодка или двигатель ударились о камень. Тогда все прыгали в воду и старались удержать лодку, направляя ее по течению. Или же в этой круговерти неожиданно наступала тишина, зеленые скалы мрачно высились, похожие на акул, и затем исчезали, а речная вода вновь становилась темной и глубокой.

Выскочить из лодки после удара не составляло проблемы. Если здесь были камни, о которые скрежетало дно лодки, то, значит, была и поверхность, на которую можно встать. Попав снова в спокойное основное течение, лодка начинала дрейфовать бортом к течению, а мы приступали к разбору наших неуклюжих действий по преодолению трудностей, так внезапно встретившихся нам.

Ночи мы проводили на песчаных отмелях, которые могли предложить нам все, что угодно. Выше отмели растут деревья, вполне пригодные для гамаков, но можно было отдохнуть и на мягком сухом и скрипучем песке. Для костра здесь в любом месте имеется в изобилии плавник, высушенный солнцем до хрупкости. Здесь можно даже полакомиться черепашьими яйцами, если подходящий сезон (перед дождями). В это время хорошо видны следы черепах, поднимавшихся на песчаную кучу (где они откладывают яйца). Уже в темноте продолжали летать гайвота — большие птицы, похожие на чайки, — едва не касаясь крылом водной глади, все еще видя достаточно для того, чтобы схватить рыбу. А если попробовать посветить на птиц фонарем, то зачастую вместо них увидишь рубиново-

красный немигающий глаз каймана. Высоко над всем этим иногда слышится слабое гудение самолета, не подозревающего о пустынной местности, лежащей под ним. Еще выше находятся искусственные спутники Земли, спускающиеся или движущиеся с постоянной скоростью, сверхъестественно молчаливые, когда они обгоняют звезды, которые еще выше их. В любом случае *praia* представляет собой благословенное место, как ничейная территория между рекой и лесом.

Пустынность и изолированность реки оставляли сильное впечатление. В месте слияния с Риу-Суазинью, куда доплыли через полтора суток, мы увидели на берегу пять человек, охранявших новую фазенду. Еще через полдня нам попала пустая пирога. За весь следующий день мы не встретили никого и ничего. Через шесть дней после старта Филип, Кеннет и Джеффри, находившиеся в первой лодке, увидели еще людей, впервые за последние три дня пути. На отмели стояла группа мужчин, вооруженных до зубов, наблюдавших за нами. Возле индейцев не было никаких следов лодки. Единственное средство передвижения, увиденное нами, было совершенно нереальным в условиях подобной глуши. В кресле-каталке сидел мужчина, несомненно, вождь, поскольку остальные сгруппировались вокруг него, но ни он, ни кто-либо другой не подняли руки на пришельцев. Столь хорошо вооруженная недружелюбность заставила нас, не вооруженных ничем страшнее консервного ножа, прибавить скорость и проехать мимо. Мужчины на отмели были недвижимы и даже не шелохнулись, пока очередной поворот реки не скрыл их из виду.

За три дня до этого, проведя ночь на крохотном островке, идеальном в том отношении, что он состоял только из песка и латерита и на нем росло несколько деревьев, которых как раз хватило для наших гамаков, мы расстались, как это и было намечено. Главную лодку

до отказа нагрузили большей частью оставшегося бензина, так что ее борта лишь немного возвышались над водой. Мы же вдвоем сидели в своей лодке высоко вверху и могли теперь плыть вдвое быстрее, чем загруженная лодка у троих. Расставаться всегда тяжело, а в этом крайне пустынном и диком месте — еще тяжелее. Мы проплыли с ними немного вниз по течению, а потом, убедившись, что все в порядке, повернули назад.

Когда-нибудь эта река станет такой же загрязненной, как и все остальные, а ее берега будут вытоптаны людьми. Эти места будут играть большую роль в благосостоянии северной части штата Мату-Гросу, в префектуре Барра-ду-Гарсас. Реке придется вписаться в современный мир. Но в тот день, когда наши лодки разошлись в разные стороны, река оставалась такой же, какой была всегда. Глядя на нее, столь первобытную и чистую, и скользя по ее великолепной поверхности, я чувствовал себя в каком-то крайне привилегированном положении. Правда, Андрелинью стрелял из древнего револьвера 45-го калибра во все движущееся, будь это тапир, водосвинка или сидящая на дереве обезьяна, и мы с нашей грохочущей лодкой представляли собой отъявленных нарушителей покоя, но пребывание здесь приводило в экстаз, и я часами распевал во весь голос. После этого у меня невероятно разболелась голова, и Андрелинью был рад с презрением высказаться о возможной причине этого. Но когда мы вышли на берег и я, упав лицом в песок, ждал, когда подействует кодеин, Андрелинью наловил рыбы, натер ее солью, соорудил над огнем деревянную раму, поджарил рыбу и предложил мне. Это был Эдем. Это был мир внутри другого мира, совершенно самостоятельное место. Я с жадностью пожирал рыбу вместе с костями, а потом растянулся навзничь на великолепном песке.

Тем временем Филип и оба его спутника плыли дальше вниз по течению. Через три дня они добрались до первых индейцев племени суя и опять решили проплыть мимо, держась противоположного берега. Лучше прибыть сначала официально, а уж потом общаться с обитателями Парка. Вскоре река превратилась в такую путаницу заводей и рукавов, что они заблудились, не находя никакого течения и потеряв представление о том, какая водная поверхность является истинным руслом реки. Наконец, следуя произвольно принятому правилу поворачивать направо всегда, когда был выбор, они действительно достигли просторов реки Шингу и затем доплыли до Пост-Диауарун.

С затекшими ногами они кое-как выбрались из лодки под взглядами группы индейцев, и только Кеннет упал головой в воду. Для преодоления лингвистических барьеров нет ничего лучше, чем какое-нибудь происшествие, и индейцы суя, тигукаррамае и кайяби принялись смаковать это происшествие. Индеец из племени кажаби, по имени Мерове, говоривший по-португальски и временно находившийся во главе Поста, был менее приветлив и хотел получить по радио подтверждение от Орланду в Пост-Леонарду, что данных посетителей можно принять. Обычно люди по реке Суя-Мису сюда не прибывают, а прилетают по воздуху. (Впоследствии трое приплывших были обеспокоены рассказами о том, что именно вдоль этой реки индейцы весьма склонны убивать всех, кто плывет по ней. Поскольку нежелательные пришельцы — сборщики каучука, охотники и им подобные — Парку были совершенно не нужны, а прибыть они с большей вероятностью могли только по Суя-Мису, индейцам не мешали заниматься такой «охотой».)

В Диауаруне (что на языке суя означает «черный ягуар») помимо хижин хорошей постройки (из них

некоторые подняты над уровнем земли для создания прохлады) есть несколько довольно неприглядных жилищ индейцев племени трумаи. Есть здесь и посадочная площадка, наполовину покрытая пылью, наполовину заросшая травой, а также высокая мачта радиостанции. За пределами поселения растут различные деревья и растения, такие, как люфа, липа, пальма Бурити и другие пальмы, а также дерево манго, приносящее плоды только раз в год, но всегда дающее тень.

Когда трое из нашей экспедиции прибыли в Парк, Клаудиу Вилас-Боас уехал с очередной миротворческой миссией, а немногочисленные здешние индейцы находились в добром здравии. Несомненно, они не испытывали никаких колебаний, перед тем как в первую же ночь взять из лодки все ценное: продукты, подарки и различную одежду. Когда я прибыл сюда годом позже (но на самолете) вместе с Джоном Торнсом и Дугласом Боттингом, из хижин раздавался душераздирающий кашель, потому что вся индейская община болела «гриппом» — этим термином объединяют все вирусные заболевания, похожие на инфлюэнцу, которая привела к большим жертвам среди американских индейцев на всем континенте. И тем не менее летчик лишился всей своей запасной одежды моментально, стоило ему только вынести ее из самолета. Как нас проинформировали, Диауарун и его жители старались установить равновесие между одним и другим миром.

Диауарун находится в центре удлиненного прямоугольника, представляющего границы Парка. На крайнем его севере, где все еще течет река Шингу, находятся знаменитые пороги Мартинс. Этот природный барьер для водного транспорта ныне служит официальной преградой к освоению местности частными лицами. Насущная необходимость подобных

мер видна из того, что сразу же к северу от этих порогов создано ранчо. Другое ранчо уже появилось у восточной границы парка. Официальная ратификация границ парка, произведенная в 1968 году, не была чрезмерно поспешной. Но даже и при существующем положении вещей наличие ранчо на самой границе индейской резервации делает ее менее удаленной и менее пригодной для них. Первобытная местность нуждается в наличии расстояния между ней и осваиваемой территорией. Она не может существовать только благодаря тому, что линия, нанесенная на карте, указывает, что официально ее граница проходит здесь. И так уже первоначальная территория Парка Шишу видимо, сократилась из-за существования ранчо и неизбежного их появления в еще большем количестве. Возможно, когда-нибудь вдоль границ будет сооружена изгородь, и тогда окажется, что территория сократилась еще больше. Вероятно, что все больше индейцев будет жить в Парке, но чувство заключения, а не спасения от освоения и осваивателей будет становиться у индейцев все сильнее. Однако пока еще это не клетка.

Филипу Хью-Джонсу и его спутникам наконец удалось переговорить по радио с Орланду Вилас-Боасом. Он разрешил им поехать на юг вверх по течению к Пост-Леонарду и выбрал им проводников. Он сказал также индейцам-, что рассержен пропажей вещей, но никто из них не выразил желания вернуть что-либо. Как бы то ни было, англичане вместе с проводниками покинули Диауарун. Интересно отметить существующую здесь смесь прошлого и настоящего. Индейцы умеют обращаться с радиоприемником и ремонтировать подвесной мотор, но очень часто подвержены вирулентному действию болезней Старого Света. Индейцы племени тшукуррамае (что означает «люди, не имеющие луков») все еще носят губные диски

— деревянные кружки, которые вставляют в нижнюю губу и тем ужасно обезображивают ее, — но тем не менее очень охотно выпрашивают у современного мира почти все, кроме сигарет. Они шутливо объясняют, что сигареты прожигают выступающий полукруг нижней губы, и поэтому предпочитают трубки.

Клаудиу Вилас-Боас утверждает, что Диауарун на сорок лет опережает Пост-Леонарду в отношении интеграции.

Поэтому неудивительно, что антропологи и ученые других специальностей рады возможности провести исследования в Пост-Леонарду и в деревнях, расположенных за этим аванпостом, потому что здесь заложены все связи с прошлым. Диауарун же находится на пол пути, и поэтому для некоторых он менее желателен. Филип, Кеннет и Джеффри вместе с проводниками покинули это селение очень быстро. Записи в дневнике Филипа так обрисовывают их путешествие.

«Примерно через два часа мы добрались до деревни Кайяби, где обстановка намного приятнее, чем в Диауаруне. Здесь много дынных деревьев, ананасов, обезьян, попугаев макао и даже есть ручная выдра. Нам выделили хижину с земляным полом, где находились также куры, утки и собаки. После ужина мы все с неохотой стали готовиться ко сну среди отвратительных запахов гнилой пищи и животных. Но особенно нас беспокоит опасность укуса *triatoma*, переносчика болезни Шагаса. Я показал индейцам образцы *triatoma*, которых они узнали и правильно назвали по-португальски как *barbeiro*. Они сказали, что в их домах он встречается. Мы подвесили гамаки и тщательно закрепили противомоскитные сетки. В хижине есть несколько красивых головных уборов из перьев, а также военные дубинки — последние предназначены для отправки в Америку. Мы не

пытались выменять их, так как надеялись увидеть впоследствии лучшие образцы.

Слава Богу, на рассвете мы уезжаем, взяв несколько плодов дынного дерева. Река Шингу очень широкая и глубокая. Плыть по ней гораздо легче, чем по Суя-Мису. К полудню мы остановились на восхитительной песчаной отмели и стали купаться в прозрачной теплой воде, окруженные рыбками с ярко-красными хвостами. Потом проводник Коттанго показал нам, как искать черепаши яйца, — здесь их сотни. Он собрал две-три сотни, и мы отправились дальше. Примерно в четыре часа дня мы остановились и пообедали рисом и черепашиными яйцами. Мне они все-таки не нравятся — очень порошкообразный желток и почти нет белка. Какая это обильная земля!

Коттанго поймал двенадцать больших рыбин за десять минут. Он для развлечения подстрелил птицу и радуется этому».

Наконец, на одиннадцатый день плавания по реке, они прибыли к месту назначения, свернув в небольшой приток Риу-Туатури. В течение часа плыли по его крохотному руслу, часто застревали, но все же наконец добрались до небольшого холма, на котором стоит Пост-Леонарду. Филип так описывает это в своем дневнике: «Орланду приветствует индейцев, прибывших с нами, но с нами не говорит почти ни слова — это, по-видимому, типичная реакция на чужестранцев, которых он не знает. У него переменчивый темперамент, но его слово в Парке Шингу — закон. Он не любит американцев, но терпит посетителей, готовых помочь ему. Он симпатизирует врачам, ученым и т. п.».

Впоследствии, когда Филипу представилась возможность поговорить с Орланду, дневник подтвердил изменение отношений.

«Я подготовил свою наилучшую португальскую речь и обратился к Орланду с просьбой относительно посещения Ваура. Он не мог бы быть более приветливым. Я искренне восхищаюсь им. Он ведет здесь дела практически без денег и отвечает за 1700 с лишним индейцев, среди которых многие совершают ритуальные убийства и с каждым из которых было бы очень трудно иметь дело, не поддерживай он закон и порядок. Как я понял, он имеет право вызывать федеральные войска, но прибег к этому только однажды».

Всего из экспедиции Шавантина — Кашимбу Парк посетили семь врачей и один антрополог, которые встречались с тем или другим из братьев Вилас-Боас, обследовали индейцев, живущих в Национальном парке, и помогали им. С благословения Клаудиу и Орланду, англичане вели исследования, о которых в их записных книжках говорится следующее:

«Дом вождя был даже еще больше, чем я мог предполагать, когда смотрел на него с самолета. Он оказался длиной тридцать метров, шириной двадцать два метра и высотой одиннадцать метров. Внутри дом напоминает огромный деревянный собор, свет в который попадает только через крохотные двери. Под потолком висели изображения змей, сплетенные из прутьев».

Врачебный прием в Парке представлял собой сочетание работы и — из-за недостатка лучшего слова, характеризующего стремление индейцев испытать как можно больше всего, — развлечения. Сначала о работе.

«Мне пришлось лечить разные заболевания. На первом месте были больные малярией, но встречались также больные смешанной анемией, вызванной инвазией (заражение паразитами), диареей, заболеванием верхних дыхательных путей и различными кожными болезнями».

«„Uma fleche no ventre“ — „ей в живот попала стрела“. Что следовало сделать в таком критическом случае при нашем все уменьшавшемся запасе медикаментов и без скальпеля? Рана у этой пятилетней девочки казалась довольно поверхностной, и поэтому, несмотря на хирургические принципы в отношении сквозных ранений, я не зондировал ее. Ребенок выздоровел. Природа — великий исцелитель».

«Я увидел мужчину в сильном жару от абсцесса зубов и дал ему антибиотики. После этого rajé (лекарь и колдун) вдул ему в рот дым, чтобы определить, чей дух вызвал эту напасть. Впоследствии я немного нервничал, имея дело со столь подверженным колдовству племенем, члены которого в качестве украшения носят хвост анаконды с привязанными к нему мертвыми летучими мышами».

А вот то, что касается развлечений.

«Мужчина из племени куикуру прибыл в деревню Камаюра, где я работал. Он подал кусок нитки с одиннадцатью узлами на ней. Это было приглашение на военный ритуал через одиннадцать дней в пятидесяти километрах отсюда. Я решил идти вместе с индейцами камаюра.

Каждый индеец куикуру, одетый так, чтобы изображать животное, подходил по очереди к чучелу, символизирующему человека, изливал на него поток ругательств и оскорблений, а затем бросал в него копье, обычно с убийственной точностью. Как один из гостей, я также имел честь быть оскорбленным, и мое изображение поразили копьями».

«Менее чем за полчаса дерево было срублено. Прорубив топором отверстие вдоль ствола, мы стали лакомиться восхитительным желтым медом. Мои спутники наслаждались медом, пчелами и личинками с одинаковым аппетитом. Я был более разборчив».

«У нашего проводника глубокие царапины от гребня из рыбьих зубов, с помощью которого делали кровопускание, чтобы он стал сильнее».

«Всякий раз при взгляде на плетение корзины и великолепно сделанный лук индейцев тшикао я вспоминаю тот превосходный день, проведенный в лесу с этими лесными людьми».

Клаудиу и Орланду Вилас-Боасы — родные братья и имеют много родственников, составляющих большое семейство в штате Сан-Паулу. Однако внешне они не похожи, а внутренне совсем разные. Обоим пошел шестой десяток, с разницей в четыре с половиной года. Орланду полный и круглолицый, тогда как на Клаудиу жира не больше, чем на двадцатилетнем. Орланду обычно присматривает за Пост-Леонарду, но массу времени проводит на восточном побережье, решая проблемы парка еще с одним братом. Клаудиу находится главным образом в Диауаруне, обычно возглавляя миссию по умиротворению какого-нибудь племени. Он более энергичен и всегда отправляется посмотреть сам на любое здешнее событие. Орланду большую часть времени проводит в гамаке, вряд ли говорит на любом из индейских языков, но имеет превосходную разведывательную службу. Тем или иным путем он узнает все, что хочет знать, и потом или действует в соответствии с полученными сведениями, или же предпочитает казаться совершенно неосведомленным об этом событии. Клаудиу — с жесткими, кое-где седыми волосами, немного сутулый, в поношенных джинсах и рубаше, в темных очках с коррекцией — человек, который внимательно вас выслушивает и говорит на прекрасном португальском языке. У Орланду прямые волосы, он обычно одет в одни шорты, склонен больше говорить и меньше слушать или же очень долго не произносит ни слова.

Говорит он по-португальски очень быстро и не всегда для нас понятно.

В одном отношении они были одинаковы. Если какой-нибудь визитер был нежелательным, его немедленно выпроваживали. Один врач из нашего лагеря прилетел в Парк вместе с бразильцем, которого он нанял себе в помощь, поскольку в Парке подобного помощника он не нашел бы. Доктора приняли радушно, а бразилец улетел со следующим самолетом. Фазендейро, которые прилетают сюда с соседних ферм и бросают леденцы к ногам индейцев перед началом осмотра Парка, как будто находятся в зоопарке для людей, выдворяются отсюда еще быстрее. Любой человек, который по каким-либо причинам стал для братьев Вилас-Боас персоной нон грата, может навсегда забыть о Парке. Он никогда не попадет сюда без их разрешения.

Жилище Клаудиу в Диауаруне — сама простота. Пол земляной (тогда как в доме для гостей пол деревянный, и дом стоит на подпорках), в темной комнате висят два гамака. Одна книжная полка длиной около четырех метров аккуратно заполнена книгами по философии, медицине и художественной литературой. Основным автором был Антуан де Сент-Экзюпери. Все книги были на португальском языке. В комнате стоял один стол с жесткой скамьей возле него и эмалированная миска на подставке для умывания. Обстановку комнаты завершал радиопередатчик, с помощью которого Клаудиу или кто-либо из индейцев разговаривал с Пост-Леонарду с восьми утра до пяти часов дня.

Клаудиу все время находился в распоряжении индейцев, особенно когда это касалось их здоровья. Вместо крышек от бутылок и сигаретных окурков, из которых в основном состоит мусор в большинстве бразильских поселений, земля в Диауаруне покрыта отходами медикаментов — пластиковыми бутылочками

и пустыми ампулами, станиолевыми обертками и шприцами одноразового пользования. Чтобы помочь индейцам справиться с травмой от контакта с цивилизацией (выражение Клаудиу, которое он часто повторяет), решающее значение имеет наблюдение за их здоровьем. Эта проблема, несомненно, была первоочередной, поскольку все хижины были переполнены кашляющими индейцами, больными гриппом (и пока я находился там, они, казалось, никогда не переставали кашлять — ни днем, ни ночью). К счастью, эта вспышка инфекции была неопасной.

Бывали здесь и несчастные случаи, в отношении которых немедленно принимались меры. С одним индейцем племени суя случилось несчастье — точно никто не мог сказать, что с ним произошло, — а в Диауарун он добрался только через два дня. Клаудиу тут же поговорил по радио с Пост-Леонарду и попросил английского врача, находившегося там, прибыть в Диауарун. Майка Коули очень быстро перебросили на собственном самолете Парка, двухместной машине. Осмотрев больного, Майк решил, что у него какой-то перелом или грыжа, и рекомендовал госпитализировать его на случай, если понадобится хирургическое вмешательство или нечто большее, чем может предложить Диауарун.

Клаудиу опять сел за радиопередатчик. Больного самолетом переправили в Пост-Леонарду. Из Гояса тоже на самолете прилетел бразильский врач, который имел право вызывать более вместительный самолет. На таком самолете больного доставили в Гоянию. Он выздоровел и через некоторое время прилетел самолетом обратно в Парк. Подобная оперативность и связанные с ней расходы на одного человека представляют в Центральной Бразилии исключительный случай. Большинство ее жителей, будь они бразильцы или индейцы, не могут и мечтать о

подобном отношении. Подобными действиями братья Вилас-Боас спасают жизнь не только индейцу, но и сам Парк. Доверие, которым проникаются индейцы благодаря столь безотлагательному вниманию к их нуждам, неминуемо становится мгновенно известным во всех селениях Парка, помогая залечивать те несравненно более тяжелые раны, нанесенные им несправедливостями прошлого, но которые продолжают мучить индейцев и сейчас.

Братья Вилас-Боас полагают, что все те племена, с которыми пока еще не удалось установить контакт, пострадают, когда из-за победного шествия прогресса они окажутся окруженными со всех сторон. Если им удастся уцелеть, они все равно окажутся в невыносимо тяжелом положении, столь отличном от привычного им жизненного уклада, что потеряют чувство ориентировки. По всей вероятности, они погибнут. Таким же образом исчезли уже бесчисленные племена, однако в этом нельзя винить только жалкого пионера, который служит лишь пешкой в руках обстоятельств. Даже если допустить, что он не выстрелит первым и что во время контакта он не будет носителем такой болезни, как оспа, все равно один факт его присутствия может стать — с медицинской точки зрения — губительным для индейцев. Аналогично этому его пребывание в цитадели индейцев может стать губительным для их образа жизни, для связывающих их уз культуры, законов и обычаев, которые дают им смысл существования. Ведя просто свой образ жизни, даже не навязывая его другим, этот пионер может уничтожить тысячи индейцев и не сумеет ничем им помочь. Если же он относится к индейцам воинственно, антагонистически или даже подозрительно, их уничтожение может произойти еще быстрее. Подобная история слишком часто повторялась в прошлом.

Примечательно, что в Бразилии все еще существует много индийских племен, которые, по всей вероятности, столь же далеки от белого человека, как далеки были, скажем, ирокезы во времена колонизации Вирджинии. Конечно, первым здесь помогали джунгли, а также то обстоятельство, что Бразилия меньше стремилась в глубь страны, и тем не менее кажется невероятным существование здесь племен, которые не разговаривали ни с одним пришельцем даже спустя четыреста семьдесят лет после их высадки на берегах Южной Атлантики. Все они могли знать о вторжении, могли слышать рассказы о нем, наблюдать самолеты, но все слышанное и виденное ими не заставило их перестать скрываться. Братья Вилас-Боас, ставшие теперь общепризнанными специалистами по контакту с новыми племенами, полагают, что они могут создать хорошие условия любым вновь прибывшим индейцам. Они могут разместить их в Парке, сделать им как можно скорее прививки, предохранить от ненужных и неблагоприятных контактов и попытаться ослабить неизбежное потрясение от контакта с цивилизацией.

Даже когда в подобных случаях все складывается хорошо, проблема последующего контроля ничуть не упрощается. Многие годы индейцы тшикао преследовали миролюбивых гончаров племени ваура. Когда оба племени поселились в Парке, тшикао во многом утратили свое главное оборонительное оружие, а именно недоверие к другим. Рассказывают, что однажды ночью индейцы ваура прокрались в деревню тшикао и выпустили стрелы в их хижины как раз на той высоте, на которой мужчины спят в своих гамаках. (Женщины спят в несколько ниже подвешенных гамаках.) Эта месть, наряду с другими причинами, сильно опустошила племя тшикао, и, когда в 1967 году всех индейцев этого племени окончательно поселили вместе в Парке, их оставалось всего пятьдесят семь.

Через год их стало лишь пятьдесят три. Как и в случае уменьшающейся численности какой-либо редкой разновидности животных, требуется какое-то минимальное количество людей для того, чтобы данная группа выжила. Когда же ее численность опустится ниже некоторого уровня, это обязательно приведет к ее исчезновению.

Несмотря на все подобные трудности, Парк, несомненно, представляет собой убежище. Он занимает всего лишь одну четырехсотую часть территории Бразилии, и эта небольшая частичка заслуживает всей помощи, которую она может получить. Полагают, что под контролем Парка находятся только 1700 индейцев — совсем ничтожная доля первоначального индейского населения Бразилии, но условия существования, по крайней мере, хоть отчасти напоминают их прежнюю жизнь. По крайней мере, есть хоть какое-то жизненное пространство для племен мехинаку, тшикао, суя, тшукуррамае, ваура, камаюра, трумаи, кукуру, кайяби и калапало. Возможно, к ним присоединятся другие племена, например крен-акороре, а также те, у которых пока еще нет даже названия и местонахождение которых неизвестно. Убежище не может быть постоянным. Вероятно, оно только должно казаться постоянным, чтобы растерянность перед лицом перемен не была для индейцев столь ужасной и смертоносной. Парк — не антропологический музей, существующий для удовлетворения любопытства и для развлечения тех, кто находится за его оградой. Он не представляет собой попытки перевести часы истории назад или воплотить некоторые мечтания Руссо. Фактически это труднейший подвиг, осуществляемый в интересах индейцев. Это достижение тем примечательнее, что оно представляет собой дело рук главным образом двух легендарных братьев Вилас-Боас. Поэтому ничуть не

удивительна та решимость, с которой они стремятся охранять то, что смогли сделать для индейцев.

В Парке нет индейцев племени шаванте. Вследствие этого невозможно провести прямое сравнение между тем печальным поселением на реке Ареойеш и индейскими общинами в Парке. Тем не менее налицо поразительное различие между одетыми в лохмотья беднягами из того селения и, например, увиденными нами борцами из племени калапало. Парк помогает им сохранить силы и энергию. Кроме того, существует еще община и третьего типа. К западу от Барра-ду-Гарсас, примерно в 150 километрах по дороге, которая, извиваясь, доползает до Суиаба (столицы штата), находится Сан-Маркос. Это миссионерское заведение, которое принадлежит монахам-салезианцам и управляется ими. Его значение заключается в том, что там нашли приют более половины уцелевших индейцев племени шаванте. В миссии Сан-Маркос находятся более восьмисот индейцев этого племени из оставшихся в живых полутора тысяч.

Часть ученых нашей экспедиции впервые встретила с группой индейцев из Сан-Маркоса на дороге к северу от Шавантины. Их прически и широкие лица свидетельствовали о том, что они из племени шаванте, но их поведение казалось необычным. Вместо того чтобы подойти посмотреть на нас, потрогать, пощупать и взять что-нибудь, как было в обычае индейцев этого племени, они продолжали заниматься своим делом. Их занятие состояло в том, что они ели мясо, расположившись вокруг костра, но это не был костер индейцев шаванте. Те обычно кладут на землю четыре бревна в форме креста и сдвигают их внутрь по мере сгорания. Этот же придорожный костер был обычного вида, яркий, горячий и приятно беспорядочный. По другую сторону дороги стоял грузовик, по-видимому принадлежавший им, но это

обстоятельство опять-таки не укладывалось в обычную схему. Неожиданно появился мужчина, у которого поверх рубашки и брюк был надет халат, несомненно водитель грузовика.

Действительно, это был водитель, но помимо того он еще был и директором миссии Сан-Маркос, итальянцем по происхождению. Индейцы находились с ним на прогулке с целью найти материал для изготовления луков, а они знали подходящее место, так как раньше жили в этом районе. Нас это заинтересовало, поскольку мы часто обсуждали вопрос о том, куда же девались ранее жившие здесь индейцы. Видимо, около двухсот человек находились еще дальше от Шавантины, чем английский лагерь, и вели там беспорядочное и бесцельное существование, пока владельцы этой земли не прибыли с документами из Сан-Паулу, чтобы вступить во владение ею. И опять тут старый мир встретился с новым. Жители Сан-Паулу не желали, чтобы группа индейцев находилась на принадлежавшей им территории, и, как только была закончена посадочная площадка, не мешкая, зафрахтовали самолет «DC4», чтобы вывезти индейцев. За четыре рейса все шаванте вместе с теми пожитками, которые они пожелали взять, были переброшены на юг, к миссии Сан-Маркос. Там их отдали в надежные руки салезианцев.

В сложившейся ситуации стала очевидной необходимость что-то предпринять. Индейцы Серра-ду-Ронкадор покинули эту местность. Они или селились в лагерях, подобных лагерю на Ареойеш, или укрылись на территории парка, или же были переданы, к добру или худу, в руки миссионеров. Мы решили воспользоваться приглашением директора-водителя и посетить миссию. Мы поехали на запад от Барра-ду-Гарсас. С трудом нам удалось заправить машину в обнищавшем и забытом городке под названием Генерал-Карнейро. Затем нам

пришлось свернуть на дорогу к Меруре (где салезианцы присматривали за другим индейским поселением, общиной Бороро) и проехать еще пятьдесят километров, пытаясь отыскать миссию. Это оказалось нелегким делом. Дорога разветвлялась во многих местах, но спросить направление было не у кого, и ни одна из дорог не казалась предпочтительнее другой. Кроме того, в подобной местности боковые ответвления не обязательно представляют скромный отрезок в два-три километра. По ним можно ехать часами, пока доберешься до человека, который проложил этот путь для себя и выстроил некоторое подобие дома и фермы для своей семьи. Несомненно, миссионеры не расставляли дорожных указателей на пути к своей миссии. Наконец на дороге, изборожденной следами нашей машины, ездившей взад и вперед, показался автомобиль, водитель которого сказал, по какой дороге нам следует ехать.

Преодолев один подъем, ничем не отличавшийся от других, мы при спуске внезапно увидели внизу кусочек Италии. Это был современный романский стиль в окружении знакомой кустарниковой саванны, со случайными рядами пальм Бурити, исчезающими вдали. Там были внутренние дворы и все те переплетения одного угла крыши с другим, которые так любят итальянцы. Здесь были большие здания с приземистыми башнями над ними — ничего подобного никто из нас в Бразилии не видел. Более того, посадочная площадка прямоугольной формы была в превосходном состоянии. В большинстве случаев посадочные площадки здесь похожи на запущенные теннисные корты с травой, покрывшей твердую ровную поверхность, или же с сохранившимися в траве ровными полосами твердой земли; эта же была гладкой и четко очерченной. Аккуратный ветровой конус указывал на отсутствие ветра. От подобного зрелища у

нас захватило дух, и мы спустились к пьядце сеттльмента со странным чувством недоверия. Следует отметить, что в нашем автомобиле помимо возгласов удивления звучало также много заявлений о том, что миссионеры обычно не делают добра, как бы ни было велико их самоотречение, каким бы смиренным ни был их подход к индейцам и какими благородными ни были бы их намерения. Нам понравилось это место, но все мы твердо держались своих предубеждений.

К вечеру они стали уже не столь непоколебимы. Мы прибыли в разгар игры, называемой по какой-то особой причине «арабы и индейцы». Игра состояла в том, что все ее участники почти непрерывно бегали, причем каждая сторона старалась, чтобы один из ее игроков добежал до голевой линии так, чтобы его не коснулся никто из противников. Затрачиваемая энергия была невероятной, но все же не больше, чем во время футбольного матча, который затем последовал. Когда шаванте бежали, их длинные волосы развевались. Все они были в отличном физическом состоянии.

Позднее в честь гостей они устроили *Corsa del Buriti*^[1].

Две соревнующиеся команды должны были пронести по круговому маршруту два бревна из пальмы Бурити длиной сантиметров по шестьдесят и весом примерно по девяносто килограммов. В определенном смысле это бревно представляло не что иное, как эстафетную палочку в самой тяжелой из эстафет. Тем не менее первая пара индейцев пустилась в путь со своей ношей так, как будто бы она не составляла никакой помехи. Их широкие ступни топали по земле, и, когда метров через двести один из мужчин уставал, он быстро перекачивал бревно на плечи другого. Вместо того чтобы ожидать передачи в установленных местах, как это обычно с удовольствием делают участники

обычных эстафет, каждая команда бежала рысцей по кругу вместе со своим нагруженным бегуном. Бросив «бурити» к нашим ногам, они с возгласами умчались в душевую комнату. Мы были поражены. Мы тоже попытались поднять это бревно...

Вечером того же дня все индейцы направились к центру круга хижин на вечернюю службу. Сан-Маркос представлял собой не только италянизированное скопление основных зданий, иногда восьмиугольных и всегда живописных, — в нем была также традиционная круговая алдейя из индейских хижин. Вокруг открытой площадки располагались пятьдесят три хижины, похожие на улья, покрытые пальмовыми ветвями, с маленькими дверьми. У хижин стояли женщины и дети, а в центре площадки, куда подходили мужчины, был воздвигнут крест, освещенный электрическими лампочками. Это непонятное сборище стало более понятным, когда раздалось согласованное пение на языке шаванте молитвы «Верую».

Затем к собравшимся с проповедью на португальском языке обратился падре Николау, уроженец Италии, лет тридцати пяти. Проповедь в основном состояла из замечаний в адрес трех групп детей, которые доигрались с огнем в своих хижинах до того, что те быстренько сгорели дотла. Детей надо держать в подчинении, говорил падре. Родители должны лучше следить за ними. Когда он закончил, все запели что-то вроде «Аве, Мария!», которую можно было узнать, несмотря на перевод и на крайне гортанный и отрывистый язык шаванте. Когда и с этим было покончено, группа индейцев исполнила один из своих традиционных танцев, в котором мужчины, встав в тесный, но правильный круг, выставили локти наружу, наклонили плечи и начали притоптывать по земле, напевая чрезвычайно низкими голосами устрашающую песню.

Утром, после мессы, индейцы приступили к работе. Они сваривали металл, ремонтировали тракторы, делали кирпичи, собирали урожай, варили сахарный тростник и вообще могли бы выполнять сто одну работу. Пожалуй, еще интереснее было наблюдать, какое впечатление все это произвело на водителя нашей машины бразильца Жонаса. У него было прочно укоренившееся мнение об индейцах, об их неспособности работать без надзора, их непонимании механического оборудования, их нежелании вырваться из деревенской рутины прежней жизни.

Ему самому лишь недавно удалось выбиться в водители, и вот здесь он видит индейцев, которые не только сами водят автомобиль, но и снимают головку цилиндра, сваривают шатун и выполняют другие операции, которые находились намного выше того уровня мастерства, которого лишь недавно достиг Жонас. Это не означало, что Жонас не сделал бы всего этого так же хорошо, если бы его этому научили. Этим хотелось только подчеркнуть, что во время нашего осмотра с экскурсоводом на лице Жонаса было написано полнейшее замешательство. Роль экскурсовода выполнял индеец шаванте, выделенный для показа нам всего, что мы пожелали бы увидеть. Он вел себя с достоинством, во многом напоминая, как мне показалось, старосту класса, который водит посетителей по школе. Он изъяснялся на изящном португальском языке и спокойно отвечал на все наши вопросы или уклонялся от ответа. «Верите ли вы в Христа?» — «Да». — «Хочется ли вам пойти на охоту?» — «Мы заняты здесь». — «Хотите ли вы посетить большие города Бразилии?» — «Мы сможем это сделать, если захотим». — «Хотите ли вы быть свободными?» — «У нас здесь нет ворот».

Мы наблюдали за работой индейцев шаванте, которые были в одинаковых ярко-красных шортах, со

светло-коричневыми телами и длинными гладкими волосами. Они, казалось, походили на назареев или даже древнеегипетских тружеников, когда мяти глину или ритмично копали землю лопатами с длинными ручками. Аппетит, с которым они ели, свидетельствовал об израсходованной энергии и о необходимости ее пополнения. Рис с соусом, наложенный горой на большие тарелки, поглощался без всякого труда, и среди них не было располневших. Мужчины ели отдельно от женщин и детей.

Здесь было полно детей — еще одно из редких зрелищ в индейских общинах. В Сан-Маркосе на восьмьсот индейцев шаванте приходилось пятьдесят младенцев. Каждый год детей рождается все больше, и прирост населения пропорционально велик. Данная миссия планировалась на две тысячи человек, но для достижения этой цифры много времени не потребуются. Короче говоря, ситуация здесь представляет собой резкий контраст со всеми остальными индейцами повсеместно, где их выживание представляется сомнительным и где прирост населения или отсутствует, или же почти полностью перекрывается детской смертностью. В Диауаруне индейцы страдали от гриппа. На Ареойеш они пухли от малярии. В Сан-Маркосе они были полны жизни.

Во главе общины стояли два падре, пять братьев, две сестры и четыре бразильца, специалисты с несколькими профессиями. Каждый старательно изучал другой язык. Падре Николау, даже если к нему обращались по-итальянски, всегда отвечал на португальском языке. Один индеец спрашивал у другого по-португальски о времени, и проходивший мимо брат-немец, взглянув на свои часы, отвечал на языке шаванте. Большинство индейцев могло читать и писать как на шаванте, так и на португальском языке — еще одно обстоятельство, крайне изумившее Жонаса,

которому требовалось много времени даже для того, чтобы написать свое имя на своем языке. Они обслуживали эффективную систему электроснабжения, энергию для которой давала плотина, выстроенная на ручье в восемнадцати километрах. Подача электроэнергии была значительно устойчивее, чем, скажем, в Барра-ду-Гарсас или в Шавантине. В миссии не было постоянного терапевта или стоматолога, но они приезжали сюда время от времени для досмотра. В отличие от всей другой обработанной земли в штате Мату-Гросу здесь предпринимались большие усилия для предотвращения эрозии. Все старые стебли сахарного тростника укладывали на любой кусок голой земли (работа для ребятишек) перед сезоном дождей, чтобы связать почву. И опять Жонас выразил соответствующее изумление.

При отъезде, проезжая мимо еще одного «поединка арабов с индейцами», обогнав трактор, битком набитый индейцами, и бросив прощальный взгляд на крест с электрическими лампочками, стоявший на площадке, окруженной кольцом хижин, мы молчали. Очевидно, многое можно было сказать об этой и других общинах шаванте, созданных миссионерами, о которых нам здесь поведали. Во всех них насчитывается 1100-1500 уцелевших индейцев этого племени, бывших стражей анклава Шингу. Остальные живут в немногих деревнях на Риу-дас-Мортис. Эти два образа жизни различаются как небо и земля, и они совершенно не связаны между собой.

Все эти три типа общин существуют в переходной зоне — между аборигенами, жителями лесов, все еще с подозрением и рвением придерживающимися древних обычаев, и между полностью акклиматизировавшимися бразильцами, происхождение которых, несомненно, индейское, но которые называют себя бразильцами с того самого момента, как отказываются от индейского

образа жизни. По крайней мере, все трое — Парк, миссия и деревня — находятся в этой зоне.

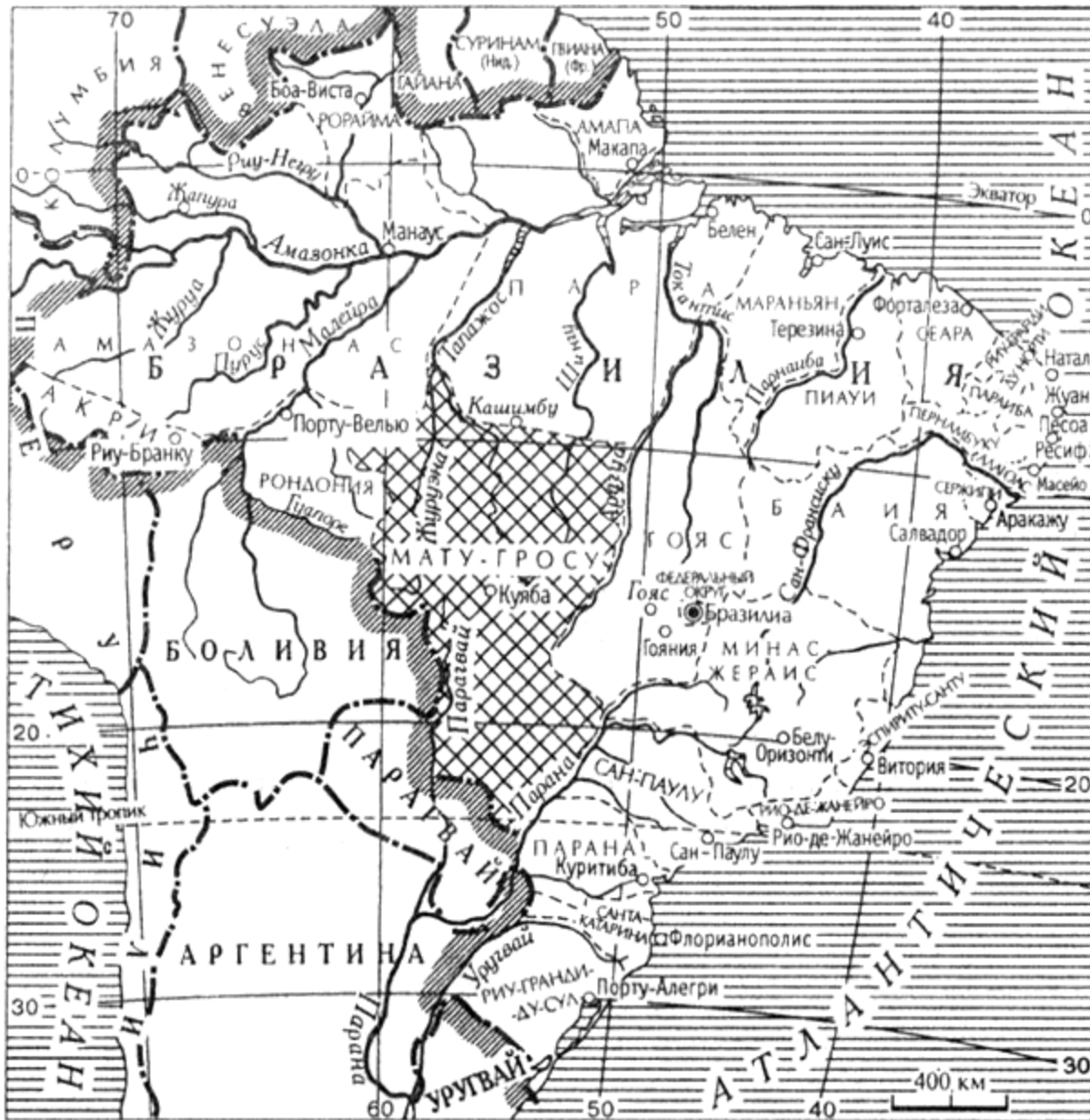
Глава четвертая

Квадрат для исследований

В прошлом почти каждый ученый — исследователь новых земель — был предоставлен сам себе и, даже если входил в состав большой экспедиции, был единственным ученым среди остальных ее членов. Поэтому его интересы должны быть широкого диапазона, и сферой его деятельности была вся естественная история. Предполагалось, что каждый ученый представляет собой энциклопедиста и с равным энтузиазмом сам делает записи об ископаемых, растениях, животных и аборигенах. Тем не менее мириады открытий каждого дня записывались им живо и подробно, с энергией, которая всегда вызывает изумление. День такого ученого мог представлять собой цепь неудач, климат мог быть суровым,

обстановка — неблагоприятной, а сам пишущий — вместилищем нескольких нежеланных болезней, но обязанность ежедневного ведения дневника неукоснительно соблюдалась. Это были необыкновенные люди, которые вели необыкновенный образ жизни, и до двух третей их коллекций (как, например, у Бейтса, после его одиннадцатилетних трудов на Амазонке) были для науки новыми. Возможно, сознание этого помогало им продолжать свой труд и поддерживало их во время долгих изнурительных лет пребывания вне дома.

Местоположение Мату-Гросу

Сегодня положение иное. Ученый не только располагает все меньшим и меньшим временем, но ни один уже из них не может больше охватить все научные дисциплины. Даже если бы ученый и пожелал это сделать и был бы компетентным во многих областях, современная система неблагоприятна к подобному разностороннему энтузиазму. Эколог может — и должен — иметь широкие взгляды, но даже и он стремится

специализироваться на определенных видах или родах, или потому, что он ими интересуется, или потому, что считает их особенно показательными для более широких тем его работы. Короче говоря, в лагерь Мату-Гросу никто не мог прибыть, отрекомендовавшись натуралистом в старом смысле этого слова.

Каждый называл свои интересы гораздо точнее, будучи, например, заинтересованным в основном одним порядком насекомых и ни в коем случае всеми его подразделениями. Так, двое из нашей экспедиции интересовались главным образом осами. Еще один ученый большую часть своего времени посвятил термитам, а одна дама занималась в основном кузнечиками. Вследствие этого (поскольку не каждый может быть энтомологом, по крайней мере, в нашей экспедиции) даже многие порядки насекомых в этом богатом ими мире остались без внимания.

Аналогично этому, главным образом вследствие недостатка времени, оказалось невозможным охватить даже некоторые основные дисциплины. В лагере не всегда находился хотя бы один энтомолог. Ботаник не имел возможности наблюдать оба сезона — дождливый и засушливый. Практически всю работу над рыбами приходилось проводить не в период их нереста. Орнитолог в лагере был только один раз, и то лишь в течение восьми недель из двухлетнего периода. Никто не изучал муравьев, которые занимают такое господствующее положение в данной местности. Бразильским ученым также было трудно оторваться от своих обязанностей. Тех из них, которые приезжали в лагерь, встречали с благодарностью, поскольку они очень многое знали об этих краях, но они не могли уделить столько времени, сколько хотелось бы им или нам. Сложенное вместе время пребывания в лагере всех ученых примерно равно было тому сроку, который

провел в Бразилии Бейтс в те давние, менее лихорадочные дни XIX века.

Однако между прошлым и настоящим было и всегда будет сходство. Те записи, которые каждый вечер делали под побуревшими ветвями пальм в базовом лагере, или в одном из вспомогательных лагерей, или еще где-то, представляли собой смесь науки, предположений и анекдотов. Точно так же обстояло дело и у Бейтса. Так же это происходит и с любым ученым, находящимся в незнакомой обстановке. Почвовед, работающий в яме глубиной четыре метра, в первую очередь интересуется, конечно, слоями почвы, смотрящими на него со всех сторон, но не может не обращать внимания и на другие события.

«Еще один славный день, — писал Дэвид Моффат, — довольно стандартной рабочей рутины еще в одной яме. После обеда я неожиданно столкнулся лицом к лицу со змеей в два с половиной метра — великолепной, с черной макушкой и ярко-желтыми отметинами. Я попытался загнать ее палкой в яму, но она уползла с невероятной быстротой. Это оказалась очень ядовитая змея. Вечером была обычная неистовая писанина».

Почвоведы вызывали у всех нас безграничное восхищение. Они или проходили огромные расстояния, буравя почву через равные интервалы, или же совсем не двигались с места, проводя весь день на дне ямы для почвенного разреза. Насекомые, а также клещи, не теряя времени, набрасывались на них во многом подобно тому, как они поступают в отношении животных, попавших в ловушки, которых быстро поедают (задолго до появления охотника), но всем почвоводам удалось выжить.

«Еще один хороший день, — писал позднее Дэвид Моффат. — Взял образцы из каждого профиля. Все еще не разобрался во многих вопросах. Утром профиль казался бесструктурным. После полудня на поверхности

разреза показались отчетливые трещины, свидетельствующие о том, что почва имеет призматическую структуру. Дважды прочистил все и выявил еще больше особенностей... Очень жарко, поэтому работал без рубашки. Очень грязно, так что назад шагал покрытый с головы до ног красной почвой. Три грифа кружились надо мной — на одного больше, чем вчера».

Дневники тоже покрывались той же красной пылью. Стоит сейчас взять их в руки, как на память сразу приходят эти ямы, царившая в них жара, а также работающие на дне почвоведы.

Для неспециалиста наиболее заметные особенности почвы в этом районе представляли не огромные толщи выветренной породы, зачастую достигавшие многих метров, а различные обнажения латерита. Твердые, угловатые и закругленные куски латерита венчали большинство бугров в этом районе, что представляло собой серьезное препятствие при ходьбе. Латерит появлялся также в виде прослойки в почвенных разрезах, иногда мощной, иногда нет, иногда глубокой, а местами настолько глубокой, что до нее нельзя было докопаться лопатой. К сожалению, эти «обнажения и подпочвенные слои конкреционных железистых пластов», ходко называемые латеритом всеми остальными из нас, привели к серьезным разногласиям относительно того, как на самом деле следует называть эту породу. Видимо, латерит слишком широко использовался как описательный термин для чрезмерно большого разнообразия различных пород, богатых железом.

Тем не менее после подобных споров этот термин был наконец принят в базовом лагере как характеризующий породу, которая все же соответствует определению (данному du Rhee), что латерит представляет собой «пористую,

конкреционную, ячеистую, извилистую, шлаковидную, оолитную или бетоноподобную массу, состоящую в основном из окислов трехвалентного железа, с наличием или без наличия механических включений кварца и небольших количеств окиси алюминия и марганца; прочность его переменна, но обычно он раскалывается от резкого удара молотком». А все остальные, когда спотыкались об эту породу или разрезали ботинки об ее угловатую поверхность, продолжали называть ее латеритом, но они тоже начали интересоваться ее ролью в формировании местного ландшафта. Никто не знал точных условий его образования, за исключением того, что почвы, богатые железом, в теплом влажном климате тропиков часто действительно образуют латерит, и это происходит наиболее заметно и интересно в изучаемой нами местности.

Заглядывая в глубокие ямы, в которых мягкая почва залегает далеко от поверхности, а затем наблюдая зарождение участка обрабатываемой земли на какой-то ферме путем уничтожения деревьев, неизбежно начинаешь задумываться о будущей эрозии в этой части штата Мату-Гросу. Почвоведы отмечали:

«Низкое собственное химическое плодородие господствующих бедных почв представляет само по себе фактор, сильно ограничивающий развитие сельского хозяйства. Здесь не только низкое содержание питательных веществ, которые сосредоточены в органической фракции почв. Сельскохозяйственное использование обычно требует вырубки и сжигания растительности, но выделяющиеся вследствие этого питательные вещества смогут обеспечить лишь кратковременное выращивание зерновых. Быстрая минерализация гумуса почвы после сведения леса обуславливает быстрое сокращение способности почвы сохранять ионы питательных

веществ, выделенных при минерализации и из золы, что приведет к чрезвычайно низкому уровню содержания питательных веществ через год-два после выжигания. Непрерывные посевы зерновых будут невозможны без применения удобрений, но стоимость их в северной части штата препятствует широкому использованию. Таким образом, несмотря на благоприятный климат и физические свойства почв, пригодных для земледелия, скотоводство представляется здесь наиболее приемлемой формой первоначального использования бедных почв, а их более интенсивное использование должно дожидаться общего развития этого района».

Эти истощенные почвы, сильно выветренные и выщелоченные (в результате вымывания содержание минералов в них уменьшается), содержат очень мало ила, несколько процентов органического вещества и весьма мало питательных веществ, таких, как кальций, магний, калий и фосфор. Для фермеров было бы лучше, чтобы на их участке было больше так называемых мезотрофных почв. На вид они коричневого цвета и иные на ощупь. В них больше ила, они менее выветренные и выщелоченные. Кроме этого, у них есть еще одно, наиболее важное, отличие: они содержат большое количество веществ, как органических, так и неорганических, необходимых для растений. Вследствие этого такие почвы более благоприятны для посевов, но, к сожалению, в районе базового лагеря они встречаются редко. Судя по аэрофотоснимкам, к востоку от лагеря находится больше мезотрофных почв, поэтому та территория более привлекательна для земледелия, но, по-видимому, землевладельцев, захвативших новые земли, совершенно не интересует, какая там почва. Каждый из них очень озабочен тем, какая там растительность, всегда предпочитая лес саванне, а об истинных ее возможностях не задумывается.

После окончания экспедиции четыре бразильских почвоведов, работавшие на этой территории, закончили свой отчет следующим предупреждением:

«Северная часть Мату-Гросу и прилегающие территории соседних штатов во второй половине текущего столетия сохранились как одна из самых девственных тропических земель. Настоящий отчет не ставит своей целью приводить доводы в пользу сохранения подобных районов, однако представляется вероятным, что трудности, которые возникнут в будущем для интенсивного земледелия, в особенности для сохранения непрочного баланса плодородия при возделывании истощенных почв, представляют собой важный дополнительный довод в пользу сохранения значительной части этой девственной природы».

Наш основной лагерь находился в точке с координатами $12^{\circ}49'$ южной широты и $51^{\circ}46'$ западной долготы. Дожди здесь выпадают в основном в одно и то же время года, а именно во время южного лета. (За один полный год в базовом лагере выпало сто сорок сантиметров осадков.) С ноября по март (или позднее) выпадение влаги значительно превосходит ее испарение, в результате чего количество воды возрастает. С мая по сентябрь дождей было мало, а испарение достигало максимального уровня. Вследствие этого почва высыхала, и уровень грунтовых вод понижался. Иногда в августе проходил довольно сильный ливень — из тех, которые в других частях света называют «грибным дождем», а в Бразилии — «цветочным дождем». Неожиданное начало такого ливня приносит большую радость, и не только тем растениям, которые при этом внезапно распускаются.

Подобный дождь, как правило, сильно осложнял работу почти всех обитателей лагеря. Меньшую неприятность дождь представлял для тех, кого непогода захватила за пределами лагеря. Можно

наблюдать тучу, видеть, как она извергает на землю темные полосы дождя, слышать его приближение над деревьями, под которыми стоишь в самый сильный ливень, а затем опять шагать в тяжелой, холодной и промокшей одежде. Это было не так уже неприятно, к тому же после нескольких шагов о влажности можно было почти забыть, вспоминая о ней только тогда, когда почувствуешь, что уровень воды медленно подступает к нижней части спины — последнему месту, остававшемуся сухим. Однако для тех, кто находился в лагере и измерял неровности почвы и уровни воды в течение долгих засушливых дней «зимы», дождь не был случайным событием. Внезапно все вокруг охватывают конвульсии. Мчатся дремавшие ручьи. Вода поднимается. Реки меняют свой цвет. Все, что было неподвижным, приходит в движение.

Были сделаны некоторые странные открытия. Так, например, предполагалось, что дождь вызовет уменьшение электропроводности потоков и уменьшит концентрацию ионов в воде. Этого не произошло, потому что дождевая вода, особенно в начале сезона дождей, имела более высокую проводимость, чем речная, что свидетельствовало о более высоком содержании ионов в первой. Если дождь был сильным и достаточно продолжительным, то вода стекала по поверхности земли и при этом захватывала дополнительные ионы и еще больше увеличивала электропроводность ручьев. Однако та вода, которая на пути к ручьям просачивалась сквозь почву, теряла при этом большую часть своих ионов, которые тогда, по видимому, становились доступными для растений. Следовательно, небольшой дождь на электропроводность ручьев никакого воздействия не оказывал.

Другими словами, в настоящее время существует такое положение, что хорошо ионизированная

дождевая вода из-за незначительного стока по сильно заросшей земле преимущественно остается в почве. Если будущая обработка этих земель приведет к увеличению стока (что представляется весьма вероятным), то ионы будут стекать в низины еще до того, как растения смогут их использовать. Неизвестно, каким образом эти ионы, особенно кальция, попадают в дождевую воду, но, возможно, в значительной степени это обусловлено традиционным стремлением к выжиганию растительности в тропиках. Ежегодно сгорают миллионы гектаров леса, обычно подожженные преднамеренно, и мельчайший пепел, уносимый вверх, может служить источником образования ионов. Высокое содержание ионов в прошедшем после пожара дожде имеет весьма важное значение для этой территории и для плодородия ее почв. Следует предотвращать сток воды, не только для того, чтобы воспрепятствовать эрозии, которой они, несомненно, способствуют, но и чтобы задержать как можно больше этих драгоценных ионов и не дать им уйти в ручьи.

Излишне говорить, что необходимо также предотвращать попадание своих собственных ионов, которые могут испортить эксперимент. Одна капля пота, упавшая в сто миллилитров ручьевого воды, сразу же увеличит число ионов вдвое. Это обстоятельство было разъяснено в лагере всем тем, кто приносил образцы воды с тех мест, где работал. Подобное взаимодействие — включая сбор мочи для врачей, доставку растений ботаникам и даже просто взятие проб воды — представляло собой одно из больших достоинств экспедиции со столь различными интересами. Некоторые формы взаимопомощи были сложнее других. Одно дело собрать в простые пластиковые мешки образцы воды без пота, но совсем другое — не потеть и собирать (или хотя бы даже наблюдать за сбором) перепончатокрылых. Оуэн

Ричардс и Билл Гэмилтон не только не походили друг на друга, но и сильно отличались, но поскольку оба они занимались главным образом осами, то после находки осиногo гнезда покрупнее становились весьма похожими.

В Южной Америке насчитывают больше разновидностей ос, чем в любой части земного шара. В Бразилии встречаются все эти разновидности. Из обширного перечня ос Нового Света здесь не отсутствует ни один род, но, как ни странно, хотя американские осы и очень хорошо изучены, в коллекции Ричардса около четырнадцати процентов ос все же относились к новым видам. Поэтому он решил по возвращении на родину провести полную переклассификацию всех двухсот — трехсот видов южноамериканских ос. Оказалось, что базовый лагерь находился в самом благоприятном месте, потому что фауна Амазонки и Гоянии могла попадать сюда через галерейный лес, тогда как отличная от нее фауна более сухих юго-восточных районов могла проникнуть сюда через серрадос. Вследствие этого многие виды достигали юго-восточных или северо-западных границ своего распространения не очень далеко от лагеря. Несмотря на подобное изобилие ос в Южной Америке, ученые полагают, что осы, по всей вероятности, появились в Юго-Восточной Азии, а затем, подобно человеку, пересекли Берингов пролив в какой-то из более теплых периодов истории этого важнейшего межконтинентального моста.

Помимо наличия новых видов оказалось, что некоторые осы в районе базового лагеря сооружают гнезда необычной архитектуры, например, осы, делающие соты из двух разных комплектов ячеек, расположенных тыльной стороной один к другому (что характерно только для семейства *Vespidae*), или осы того же рода, но другого вида, которые делают соты из

концентрических цилиндрических ячеек (что также уникально). Встречались также гнезда нескольких других более сложных типов, что позволило дополнить сведения об известных видах, гнезда которых не были описаны. Все это весьма важно, поскольку при классификации ос всегда значительную роль играла архитектура гнезда.

У южноафриканских ос общества различаются очень мало, гораздо меньше, чем у европейских. Обычно, для того чтобы отличить царицу от рабочих ос, приходится их препарировать с целью исследования строения яичников. Оуэн Ричардс проделал в базовом лагере около десяти тысяч подобных операций и пришел к следующим выводам:

«У этих ос в гнезде обычно бывает не одна царица, причем очень мало известно о вариациях числа цариц у разных видов. Мы установили, что у небольшой, но все же существенной части этих видов наблюдаются значительные различия между царицей и рабочей осой. Различия внутреннего строения у разных обществ, даже малые, свидетельствуют о том, что личинки получают разный уход, причем в первом приближении можно считать, что к пище может добавляться некоторый секрет желез.

Во время исследований в Мату-Гросу я открыл четвертую разновидность желез у ос. У царицы они выделяют поясok темного липкого секрета, а у рабочих ос этого нет. В других случаях осы обоих обществ имели такие железы, но их выделения были обильными и окрашенными только у царицы. У нескольких видов по этой железе распознавали царицу и рабочих ос без исследования яичников. Все эти выводы весьма предварительны: даже использование термина „железа“ следует рассматривать как предположительное. Ее функция совершенно неизвестна, но, поскольку она различна у разных

обществ, очевидно, следует полагать, что она или выделяет какую-то „царскую субстанцию“, или же, возможно, служит для распознавания общества».

Привязанность Билла Гэмилтона к своей работе была поистине беспредельной. Он совал руку в разные ямы, чтобы установить, кто там находится. Он всегда первым хватал змею, стоило ей только заползти в лагерь. В детстве Билл в каком-то эксперименте потерял на одном пальце фалангу, что весьма соответствовало его пристрастию к открытиям. Я лично видел, как он первым принялся за работу, когда кто-то сообщил о метровом гнезде ос, висящем на дереве на высоте метров тридцати. Я собирался позабавиться над этим, ибо меня сильно заинтриговало, каким образом будет решена столь сложная задача.

Билл Гэмилтон в качестве «сложного» инструмента выбрал топор. Лезвие топора глубоко врубалось в дерево, и темные кучки ос вылетали из выходного отверстия, подобно парашютистам, прыгающим с самолета повзводно. В нескольких метрах ниже гнезда (но все еще высоко над нами) эти кучки рассеивались на отдельных насекомых, и все они принимались летать в горизонтальной плоскости, находящейся примерно на уровне гнезда. Тем временем рубка дерева продолжалась, и лесоруба, как ни странно, осы не трогали, хотя невероятное множество их летало около своего дома, свисающего в виде пагоды. Поведение ос, которые искали причину беспокойства только в горизонтальной плоскости, позволило нам сделать надлежащий вывод. Наше положение станет безвыходным, как только Билл закончит свою работу и все дерево рухнет вместе с гудящим роем на землю. Поэтому мы немедленно обратились в бегство, как только дерево со стоном, подобно раненому гиганту, упало на землю, а усталый лесоруб созерцал дело своих рук. Затем он подошел к гнезду, чтобы исследовать его

и собрать ос. Вскоре, сияя от счастья, он присоединился к нам, успешно раздобыв экземпляры *Polybia liliacea*, причем у него в волосах еще продолжало раздаваться тонкое жужжание представителей этого вида. При этом он скромно признался: «Да, меня, конечно, пожалили».

В своем отчете Билл писал:

«Исходя из моих взглядов на эволюцию, исключительная преданность общественных рабочих насекомых благосостоянию своей колонии должна основываться на близком родстве всех членов колонии, а также на том, в какой мере они физически приспособлены к конкретной общественной роли в результате их обработки на стадии личинок. Исходя из этого, можно понять колонию с одной царицей, представляющей одну большую семью. Это гораздо понятнее, чем случай наличия нескольких цариц. Система родства у вида с несколькими царицами фактически весьма сходна со структурой людских поселений, где колонии соответствуют деревням или племенам.

Здесь остается еще очень много загадок. Некоторые рабочие осы заинтересованы сами в откладывании яиц, вместо того чтобы помогать царице, которую можно считать более пригодной и подходящей для выполнения этой функции. Другие же рабочие осы определенно не лишены альтруизма, как это немедленно станет ясно любому, кто вмешается в жизнь многонаселенной колонии. У многих видов имеются рабочие, которые жертвуют своей жизнью подобно пчелам, когда они жалят, оставляя зазубренное жало вместе с большей частью своих внутренностей. Что касается наличия подобного жала и решимости его использовать, то у этих бразильских видов рабочие осы более верны выполнению своих обязанностей, чем моногамные английские осы, которые, как хорошо известно, придерживаются

тактики „поразить и убежать“. Это заставляет задуматься над тем, каким образом естественный отбор распространяет гены, которые обуславливают столь самоубийственные привычки. Если рабочие осы все же откладывают яйца, то почему они соглашаются откладывать их меньше царицы? Сколько же они фактически откладывают? Возможно ли, чтобы неизвестные обычаи родственного спаривания у этих ос поддерживали высокий общий уровень родства внутри колонии, несмотря на кажущееся отсутствие родства в одном или двух предыдущих поколениях?»

Осы определяли всю жизнь Билла Гэмилтона в базовом лагере, точно так же как жизнь базового лагеря теперь решительно влияла на характер его отчета.

«Однажды Таитуба подарил мне сферическое глиняное гнездо ос *Polybia emaciata*, которое, по его словам, он нашел покинутым. Таким оно и казалось, даже если его потрясти. Однако, когда я, по предложению Таитубы, тихонько свистнул у входа в гнездо, внутри раздалось неистовое жужжание, и осы высыпали наружу, как мякина из молотилки, к великому удовольствию стоящих вокруг.

...Я безуспешно пытался отловить мой стандартный комплект для коллекции из пяти ос, бросая в гнездо палку с некоторого расстояния. Потерпев неудачу, я взял кусок ваты, вытер им у себя под мышкой, чтобы он имел запах пота, и поднес его на длинной палке к гнезду. Вата немедленно почернела от яростно впившихся ос, которые не отпускали ее и тогда, когда я бросил вату в сетку.

...Вообще муравьи смертельные враги ос, и у последних, кажется, нет от них никакой защиты. Глиняное гнездо со входом в виде вертикальной щели (осы *Polybia singularis*), которое я принес в лагерь для наблюдений, только начало возобновлять свою

жизнедеятельность и обзаводиться жильцами, как было атаковано и полностью очищено муравьями-солдатами меньше чем за два часа. Муравьи вытащили беспомощных нимф и личинки и образовали свой знаменитый живой ковер из тел, для того чтобы сделать гладкую дорогу для носильщиков добычи на их пути к стволу дерева».

Жена Билла, Кристина, находилась в лагере вместе с ним. Ее привязанность к осам была большой, и число полученных ею укусов — не менее значительным. Однажды, после тяжелой схватки с осами *Stelopolybia testacea*, которые могут выпускать струю яда, Билл и Кристина сфотографировали друг друга. У него безобразно распухла губа, а ее практически не было видно за опухольями вокруг глаз. Ос *S. testacea* удалось успешно собрать, но яд, выпущенный ими на ее лицо, оставил свои вредоносные следы.

Рядовой европеец, привыкший считать, что все пчелы и осы будут жалить при малейшей возможности и, несомненно, так и поступят, если их жилища начнут исследовать без надлежащей подготовки, поразится, узнав, что в Бразилии многие пчелы и осы вообще не имеют жала. В то же время сами бразильцы были недавно ошеломлены внезапным вторжением в их страну какой-то бешеной разновидности медоносных пчел. Рои европейских пчел были привезены в Новый Свет, вероятно, вскоре после прибытия первых европейцев, и эти насекомые хорошо известны своим мирным характером. У дикой разновидности этих пчел можно было даже без особых опасений забирать мед, но эти пчелы не могли расселиться на значительной территории материковой Бразилии.

Внезапно все переменилось. В лабораторию города Сан-Паулу привезли для проведения экспериментов некоторое количество африканских пчел. Было известно, что они очень злые, но этот их недостаток

надеялись устранить путем скрещивания. К несчастью, нескольким роям удалось скрыться. К 1965 году стали поступать сообщения о том, что от неспровоцированного нападения пчел стали гибнуть рогатый скот, лошади и даже люди и что этим пчелам удалось завоевать внутренние области Бразилии. Теперь уже никто больше не мог запросто взять мед у дикой пчелы, поскольку африканки скрестились с мирными колонистами, и их неистовство распространилось еще шире. В базовом лагере пчелы-захватчики жужжали повсюду, особенно на любом выстиранном белье, оставленном у ручья, а всего лишь несколько лет назад такая картина была бы невозможна.

Как-то раз, услышав об одном пчелином гнезде, удобно расположенном невдалеке от лагеря, мы собрались группой съездить туда за медом. По дороге подобрали голосовавшего мужчину (мы так никогда и не узнали, куда он направлялся), и он присоединился к нам. Осмотрев гнездо, мы принялись разводить под ним такой огромный костер, какой пришелся бы по сердцу любому средневековому инквизитору, сжигавшему ведьм. Бразилец подсмеивался над нашими приготовлениями. Он сказал, что нужно только вырезать в гнезде дыру и можно брать мед. Для убедительности он постучал по дереву тыльной стороной руки. Для еще большей убедительности неизвестно откуда появилась одна пчела и ужалила бразильца в лицо. Он быстро ретировался, а мы продолжали разводить костер, и вскоре на нашей стороне уже были пламя и дым.

К сожалению, часть меда сварилась, и он был не такой вкусный, но, по крайней мере, пчелы покусали нас не сильно, если исходить из нашего глубокого уважения к столь враждебной новой форме бразильских медоносных пчел. Возможно, наш бразилец не слышал о

подобном изменении темперамента пчел в тех местах, откуда он шел, поскольку мы опять высадили его, как и подобрали, на обочине дороги. Правда, кое-что у него изменилось: одна щека сильно отличалась от другой.

Мату-Гросу, несомненно, рай для энтомолога. Подобно охотнику на крупную дичь в Национальном парке Серенгети или орнитологу в Басс-Роке, энтомолог находится здесь на седьмом небе, хотя и в некотором замешательстве. Вообще говоря, в тропиках имеется больше неописанных насекомых, чем описанных. В любой коллекции, вероятно, около тридцати процентов насекомых будут неизвестны для науки. Эта доля снизится, если энтомолог будет обращать внимание на более бросающихся в глаза насекомых, таких, как жесткокрылые, чешуекрылые и перепончатокрылые, поскольку жуки, бабочки, мотыльки, осы и пчелы всегда вызывают интерес к себе. Но эта доля повысится, если он станет собирать менее заметных насекомых, и один из членов нашей экспедиции быстро нашел три новых вида *Psocoptera*, рассматривая пальмовые ветви.

Кузнечики здесь очень крупные, и можно ожидать, что они вызовут большой интерес к себе, но иного мнения придерживалась Мод Ричардс, жена Оуэна, которая на время присоединилась к экспедиции. В Старом Свете основным определяющим мотивом их исследований была экономика, связанная с опустошениями, производимыми *Schistocerca gregaria*, знаменитой саранчой африканских пустынь. В Старом Свете существует только один вид *Schistocerca*, но в Южной Америке их очень много. Так, например, на обочине дороги вблизи базового лагеря мы часто находили *Schistocerca flavofasciata*, который не казался таким стадным, как его знаменитый родич. Поскольку некоторые виды саранчи могут пересечь Атлантический океан, остается открытым вопрос, не перелетела ли южноамериканская саранча в Африку, где опустошила

вновь найденную землю, или же саранча африканских пустынь прилетела в Новый Свет, где затем распалась на несколько видов, столь характерных для южноамериканской фауны. И еще одна нераскрытая тайна: почему африканская саранча время от времени становится таким бедствием и почему южноамериканская перелетная саранча менее опасна?.

Быстрый рост тропической растительности должен сопровождаться столь же быстрым ее уничтожением, и здесь важнейшую роль играют термиты. Термиты поедают деревья, даже еще не достигшие зрелости, проникая через высушенный корень и ветви внутрь, чтобы начать выедать сердцевину дерева, но обычно живую древесину они не трогают. У термитов в кишечнике имеются бактерии и простейшие (молодые термиты приобретают бактерии при поедании испражнений), и поэтому они быстро переваривают древесину, уже частично пораженную плесенью. Гнезда термитов находятся на деревьях, в деревьях, на земле и под землей. Энтони Метьюс, изучавший термитов, говорил, что здесь можно копать лопатой в любом месте, чтобы найти термитов.

Наличие вездесущих термитов обуславливает и наличие вездесущих хищников. Это главным образом муравьи и пауки, поедающие термитов. Для обороны термиты располагают солдатами, которые зачастую весьма эффективно отпугивают врага видом своих хоботков. Иногда можно почувствовать запах, выбрасываемый термитами. Эта сильно пахнущая струя заставляет муравьев отступать. Солдаты с такими эффективными хоботками (правильнее его называть *nasus*) часто имеют весьма слабые челюсти, но они очень проворные и могут быстро создать хорошую преграду с помощью запаха. Насчитывается около четырехсот видов термитов, и все обобщения вряд ли будут справедливыми из-за многочисленных

исключений, поскольку есть виды термитов, у которых отсутствуют солдаты. Челюсти и репелленты представляют собой далеко не единственное средство обороны.

Иногда вблизи лагеря можно было наблюдать крылатых термитов, появившихся из какой-то дыры и летящих в одном направлении. В зависимости от вида это роение происходит в разное время дня и, возможно, два-три раза в год из каждого гнезда. Это время наибольшей гибели термитов, поскольку осы быстро нападают на летящих насекомых, а муравьи и пауки выбирают себе жертвы среди приземлившихся, но таков уж способ размножения вида. Любой уцелевший самец и самка быстро спариваются и создают новое гнездо. Обычно все яйца оплодотворены, и из всех может выйти матка, но гормоны определяют, какие из них останутся рабочими, какие — солдатами и т. д.

Большая термитная куча на земле необычайно твердая. Она служила домом для многих видов термитов. Сооружать кучу начал один из видов, который, возможно, уже и не входит в число членов сообщества, поскольку другие виды поселились тогда, когда сочли это удобным. Термиты разных видов сооружали также ходы, свойственные только им. Вскрыв с огромными усилиями одну из таких куч, можно наблюдать все подобные различия.

Наблюдая муравьев и термитов, невольно приходишь к выводу о необходимости посылки большой экспедиции с единственной целью изучения в Мату-Гросу этих двух основных групп насекомых. Можно предполагать, что экспедиция сразу же сделала бы вывод о необходимости посылки еще более крупной экспедиции с теми же целями, но чтобы она ограничилась изучением только нескольких наиболее важных видов. Даже муравьи и термиты сами по себе представляют слишком большой объект для

тщательных исследований, и их всемогущества в мире Мату-Гросу нельзя преувеличить.

Какие бы работы ни выполнялись в лагере, они всегда проходили с участием бразильских рабочих, живших в базовом лагере. О них вкратце уже говорилось, но они заслуживают более подробного описания. В их состав входили как чернорабочие, которые были очень рады возможности уйти из леса, если только где-нибудь появится какая-то подходящая работа, так и люди, для которых лес представлял важную и неотъемлемую часть их жизни. Для большинства работа в экспедиции обеспечивала хороший заработок.

Почти все время бразильцев в лагере было больше, чем англичан, и поэтому их образ жизни, их пение по вечерам, игра на гитаре, их юмор (всегда на высшем уровне при столкновении с неприятностями, особенно если они случались с другими) здесь доминировали. Учитывая, что экспедиция находилась на территории Бразилии, это было неплохо. (Ботаник Джим Раттер приложил усилий больше любого другого, чтобы узнать о прошлой жизни этих людей, и его заметки составили основу приводимых ниже кратких биографий — без них настоящая книга была бы неполной.)

Первый из описываемых бразильцев, несомненно, согласился бы сам, что его следует поставить на первое место, и это справедливо, поскольку он в начальный период пребывания экспедиции в Шавантине все время был около нас, а тремя днями позже объяснил нам, что командирован Фондом Центральной Бразилии для помощи экспедиции, а также для содействия в наборе других бразильцев. Его звали Таитуба.

Реймунду Аселинью де Кастру, или Таитуба, родился в 1932 году в Итаитуба (штат Пара), маленьком городке на реке Тапажос. Его отец работал батраком на ферме, а мать — прислугой. Отец был негром, а мать

индианкой. Семья Таитубы собирала каучук вблизи реки Тапажос. Когда Таитубе было тринадцать лет, у него умерла мать, и он стал бродяжничать, пожив некоторое время у индейцев. Тогда он и получил основные познания о лесе. Он научился также языку того племени, у которого жил.

Когда ему перевалило на третий десяток, он пять лет проработал в бразильских военно-воздушных силах, в Кашимбу, в качестве охотника, помогавшего снабжать базу ВВС мясом. Затем он поступил на работу в Фонд Центральной Бразилии, и его выделили в помощь английской экспедиции, поскольку он довольно хорошо разбирался в растениях и животных, а также в географии этого района. Таитуба и привел Иена Бишопа к месту, ставшему базовым лагерем. Иен рассказал ему, какое место необходимо для лагеря — на границе серрадос и сухого леса, — и Таитуба вспомнил, что старый лагерь дорожников 1966 года будет для нас очень удобным.

Его познания растений были намного обширнее, чем у других бразильцев. Пол Ричардс как-то сказала, что суждения Таитубы о классификации растений сделали бы большую честь любому профессору таксономии. Он демонстрировал диагностический характер волокон луба древесных растений; мог идентифицировать молодые вегетативные растения; копался в опавших листьях, пока не находил старые плоды, а если их не оказывалось, то довольно точно их описывал. Все, кто работал с ним, усваивали от него эти сведения, причем поток информации шел в обоих направлениях, поскольку Таитуба испытывал удовольствие, когда ему показывали, например, спорангий папоротников и другие вещи, которые он не знал до этого.

Таитуба был невысокого роста, примерно один метр шестьдесят сантиметров, причем верхняя часть туловища была у него немного согнута. Несмотря на

это, он был очень сильным и выносливым, о чем свидетельствовало хотя бы то, что он без усталости лазал по высоким деревьям. Если работа ему нравилась, он работал не покладая рук, если же нет, то выполнял ее неохотно. Его основной недостаток заключается в чрезмерной приверженности к *cachaça (pinga)*^[2].

В его рюкзаке почти всегда находилась бутылка с этим напитком, к которой он прикладывался через небольшие промежутки времени. Когда мы находились в Шавантине, Таитуба часто выпрашивал у нас деньги на выпивку и на женщин. Остальные бразильцы уважали Таитубу как «обитателя джунглей» и за осведомленность о природе.

Таитуба был почти совершенно неграмотным — его способности простирались только на умение написать свое имя и с трудом читать, причем читал он как ребенок, произнося каждую букву и потом соединяя их вместе.

Таитуба сделал для экспедиции очень многое. Он подобрал почти всех других бразильцев, работавших у нас, и отчасти благодаря ему у нас были такие дисциплинированные и честные рабочие.

Раймунду Рейш де Сантуш, старейшина сборщиков растений (который обучился этому в Белене), сорока трех лет, имел опыт сбора растений во многих частях Бразилии. У него были очень изысканные манеры, которые нравились всем. Среднего роста, коренастого сложения, с приятным лицом, возможно, чисто европейского происхождения, он мог приложить руки к любой работе: отремонтировать джип, водить его, размечать наши просеки, сортировать и распределять образцы, готовить пищу, рыбачить и охотиться. Он был интеллигентнее и образованнее бразильцев Шавантины, но это не отгораживало его от остальных.

Большой любитель писать письма, он часто сидел в ботанической хижине за письмом домой.

Когда он вернулся в Белен, то обнаружил, что язвочка после укуса на ноге не заживает. Оказалось, что это последствие лейшманиоза. Рану удалось вылечить, но после нее остался большой шрам. Он всегда был не прочь пропустить стаканчик рома, когда имел возможность его достать.

Раймунду Суза (Раймундинью) работал вместе с Раймунду де Сантушем почти двадцать лет. Обычно его называли уменьшительным именем Раймундинью, чтобы отличить от более внушительного тезки. Темперамент и способности этой пары были полной противоположностью. Раймундинью был невысоким и жилистым, отлично лазал по деревьям, в его жилах текла смешанная европейская, индейская и негритянская кровь. Он не мог написать не только своего имени, но даже и цифр на газетах, в которые завертывали образцы. Самыми выдающимися его достоинствами были умение лазать на деревья и раскладывать образцы в газетную обертку — другие коллекторы считали его специалистом в этом деле.

Он стремился выпить любой доступный алкогольный напиток без всякой меры, но, к удивлению, утром всегда был в состоянии работать. Как и у Таитубы, у него была фантастическая память неграмотного человека, а его разговоры состояли в основном из шуток о прожитой им жизни.

Жозе Рамуш, двадцатилетний и обычно неугомонно веселый (которого никто и не желал угомонять), был восхитительным парнем, который нравился всем. Он был очень небольшого роста, около ста пятидесяти пяти сантиметров, индейского происхождения, с прямыми черными волосами и бронзовой кожей. Очень хороший коллектор и лазальщик по деревьям. Не только

грамотный, но и большой любитель писать письма, которые почти не поддавались расшифровке.

Жуау Бертолда, работал в группе ботаников коллектором, но никогда не проявлял к этому больших способностей. Родился в 1934 году в штате Пара, работал вместе с Таитубой в Кашимбу. Он довольно хорошо разбирался в растениях, хотя и намного хуже, чем Таитуба. Его очень интересовал бизнес, и он экономил всю свою получку, не курил и не пил. Его деньги шли на содержание жены и пяти детей, проживавших в Барра-ду-Гарсас, и на сделки по купле и продаже скота. Остальные бразильцы считали его очень ленивым, но истинную причину отсутствия энергии нашли, когда он работал в экспедиции. Врач-колумбиец из Института тропических болезней в Белене установил, что у него очень увеличенное и слабое сердце — результат или болезни Шагаса, или сифилиса. Вследствие этого ему давали более легкие поручения, например сбор насекомых. Он хорошо писал и читал и, по всей видимости, любил читать. Он ценил блага образования и очень стремился к тому, чтобы его дети учились.

Андрелинью (у него было только одно это имя) прибыл из штата Мараньян, он много бродил по Северной и Центральной Бразилии. Его мать умерла, но отец, насколько ему известно, был еще жив. Он хорошо лазал по деревьям, причем с несвязанными ногами, тогда как все другие туго связывали щиколотки ремешком (древний способ индейцев Северной Бразилии). Подобно большинству бразильцев, живущих в тропических лесах, он всегда беспокоился о своем здоровье. Также очень не любил членистоногих паразитов и большую часть времени в поле тратил на то, чтобы снимать с себя клещей. Небольшого роста, но очень крепкого телосложения, вероятно, чисто

индейского происхождения. Жуаким называл его Мундуруку (одно из индейских племен).

Атониу-второй был одним из самых ярко выраженных негроидов среди бразильцев, работавших с экспедицией, но форма глаз свидетельствовала о наличии у него также индейской крови. Он не умел ни читать, ни писать. Отлично выполнял любое дело, за которое брался: копал ли ямы для почвенных разрезов, прорубал пикаду или готовил пищу во вспомогательном лагере. Очень хороший рыбак и охотник, научившийся этому у своего отца и дяди, с которыми часто отправлялся поохотиться на пироге по притокам Шингу, чтобы раздобыть шкуру гигантской выдры, до тех пор пока «*a gentle matou todas*» — «люди не истребили их всех». Он почти не видел мира за пределами «мата». Он очень хорошо пел и играл на гитаре.

Жуакин Фонсека и Жеронайс Бредер, два водителя грузовиков, которые работали в университете города Бразилиа и были прикомандированы к экспедиции. Они, конечно, были интеллигентнее и образованнее бразильерос Шавантины, но очень хорошо сошлись с последними. Оба были абсолютно честными и надежными, о чем свидетельствует тот факт, что им часто приходилось перевозить большие денежные суммы из города Бразилиа в базовый лагерь, составлявшие примерно их трехгодичную зарплату. Они были холостые, но к концу экспедиции оба обручились. Жеронайс, по признанию бразильцев, прекрасно говорил по-португальски. Его речь казалась нам вначале чуждой, но, когда мы к ней привыкли, оказалось, что его очень легко понимать. Жеронайс был полон юношеских мечтаний относительно своего будущего после окончания экспедиции. Его дядюшка хотел, чтобы он стал ботаником-коллектором, поскольку эта работа хорошо оплачивалась. Но Жеронайсу не по душе было держать необходимые для этого экзамены,

на которых он провалился. Он лелеял мечту о том, чтобы отец купил ему «фольксваген», на котором он стал бы работать в городе Бразилиа таксистом.

Констансиу, лет двадцати пяти, очень старательный работник и хороший повар. Негроид, хрупкого телосложения, с высоким голосом, он носил странный зеленый костюм с короткими штанами, а прохладными утрами сухого сезона обматывал для тепла голову полотенцем, и тогда его наряд становился еще причудливее. Констансиу выполнял самую тяжелую стирку — брюки, одеяла и тому подобное — и гордился тем, что безошибочно узнавал по запаху хозяина любой вещи, взяв ее из кучи грязного белья. У него была большая семья, проживавшая в поселке на противоположном от Шавантины берегу Риу-дас-Мортис. Констансиу был также хорошим лодочником, поскольку служил лоцманом на больших грузовых парусных пирогах, плававших по Риу-дас-Мортис. Он рассказывал мне, что вырос в огромной семье, одни члены которой были белыми, а другие такими же черными, как он.

Были в экспедиции и другие рабочие: Аурелиу Феррейра, Леу (замечательный землекоп), Жонас (бывший сборщик каучука), Жулиу (который научился хорошо обращаться со стереомикроскопом), Нилту (в основном чернорабочий) и еще несколько человек, которые не оставались на весь срок. И в то время как каждый из нас составил твердое мнение относительно дружелюбия каждого из них, они, в свою очередь, тоже имели свои привязанности среди членов экспедиции. Самый легкий способ потерять их расположение заключался в том, чтобы нарушить священный ритуал времени приема пищи. Бразильцы Мату-Гросу обедают рано. В случае отсутствия обеда, если этот важнейший момент — одиннадцать часов утра — проходил без

немедленного появления пищи, их, казалось, поражала агония.

У них закатывались глаза, и они впадали в апатию. Для неподготовленного или нового человека это зрелище могло показаться тревожным, до тех пор пока он не узнавал, в чем дело. Быстрое «спрыскивание» риса с бобами моментально ставило каждого опять на ноги.

Экспедиция выбрала этих людей тем или иным способом в начале своего пребывания в Бразилии. Она платила им хорошо и регулярно (последнее, вероятно, было важнее) и затем с сожалением рассталась с ними, когда все было закончено. Во время их участия в деятельности экспедиции ученые были весьма им признательны за их труд и за их компанию. Я не могу утверждать с полной уверенностью, но мне думается, что бразильцы были довольны тем периодом своей жизни, который они столь необычно провели в английской экспедиции.

Английский персонал экспедиции не только должен был выполнять все свои разнообразные обязанности, но и представлял собой весьма разношерстный контингент людей. Говорят, что китайцы утверждают — в ответ на замечание каждого европейца относительно сходства китайцев между собой, — что они не могут отличить одного европейца от другого, но, видимо, они утверждают так лишь потому, что не бывали в нашем базовом лагере. О покусанных осами уже говорилось. Оуэну Ричардсу в любое время удавалось иметь вид профессора, беспристрастного и отрешенного от всего, тогда как Билл Гэмилтон походил на вечного студента из какой-то пьесы Чехова. Внимание Билла к осам было самым пристальным. А менее важные виды деятельности — подобно вождению машины — привлекали его внимание значительно меньше. Можно было считать, что автомобиль ведет кто-то другой,

несмотря на то что рулевое колесо и педали находились гораздо ближе к рукам и ногам Билла, чем к кому-либо другому.

Жена Оуэна, Мод, больше всего возмущалась малейшими намеками с чьей-либо стороны на то, что для шестидесятилетней женщины весьма странно отправляться на несколько месяцев в Мату-Гросу в погоню за кузнечиками. Она полагала, что ее пол, так же как и ее возраст, не играет никакой роли и что изучение акрид всегда представляет захватывающий интерес.

Иен и Анджела Бишоп провели в лагере больше времени, чем кто-либо другой. Они первыми прибыли туда и последними его покинули. Иен был одним из тех людей, которым удавалось месяцами сохранять трехдневную щетину, у которого подол рубашки все время торчал из брюк и где-то при нем или на расстоянии вытянутой руки от него всегда находилась дымящаяся сигарета. Анджела, вероятно, очень сильно шокировала бы Перси Гаррисона Фосетта и его спутников, которые когда-то с великим трудом прокладывали себе путь через этот лес. Большую часть времени она проводила в купальнике — не только для удобства полуденного купания, но и как наиболее подходящее одеяние в горячем и влажном месте. Однажды, готовясь к официальному визиту в город Бразилиа, Анджела и Иен скрылись в своей хижине, откуда немного погодя появились преобразенными. Анджела выглядела лишь еще милее, тогда как Иен, лишенный щетины и с заправленной рубахой, стал совершенно иным человеком.

Каждому из нас нужно было одеваться, в какой-то степени учитывая особенности окружающей обстановки. При ходьбе через джунгли не следовало надевать рубаху с короткими рукавами и короткие брюки: ботинки, брюки и длинные рукава были

необходимы всем. Даже при таком вынужденном сходстве оставалось много возможностей для вариаций, и ни один из нас, насколько я могу припомнить, никогда не носил ничего такого, что могло бы порадовать глаз П. Г. Фосетта.

Распорядок дня в лагере был простой. Завтрак ранний состоял из овсяной каши, чая, бисквитов и мармелада. Затем все расходилось по своим делам: собирать, препарировать, описывать, измерять, наблюдать. Полдник обычно представлял случайную еду, обязательную лишь для тех, кто в это время находился поблизости. Чай делали в том случае, если кому-нибудь хотелось выпить чашечку, а ужин всегда представлял наиболее примечательное событие. Он проходил незадолго до того, как последний проблеск света исчезал с неба. Мы ужинали, когда все неистовство дневной жары уже спадало, и этот час был наиболее подходящим для принятия пищи, разговоров, отдыха и для осмысливания проделанного.

Например, мы обсуждали характер и особенности нашей собственной экспедиции. Была ли она, как считали многие, оригинальной в том отношении, что станет прототипом всех будущих походов в неисследованные места? Ушли ли навсегда былые дни грубых и торопливых авантюристов? Есть ли вообще какой-нибудь смысл в широком исследовании, которое изучает километры, а не миллиметры, и не будет ли даже квадрат со стороной двадцать километров слишком нелепым мероприятием, слишком большим, слишком трудным, слишком разнообразным? Каждый достаточно благоразумно рассуждал с позиций своей дисциплины, причем географы (как правило) склонялись к крупномасштабному подходу, тогда как энтомологи (обычно) были сторонниками более внимательного изучения, причем каждый из нас с

пренебрежением отмечал все, что отдавало бравадой, безрассудством или бесцельной авантюрой.

Временами оказывалось благоприятным, что в нашей экспедиции возраст и специальности участников были так перемешаны. В большинстве научных учреждений возрастные группы держатся поодаль одна от другой, или же размежевание идет по дисциплинам, хотя бы уже потому, что они расположены в различных зданиях. В преподавательской или в столовой не бывает такого смешения народов, какое сидело бок о бок под пальмовой крышей общей длинной хижины. Возможно, различные науки не очень-то помогают одна другой, но каждому было полезно слышать о проблемах другого и заинтересоваться ими хотя бы настолько, чтобы включиться в спор. Конечно, в этих диких местах каждому приходилось специализироваться, но беседы за общим столом помогали разрушить искусственные барьеры, и орнитологи спрашивали о перепончатокрылых или же гидролог интересовался рыбами. К счастью, в отличие от некоторых более статичных сообществ, подобных антарктическим, в которых человек вынужден все время находиться в одном и том же обществе и слышать одни и те же шутки в течение продолжительного времени, состав базового лагеря непрерывно менялся.

В тех случаях, когда базовый лагерь надоедал, когда кто-то считал, что с него этого хватит, то для него прием пищи проходил чисто формально, после чего он мог укрыться в какой-нибудь другой хижине. Если подобное уединение было недостаточным, то в распоряжении любого всегда были вспомогательные лагеря. Почти каждый мог придумать себе убедительный научный повод для того, чтобы отправиться во вспомогательный лагерь, и впоследствии каждый вспоминал о них с теплотой. Вначале они были созданы для того, чтобы избавить

людей от трудного длительного возвращения по какой-нибудь пикаде, особенно когда этому человеку на следующее утро предстояло снова устало тащиться обратно. Во вспомогательных лагерях имелось все насущно необходимое Робинзону, как-то: расчищенная полоска земли, грубые столы из жердей и тропинка к ручью. Там, конечно, были и деревья, подходящие для подвешивания гамаков, — как правило, Мату-Гросу не страдал недостатком таких деревьев, — и обычно вокруг был живописный обзор. Этого не доставало базовому лагерю. Там бывали солнечные закаты, полные красочного великолепия, но из-за окружающего лагерь леса их нельзя было наблюдать. Во вспомогательных лагерях, расположенных в серрадос или в не очень густом галерейном лесу, эти превосходные закаты были хорошо видны. В этих лагерях стояла также сравнительная тишина, которая была редкой в условиях базового лагеря. В них господствовала естественность наряду с чувством беспредельного благополучия, и я уверен, что люди там работали вдвое лучше.

У боковой дороги, ведущей к базовому лагерю, в дни сооружения главной дороги находилась посадочная площадка. Ко времени нашего прибытия это место сильно заросло, но мы быстро его расчистили, чтобы сделать футбольное поле. Чем большее пространство расчищалось, тем труднее становилось уничтожать растительность, ибо мы стремились сделать футбольное поле таких размеров, какие предусмотрены правилами игры. В конце концов пришлось согласиться на поле уникальной квадратной формы, размером примерно 28 х 28 метров. За пределами поля находилась дикая растительность, но это не мешало, используя одну пару шестов в качестве ворот, англичанам и бразильцам играть в футбол, не щадя ни себя, ни мяч. У англичан состав был весьма

разношерстным, как и у бразильцев, но никакого китайца нельзя было бы обвинить в том, что он не может никого различить после игры. Все были покрыты одной и той же пылью, с подтеками пота. Возвращаясь в базовый лагерь, игроки издавали совершенно одинаковые звуки, только на разных языках.

Это был необыкновенно счастливый лагерь. Во многих отношениях он не удовлетворял требованиям современной цивилизации, но все старались максимально использовать окружающую среду. Люди знали, что их пребывание в лагере непродолжительно. Они знали, что существование лагеря недолговечно. Поэтому в большинстве случаев они делали все, что было в их силах, с учетом подобных условий. Более того, они редко болели, что позволяло медикам экспедиции осуществлять свои индивидуальные планы исследований. И все смогли внести большой вклад в науку.

Глава пятая Врачи в Шингу

Медицинские исследования, проводившиеся членами экспедиции, охватывали в основном индейцев племени шингуано, населяющих Национальный парк Шингу, которые жили в верховьях этой реки. Медицинская история многих районов характеризовалась одним общим обстоятельством: когда изолированное индейское сообщество встречается с людьми, которые не ведут столь же изолированной жизни — например, с бразильцами с остальной территории страны, — результат для индейцев оказывается губительным. Кое-кто полагает, что жесточайшая вспышка венерических заболеваний в Юго-Западной Европе в 1493 году была вызвана моряками, вернувшимися из Нового Света (хотя этот

вопрос остается спорным). Некоторые ученые опять-таки утверждают, что вирулентность этой эпидемии была обусловлена недостатком иммунитета в Старом Свете к новой инфекционной болезни.

Представляется совершенно несомненным тот факт, что в подобном взаимном обмене между тем и другим Светом Америка пострадала значительно больше, чем Европа или Африка — два континента Старого Света, находившиеся в наибольшем контакте с новыми землями. В старые времена мало было известно, отчего умирают индейцы, да это и мало кого заботило. Сейчас же слишком хорошо известно, что объятия могут быть столь же губительными, как пуля, или даже губительнее, поскольку одна пуля убивает только одного индейца, тогда как физические проявления дружбы могут уничтожить целую общину. И хотя в прежние времена никто не мог ничего сделать, чтобы остановить свирепствующие инфекции, безжалостно косившие людей, еще печальнее то, что фактически даже сегодня не принимается почти никаких мер в отношении первых контактов между Старым и Новым Светом.

Племя крен-акороре, которое уже упоминалось как живущее в джунглях, представляло собой блестящую возможность для медицинских исследований. Насколько известно, они никогда не имели длительных контактов с пришельцами, но правительство этой страны по нескольким причинам желало покончить с их свободным существованием. Во-первых, предполагалось, что Ричард Мэсон был убит группой индейцев племени крен-акороре — их лагерь потом нашли всего в сорока километрах от места засады. Во-вторых, один из индейцев этого племени однажды присел отдохнуть на главной посадочной полосе в Кашимбу, находящемся довольно далеко к северу от парка Шингу, и это незначительное событие вызвало

настоящий переполох. На индейца немедленно пошли в атаку, со всех сторон примчались подкрепления, чтобы противостоять предполагаемой угрозе. Один самолет с солдатами разбился в джунглях, и смерть солдат была отнесена на счет кровожадности племени крен-акороре. Братья Вилас-Боас полагали, что открытое и мирное вторжение на посадочную полосу Кашимбу представляло собой не что иное, как выражение желания установить контакты, и что жестокое обращение с этим мирным посланцем отбросило племя крен-акороре обратно в джунгли с еще большим подозрением к белому человеку.

Братья Вилас-Боас хотели бы принять это новое племя в братство своего Парка и не нуждались ни в каком поощрении со стороны правительства. Они знали, что индейцы окажутся наиболее пострадавшими в случае неизбежного столкновения между пришельцами и аборигенами. Братья знали, что им практически нельзя рассчитывать на установление какой-либо формы охранительного законодательства для той огромной территории, по которой скитается полукочевое племя крен-акороре. Братья также знали, что это племя представляет собой соблазн для некоторых контактированных племен, особенно тшукуррамае, которые готовы были совершить набег, чтобы отомстить за некоторые прошлые неудачи в вечном круговороте мести. Индейцы крен-акороре имели дурную славу убийц, поскольку они никогда не брали пленных, даже женщин и детей. Такая бдительность, возможно, послужила причиной того, что они еще существовали, но она могла послужить и дополнительным поводом к их неизбежному уничтожению. Крен-акороре — первобытные люди, у которых топоры сделаны из камня, а главное оружие — дубинка и стрелы. Если против них применить огнестрельное оружие, то индейцы потерпят

поражение вне всякого сомнения. Как сказал Эдриан Коуелл в своем блестящем документальном фильме на эту тему, в джунглях сорок вооруженных человек равносильны дивизии, и какая-то сотня индейцев крен-акороре (примерно так оценивают их численность) не замедлит исчезнуть с лица земли. Именно после того, как ближняя группа тшукуррамае совершила еще один набег и захватила четырех детей племени крен-акороре, братья Вилас-Боас решили устроить крупный рейд в джунгли, с надеждой привести это племя в свой Парк.

Филип Хью-Джонс, медицинский работник, который путешествовал вниз по реке Суя-Мису, просил Орланду разрешить ему присоединиться к миротворческой миссии, которая находилась тогда в джунглях. Если бы ему удалось собрать немного образцов крови такой изолированной частицы человечества, он мог бы потом сделать их анализ. В случае отсутствия таких жизненно важных ингредиентов, как антитела, обеспечивающие иммунитет против многих вирусных заболеваний, Филип сообщит об этом, и будущие «миротворческие» миссии смогут заранее запастись всеми средствами, способствующими сохранению индейцев. Хотя это может и не помочь крен-акороре, но подобным образом, возможно, спасет от гибели в результате первой же вирусной инфекции те племена, с которыми будет контакт.

Конечно, если удастся разработать надлежащие вакцины, это будет большим благодеянием. Но на пути к этому много препятствий. Любое племя будет травмировано, если вокруг него будут находиться новые люди, да при этом еще придется отдать около десяти кубических сантиметров крови уколу медицинского шприца. Существует также техническая трудность сохранения в хорошем состоянии образца в виде цельной крови или плазмы, чтобы он остался

годным для анализа спустя несколько недель. Но эту проблему удалось решить. Филип привез с собой из Лондона небольшую маслобойку. Зловещий вид этого аппарата вызывал многочисленные комментарии в аэропортах. Его вес вызывал жалобы у всех нас. Его выступающие металлические формы выпирали среди кучи вещей в лодке на Суя-Мису, когда она скользила мимо цапель, песчаных отмелей и излучин. Однако оказалось, что маслобойка заслуживает всех этих хлопот, поскольку в ней можно было хранить образцы крови при температуре минус семьдесят градусов Цельсия, следовательно, в хорошем состоянии.

Лаборатории Англии были готовы к проведению анализов и последующему изготовлению вакцин. Обеспечить «живой материал» предстояло братьям Вилас-Боас, поскольку никто другой не мог этого сделать. Они послали «в глубинку» экспедицию, взяв с собой около сорока индейцев, которые были одеты в европейское платье, чтобы не выглядеть воинственными. К несчастью, пленение четырех детей племени крен-акороре не способствовало решению вопроса о том, индейцев какого племени брать с собой. Была надежда на то, что эти дети своим разговором позволят понять, каков их язык или хотя бы языковая группа. В таком случае индейцев, говорящих на каком-либо сходном языке, можно было бы использовать как переводчиков. К сожалению, четыре ребенка, из которых старшей девочке было пять лет, со времени пленения не произнесли ни слова на родном языке. Когда они все же заговорили, то стали использовать слова на языке захвативших их индейцев тшукуррамае. Это дало основание полагать, что язык детей и пленивших их индейцев был одинаковым, поскольку высказывалось мнение, что у этих племен сходная культура. У всех других племен, в особенности изолированных, язык отличался от остальных. Поэтому

наиболее вероятным было объяснение, что молчание детей вызвано потрясением от пленения. В конце концов, ребенок говорит на каком-либо языке только потому, что другие люди, особенно близкие ему, говорят на этом языке. Если все они внезапно исчезнут, то испуганный ребенок, даже если ему уже пять лет, не будет больше слышать своего языка и не станет пытаться говорить на нем.

Экспедиция под руководством братьев Вилас-Боас спустилась вниз по реке Шингу от Диауаруна и поднялась по реке Манисауа-Мису. Затем в течение двух месяцев они прокладывали пикаду, делая примерно по полтора километра в день, а потом натолкнулись на реку, которая привела их к землям племени крен-акороре. Невидимые жители бросали камешки, чтобы привлечь внимание путешественников, но никогда не нападали. (Прямое нападение никогда не было методом обороны любого индейца в этом районе, будь он шаванте, тшикао или тшукуррамае.) Экспедиция в безопасности дошла до полей племени крен-акороре и там развесила дары как уведомление о своих мирных намерениях.

Вернувшись на следующий день, участники экспедиции нашли горшки разбросанными, зеркала — разбитыми, пластиковые игрушечные самолеты — оставленными без внимания, однако все ножи были взяты. Самым волнующим фактом из всех было то, что взамен были оставлены различные длинные дубинки. Обрадованные таким обменом, Орланду и Клаудиу сделали вывод, что обе стороны смогут встретиться по прошествии нескольких недель или, в худшем случае, нескольких месяцев. Были развешаны новые дары, а именно небольшие топоры. Для людей каменного века — даже если над ними уже жужжал самолет и если они уже знают, что у других людей имеются продукты, отличные от изготавливаемых самими индейцами, —

дареный стальной топор представлял собой такую манну небесную, какую нам трудно себе представить. Во всяком случае, было предложено двенадцать топоров, и все двенадцать были взяты. Горшки опять были отброшены в сторону, но экспедиция чувствовала, что был сделан шаг вперед.

К сожалению, начавшийся в конце 1968 года сезон дождей положил конец надеждам на скорую встречу. Никаких подарков больше не было взято. Крен-акороре не вернулись даже к своим полям, чтобы собрать урожай или забрать свои немногочисленные пожитки — корзины, горшки, сельскохозяйственные орудия, — которые они там оставили. Они вернулись в свою лесную цитадель, в свое убежище. Орланду пришлось первому улететь назад, воспользовавшись посадочной площадкой, сделанной экспедицией, поскольку за парком был необходим присмотр. Затем, после нескольких месяцев ожидания, возвратился и Клаудиу — тем же путем, которым и прибыл: по реке, потом по суше и затем опять по реке.

Филипу Хью-Джонсу, ожидавшему возможности присоединиться к экспедиции, пришлось возвратиться в Лондон и приступить к своей обычной работе в больнице Королевского колледжа. Контакт с племенем крен-акороре установлено не было. Неизвестно, кто первым доберется до них — скорые ли на стрельбу искатели ископаемых, землевладельцы, братья Вилас-Боас или болезни. Вообразите, какое возникнет возбуждение и какие заботы будут проявлены, если кому-то удастся вновь открыть додо на каком-нибудь острове вблизи Маврикия. Однако к западу от реки Шингу и во многих других анклавах в западной части этой страны живут неизвестные нам племена. Возможно, они выиграют оттого, что мы доберемся до них, а возможно, и нет. Во всяком случае, болезни, к несчастью, должны собрать свою жатву независимо от

того, какой человек в конечном счете окажется первым посланцем в древнем царстве индейцев.

Однако не в каждом случае индейцы с точки зрения иммунитета находятся в худшем положении, чем пришельцы. Примером в этом отношении служит лейшманиоз, представивший отличную тему для исследований разным членам нашей экспедиции. Исследования были всесторонними. Они включали поимку грызунов и других животных, которые служат природным резервуаром *Leishmania*, отлов насекомых-переносчиков, учет заболеваний людей, как фазендейро, так и членов экспедиции, и последующее лечение заболевших. Пробы кожи брали у всех встречавшихся колонистов вблизи новой дороги, чтобы получить некоторое представление о случаях заболеваний в прошлом и в настоящее время.

Лейшманиоз, известный также под названием *espundia*, представляет собой одну из самых отвратительных тропических болезней. Первоначальное поражение ткани сравнительно невелико. Обычно это безболезненный прыщик, медленно увеличивающийся в размере, пока наконец не превратится в язву. Чаще язва одиночная, реже их несколько. Эти болячки, хотя и довольно неприглядные сами по себе, — предвестники худшего. В некоторых случаях паразит может вызвать вторичные поражения носа и носоглотки, часто через пять — двадцать лет после того, как первичное поражение залечено и забыто. Инфекция носа и глотки может быть крайне разрушительной, разъедающей ткани и хрящ до тех пор, пока нос и небо не будут практически уничтожены. Хотя болезнь и не ведет непосредственно к смертельному исходу, больной часто умирает от вторичной инфекции и пневмонии. Обезображивание сопровождается множеством вторичных воздействий, не последним из которых будет

социальная отверженность: больных лейшманиозом могут принять за прокаженных.

О заболевании лейшманиозом получили представление в Новом Свете сравнительно недавно. Только в 1960-х годах было доказано, что основные ее хозяева — лесные грызуны. До тех пор пока этот пробел в истории болезни не был заполнен, никто не мог понять полного цикла «первичный хозяин — носитель — вторичный хозяин», хотя сама болезнь была открыта давно. Носитель, который передает болезнь, — это комар. Но как и в случае с малярией и малярийным комаром, не каждый комар повинен в этом. Наша экспедиция была очень удобно размещена для исследования этой проблемы.

В наши ловушки попало много грызунов, которые, как полагают, образуют часть естественного резервуара среди млекопитающих. Наемный персонал экспедиции и другие бразильцы, живущие по обе стороны дороги, могли быть свидетелями, передается ли болезнь местным жителям в этой девственной местности, а населяющие окрестности индейцы покажут, страдают ли они тоже от этой болезни или приобрели к ней иммунитет. Короче говоря, все было под рукой.

Рэлф Лейнсон и Джеффри Шоу проделали много первичных исследований по лейшманиозу, особенно по определению роли грызунов в распространении данной зоонозной болезни, где непременно участвуют животные. Они оба работали в Паразитологической лаборатории в Белене и считали, что лагерь в Мату-Гросу представляет для них уникальную возможность продолжить свои наблюдения в Центральной Бразилии. Они намеревались исследовать грызунов, комаров и людей, причем точно знали, что они хотели найти. Иен Бишоп, Рут Джексон и Джон Вудал помогали ловить животных. Линн Эстон и Энтони Торли помогали в

исследованиях людей, они же отправились в парк Шингу для проверки иммунитета индейцев.

Большинство ловушек для млекопитающих было установлено или в чаще галерейного леса, или вблизи его границы с сухим лесом. С приманкой в виде бананов или маиса ставили только те ловушки, которые оставляли свою добычу в живых. Ловушки-«давилки» эффективно убивали пойманное животное, но мертвые животные становились добычей вездесущих муравьев, и поэтому экземпляры, пойманные такими ловушками, часто оказывались непригодными. Из 107 млекопитающих, пойманных и пригодных для дальнейшего обследования, у 46 имелись поражения кожи, и из числа последних у 21 животного (которые были пойманы в лесу) имелись повреждения, положительные на лейшманиоз. Все заразные животные, пойманные экспедицией, были грызунами, исключение составляло маленькое сумчатое животное *Marmosa murina*. Последнее было также исключительным в том отношении, что было единственным зараженным среди пятнадцати аналогичных пойманных особей. Чаще всего были зараженными грызуны из рода *Oryzomys* и крыса *Nectomus*, но инфекция была найдена также и у щетинистой мыши. Характерное повреждение почти всегда было в виде небольшой и незаметной язвы на хвосте или у корня хвоста животного. Иногда таких повреждений было несколько, а однажды у крысы *Nectomus* несколько язвочек было обнаружено на ухе. Ученые из Белена привезли с собой несколько лабораторных хомяков, в шкуру которых были инокулированы паразиты *Leishmania* для безопасного хранения, до тех пор пока не будет возможным исследовать эту конкретную разновидность опять в беленской лаборатории.

Для поимки комаров использовали как ловушки, так и людей-приманки. В ловушках вокруг живого животного были установлены подносы с маслом, в которое попадали привлеченные запахом комары. Человек-приманка, сидя ночью в лесу, просто собирал с себя комаров и быстро погружал их в семидесятипроцентный спирт или же оставлял их живыми для вскрытия. В течение пяти недель в ловушки, расположенные в различных местах, попало 3280 комаров, и кроме этого несколько сот поймали сами члены экспедиции. Почти все попавшие в ловушки комары (на приманки в виде грызунов) относились к одному виду *Lutzomya flaviscutellata*. Самок насекомых потом вскрывали и исследовали на наличие *Leishmania*. Поскольку эти комары могут пролетать сквозь ячейки многих противомоскитных сеток, легко себе представить скрупулезность такой работы. В одном комаре нашли множество паразитов, которых привили хомяку в надежде, что эту разновидность в конечном счете удастся надежно изолировать. Из всех комаров, пойманных людьми на себе, были вскрыты 444 особи, но ни у одной из них паразиты не были найдены. Из этого числа только две самки относились к виду *Lutzomya flaviscutellata*. Оставалось определить, сколько различных видов кусают грызунов и сколько кусают человека и грызунов и у скольких имеются паразиты, переносчиками которых они служат.

Не потребовалось много времени для того, чтобы установить, какую опасность представляет лейшманиоз для живущих в данной местности. У многих бразильцев появились безобразные открытые повреждения, и их немедленно подвергали двухнедельному курсу лечения впрыскиванием сурьмы. Эта болезнь обычно легко излечивается, если она захвачена на ранней стадии и если быстро введено достаточное количество надлежащих соединений сурьмы. На близлежащей

бедной фазенде, где жили тридцать человек, у пятерых имелись активные первичные повреждения, а у двух — гораздо более страшные вторичные язвы носоглотки. Кроме того, две трети обитателей фазенды, как показала положительная реакция на коже с помощью небольших количеств антигенов, перенесли эту болезнь в прошлом.

Конечно, в районе лагеря было нетрудно встретить комаров, но они летали преимущественно ночью. Поэтому пребывание ночью на открытом месте или в одной из хижин не давало надежной гарантии от их неприятных укусов, не говоря уж о значительно более неприятных последствиях. Ночью в лесу ощущаешь присутствие комаров.

Поводов, чтобы отправиться в лес ночью, было много. Например, чтобы понаблюдать ползающих и летающих светлячков и жуков с двумя фонариками на голове. Кроме того, термитники, представляющие днем скучные земляные кучи, ночью превращались в оживленный проспект. Сотни маленьких светлячков выползали из норок в термитниках, освещая их сказочным светом, и мы неоднократно пытались сфотографировать это зрелище. К сожалению, даже двенадцатиминутной выдержки оказалось недостаточно, но преобладающие воспоминания об этих и других ночных бдениях в темном лесу были связаны с комарами. По ночам эти налетчики мстили нам наверняка.

Когда грызуны были найдены и исследованы, когда комары были пойманы и вскрыты и когда заболевания людей были установлены, оставалось лишь решить проблему местного населения — индейцев. Орланду Вилас-Боас дал разрешение Линну Эстону и Энтони Торли на работу в парке Шингу. Они поставили себе цель установить, страдают ли индейцы лейшманиозом, наблюдаются ли у них сравнительно слабые

первоначальные поражения кожи или ужасные вторичные язвы и выработались ли у них антитела, специфичные для данного заболевания. Субклинической считают такую инфекцию, когда она не оставляет никаких следов, но приводит к образованию соответствующих антител, когда у организма вырабатывается защитная реакция, точно соответствующая конкретному заболеванию. Отсутствие шрамов и соответствующих антител, вероятно, будет означать отсутствие инфекции. Другие врачи, посещавшие Парк, как и случайные наблюдатели, уже сообщали, что индейцы, видимо, не болеют лейшманиозом, в отличие от живущих здесь бразильцев. От многих других болезней они страдали значительно больше бразильцев, но от данного заболевания у них защита, очевидно, была лучше.

Вышеупомянутые два англичанина хотели исследовать все население Парка, исключив только детей младше двух лет. Поскольку большинство индейцев ходили обнаженными, это облегчало возможность обнаружить первичные поражения. Однако выполнение второй части программы, которая требовала инъекции антигена и исследования участка кожи на реакцию двумя днями позже, не всегда удавалось, так как стремление индейцев порыбачить или поохотиться часто оказывалось сильнее желания подчиняться странным требованиям гостя дважды на протяжении сорока восьми часов. В восьми деревнях Шингу инъекции антигена были сделаны в общей сложности пятистам людям, а через сорок восемь часов повторный осмотр удалось сделать лишь у четырехсот человек. Остальные куда-то разбрелись.

В этих исследованиях использовали для контроля у каждого индейца одну руку. На ней делали инъекцию под кожу только одним раствором, без антигена, тогда как другая рука получала как антиген, так и раствор.

Любая чувствительная реакция на сам раствор (что всегда было возможным) могла быть замечена. Место инъекции обводилось несмываемой краской, и по истечении сорока восьми часов искали следы положительной реакции — воспаления диаметром не менее трех миллиметров.

Результаты были внушительными. Ни у одного индейца не наблюдалось активных первичных или вторичных поражений. Из мужчин и мальчиков у 162 (76 процентов), а из женщин и девочек — у 88 (47 процентов) наблюдалась положительная реакция на антиген, что в среднем составляло две трети населения. У очень немногих маленьких детей была положительная реакция. Практически у всех взрослых, которым, по оценке, было больше тридцати пяти — сорока лет, реакция была положительной. Другими словами, мужчины получали инфекцию чаще, чем женщины, а взрослые обоего пола — чаще, чем соответственно дети и подростки. Предполагается, что разница наблюдается вследствие различия в образе жизни между мужчинами и женщинами. Женщины большую часть времени проводят вокруг и внутри хижин и на расчищенных местах. Дети остаются в основном с женщинами, но мальчики постепенно все больше времени проводят с мужчинами, сопровождая их в различных походах. Следовательно, основным источником инфекции служит окружающая лесная среда, где в первую очередь бывают мужчины, во вторую — мальчики и женщины и реже всего дети. Лес представляет также убежище для кровожадных комаров.

В преобладающей ситуации было найдено одно исключение, существующее у индейцев ваура. В начале 1960-х годов среди этого приятного племени, занимающегося гончарным делом и живущего в Парке, неожиданно вспыхнула эпидемия лейшманиоза. К

счастью, инфекция была ликвидирована с помощью лекарств, содержащих сурьму, но эта вспышка вызвала к себе большой интерес, учитывая традиционный иммунитет индейцев к ней. Когда английская группа находилась в поселении индейцев ваура с ее 97 обитателями, там живо вспоминали атаку лейшманиоза, оставившую свои следы. Из 71 индейца ваура, обследованного англичанами в 1968 году, у 16 были старые неактивные шрамы от лейшманиоза. Из 11 человек мужского пола семь были в возрасте 5-10 лет, откуда следовало, что инфекция чаще встречалась среди очень молодых. С 1964 года у членов племени инфекции не наблюдалось.

В этой истории наибольшую важность представляет тот факт, что за несколько месяцев до вспышки инфекции племя перешло на новую стоянку, находившуюся в четырех часах пути по воде от его предыдущего поселения выше по Риу-Батови. Отсюда можно заключить, что они переехали в район, где среди комаров было больше носителей инфекции или это была инфекция иной антигенной разновидности. Во всяком случае, факт перемещения всего на четыре часа плавания по извилистой реке, приведший к конкретному заболеванию, еще раз подтверждает ту сложность медицинских проблем, которые имеют место при охране изолированных поселений. И неудивительно, что живущие изолированно индейцы зачастую легко погибают при встрече с людьми, приносящими новые болезни с другого континента.

Лейшманиоз Нового Света имеет древнюю историю. Майя и инки, вероятно, знали об этой болезни, так как на некоторых гончарных изделиях они весьма точно изображали людей с подобными следами болезни. Бразильцы также знали о ней очень давно, несмотря на то что ее пугали с проказой и справедливо опасались. Различные горные и лесоперерабатывающие фирмы

категорически запрещают своим работникам под угрозой увольнения выходить по ночам в лес во избежание заражения. Другие бразильцы, как, например, поселенцы вблизи лагеря, самостоятельно борющиеся за существование у новой дороги, не были столь благоразумно осторожными, поскольку практически они жили в лесу. Вследствие этого болезнь стала частью их существования, как и малярия, как и сам лес. Местные фазендейру, разъезжающие взад и вперед на свои ранчо, расположенные дальше к востоку, могли подцепить эту болезнь. Однако они могли ее и вылечить, располагая как средствами, так и возможностью вынести четырнадцать инъекций на протяжении двух недель. Но далеко не все из тех, кто живет возле дороги, могли так лечиться. Медицинский дневник экспедиции пестрит записями о визитах тех, кто пришел полечиться у нас. Больше всех запомнилась маленькая девочка, которая бесшумно заходила в разные хижины и выходила из них и всегда ждала, чтобы кто-нибудь бросил работу и поговорил с ней.

Врачи экспедиции часто бывали обеспокоены местной распространенностью самолечения. Здесь люди или крайне нуждаются в лекарствах для лечения лейшманиоза или малярии, или же они вливают в себя любые лекарства, руководствуясь правилом «чем больше, тем веселее». Как кто-то сказал, подобная система «полифармации», несомненно, представляет собой попытку компенсации недостатков в диагностике, вероятно выполняемой одним больным по отношению к другому. Лихорадку или даже подозрение на лихорадку обычно лечили «коллективно», принимая лекарства от малярии, жаропонижающие средства и антибиотики, а зачастую для полноты добавляли еще стероиды. Подобная методика может сделать некоторые важные лекарства менее эффективными, когда в них возникнет подлинная необходимость.

Примером может служить следующий случай. Однажды ботаник Дэвид Филкокс, вернувшись в лагерь, сообщил, что ему рассказали о человеке, живущем у дороги, у которого обожжен живот. Джон Гилбоу навестил этого больного и понял, что у него не обожжен живот, а болит и горит внутри желудка. С трудом он поставил диагноз Herpes Zoster, но понял свои затруднения только впоследствии, когда узнал, что больной сам принимал лекарство от опоясывающего лишая. Бабушка пациента рекомендовала класть на больное место коровий помет и молоко. Дополнительные лекарства, которые принимал сам больной, часто и внутривенно, были следующими: стрептомицин (его он принимал, очевидно, против большинства болезней) и хлорамфеникол (который он рассматривал как своего рода верх совершенства). Лишай реагировал на это совместное применение лекарств только огненной болью. Джон отменил все прежние лекарства и рекомендовал ванны и какое-то обычное болеутоляющее, но, покинув больного, весьма сомневался, что тот последует столь простому совету. По-видимому, любому врачу, желающему практиковать в этой местности, следует сначала поработать в местной аптеке, с тем чтобы узнать, что еще, помимо болезни, может осложнить положение пациента. Ипохондрия — это одно дело, а народная медицина — другое, но полифармация (использование некоторых самых современных и сильно действующих лекарств) может стать еще более важным фактором, требующим учета.

Необходимо также знать (поскольку это может быть сопряжено с важнейшими последствиями) ту фармакопею, которая использовалась в этой местности за много-много лет до появления хлорамфеникола и тому подобных лекарств. Знания, собранные различными индейскими племенами, столь же не вечны,

как и сами индейцы. Многие важные современные лекарства, такие, как кокаин, дигиталис и спорынья, обязаны своим происхождением траволечению, и много ценных сведений будет утеряно по мере того, как различные общины будут вливаться в современный мир. Сэр Уильям Ослер писал: «Стремление к изготовлению лекарств представляет собой, возможно, наиважнейший признак, отличающий человека от животных». И американские индейцы не представляют собой исключения из этого общего правила. Антропологи и другие ученые непременно возвращались из Южной Америки с рассказами о весьма успешном лечении.

К сожалению, исследования народных средств очень сложны. Во-первых, индейцы должны приготовить свое лекарство и рассказать, из какого растения или дерева они его приготовили, затем отдать часть его для идентификации и, наконец, подробно изложить, каким образом они делают это лекарство. К тому же вещество может коренным образом измениться даже от такого элементарного процесса, как кипячение и отжимание, например, в случае удаления синильной кислоты из необработанной маниоки (остается только удивляться, каким невероятным образом мог быть открыт этот важный процесс). Ценность или эффективность вещества затем следует описать или, что еще лучше, продемонстрировать, предпочтительно более чем на одном, пациенте.

Искажать суть всех подобных экспериментов будет вековечное присутствие знахаря. По всей вероятности, знахарь не только действительно верит в свои силы, но, что еще более вероятно, в него и в находящиеся под его властью духов верит вся община. Вследствие этого необходимо выяснить, эффективно ли лекарство лишь потому, что так утверждает знахарь и люди верят в его эффективность, или же ему присущи такие свойства,

которые будут в равной степени оказывать эффективное воздействие в клинической обстановке дважды слепого испытания, когда ни врач, ни пациенты не знают до исследования результатов, кто из пациентов получал это лекарство. Наконец, когда кора какого-нибудь дерева обработана соответствующим образом, а затем принята надлежащим образом пациентом, страдающим определенной болезнью, и когда это вещество подтвердит свою эффективность в устранении данного заболевания, все еще будет оставаться проблема идентификации и выделения важнейшего ингредиента. Спорынья имеет историю, длящуюся значительно более столетия, использования ее при беременности и для остановки непроизвольного кровотечения у женщины после родов. Слава спорыньи в этом отношении, вероятно, идет еще дальше в глубь веков, задолго до использования ее медициной, но только в 1906 году из нее был выделен эрготоксин — все еще смесь нескольких веществ, — и лишь тридцать лет спустя был наконец выделен эргометрин, ставший столь важным средством в современной акушерии. Одно дело — слушать рассказ индейца о каком-нибудь лекарстве и совсем другое — извлечь из него существенно важное химическое соединение.

Тем не менее беседа с индейцами очень важна для получения от них сведений, иначе будет поздно: индейцы могут забыть большую часть того, что знают, но главное — они могут исчезнуть сами, и уже некого будет спрашивать. Боб Миллс провел в парке менее двух месяцев, и все это время у него было заполнено анализами крови, охотой с индейцами, лечением больных, посещением деревень, насколько хватало возможностей, и все же он каким-то образом выкраивал из этого напряженного распорядка время для сбора сведений о местных медикаментах, их происхождении и применении. Некоторые из этих веществ могут

применять только *rajés* (знахари и колдуны), а некоторые — только их пациенты, но все же здесь можно найти одно или несколько веществ, которые могут послужить неоценимым ключом к созданию какого-нибудь всемогущего лекарства будущего.

Когда Боб Миллс наконец вернулся в Шавантину — транзитный пункт, которым пользовались все члены экспедиции при поездках в ту или иную сторону, наша группа направлялась на север. Основное достоинство Шавантины — река Риу-дас-Мортис, великолепная как для созерцания, так и для купания в ней. Однажды, когда мы плавали в ее водах, мы были крайне поражены ужасным видом Боба Миллса. Нимбовидная борода Боба делала его еще более худым, но больше всего нас поразили его шрамы, болячки и гнойники. Казалось, что каждый укус москита, мошки и клеща стал септичным, поэтому все мы осторожно отошли от него. Прочтя впоследствии его дневник, я понял, что любой врач, посещающий подобную местность даже не дольше восьми недель, подвергается опасности заразиться некоторыми болезнями окружающих. В дневнике Миллс не упоминал ни о каких внешних следах болезней, поскольку приобрел гораздо больше внутренних болезней, чем мы могли себе представить в тот день, когда после купания каждый из нас проверил, что вытирается своим полотенцем. В дневнике Боб резко переходит от записей жалоб индейцев к лаконичному описанию своих невзгод.

«17 и 18 июня. Новорожденный племени курикуру истекал кровью из пуповины. Не осталось места для перевязки пуповины. У этих племен есть обычай перерезать пуповину у самой стенки брюшной полости. Младенца не кормили с момента рождения, и я делал ему капельницу. Он выжил, и через две недели я вернул его племени курикуру.

6 июля. Прибыл Матипу, и я отправился в селение Калапало с Калакуманом. Путешествовал обнаженным и нашел это весьма приятным. Для отпугивания насекомых использовал уруку.

10 июля. Обследовал Марику — 70-летнего старца из племени камаюра. Очень интересный старик, который в молодости был пленником племени суя. Он сделал мне несколько стрел, какие использовались в былые времена для войны. У него была чешуйчатая карцинома пениса. (Подтверждено гистологией в Сан-Паулу и Лондоне.) Первый зарегистрированный случай заболевания раком в Парке.

16 июля. Исследования и беседы с Орланду и Клаудиу. Наложил швы петушку, принадлежащему Явалапити. Петушок выздоровел.

22 июля. Вернулся в Пост-Лео нарду, занялся сортировкой и окрашиванием образцов крови индейцев ваура. В это время группа индейцев тшикао принесла девочку, сказав, что она сильно больна. Это было интересно, поскольку они, видимо, сильно беспокоились о ней, если принесли ее в Пост-Леонарду. Обычно они оставляют больных в гамаках довольно долгое время, прежде чем принять столь решительные меры. Ее звали Коле, ей было 11-12 лет, она казалась несколько умственно отсталой. Я спросил: „Опогото?“ (как тебя звать?). Она очень тихо ответила: „Коле“, — и это было последнее сказанное ею слово. Я осмотрел ее и взял пробу крови, которая показала наличие большого количества менингококковых организмов, а не первичных малярийных паразитов, как я ожидал.

К этому времени ее уже нельзя было разбудить. Были сделаны внутривенные и внутримышечные инъекции антибиотиков наряду с антималярийными средствами и укрепляющими мерами. У нее был очень быстрый пульс (140 в минуту), а кровяное давление низкое (систолическое 75-80), наблюдалась слабая

лихорадка. Сделал поясничную пункцию и взял образец нагноения, одновременно ввел антибиотики. Окрашенный мазок спинномозговой жидкости показал большую концентрацию менингококков. Не было никаких сульфонамидов — самых эффективных медикаментов для лечения этой болезни. Не было также и пенициллина G. Пришлось использовать другие пенициллины и хлорамфеникол, а также тетрациклин и противомаларийные средства. Около четырех часов дня дыхание стало тяжелым, и возникла необходимость в трахеотомии.

В это время прибыл Клаудиу с сестрой и зятем девочки. Индейцы плакали, и Клаудиу был очень расстроен, поскольку очень заботился об индейцах тшикао, — ведь их осталось всего 53 человека. Он боялся, что если среди них будет большая смертность, то они захотят покинуть Парк. Я подчеркнул срочную необходимость получения сульфонамидов как важнейшего лекарства. Он радировал в Сан-Паулу, чтобы на очередном самолете ВВС Бразилии доставили это лекарство. Три раjés тшикао попросили разрешения повидать девочку. Они пришли к единодушному мнению, что она не выживет, и фактически уже считали ее мертвой. Они попросили ее тело для захоронения, хотя она была еще жива. Я отказался! К этому времени собрались почти все тшикао, непрерывно распевая хором и причитая: „Ты грязная тшикао“, что, видимо, представляло их реакцию на опасную болезнь, сочетавшуюся с желанием похоронить страждущую до ее смерти и убрать прочь источник инфекции.

Им была объяснена цель трахеотомии, и раjés весьма ею заинтересовались. Я произвел операцию около шести часов дня, используя примитивное оборудование и простерилизованный кусок резиновой трубки. Дыхание стало значительно менее затрудненным, после того как через трубку вышло

много слизи и крови. Велась непрерывная стерилизация в паростерилизаторе. Катетер прошел. Произведено внутривенное вливание.

23 июля. Дыхание улучшилось, но церебральное состояние ухудшилось. Промыл мочевой пузырь. Выделение мочи очень небольшое. Все тшикао впали в депрессию и не могли понять, почему я не позволяю им взять тело для захоронения.

24 июля. Надеемся на прибытие следующего самолета в Шавантину. ВВС выразили свое согласие. Почти весь день слушал по радио сообщения о вылете самолета из Рио, ухаживал за Коле и собирал вещи для отъезда. Осталось очень мало надежд на то, что Коле придет в сознание: моча практически отсутствует, дыхание затруднилось, клинически у нее отек легких.

25 июля. В один час ночи Коле скончалась и была быстро похоронена, почти без всякой церемонии, в хижине. Ее завернули в одеяло и гамак. Двое мужчин вырыли внутри длинного дома яму чуть поменьше двух метров длиной, что отличалось от обычаев других племен. Затем началось ритуальное очищение каждого, их пожитков и пищи. В соответствии с обычаями, отпевание будет продолжаться десять дней.

26 июля. Встал очень рано в ожидании самолета, так как больше здесь меня ничто не удерживает. Видел, как Пабру (вождь тшикао) закапывал каждому соплеменнику в глаза капли, чтобы очистить глаза, — вероятно, после того, как они увидели болезнь.

27 июля. Не спал всю ночь из-за общих болей в теле, озноба и поноса. Надо же в такой момент заболеть! Анализ крови положителен на плазмодий, но я раз в неделю принимал дарахлор, который содержит дараприм и пириметамин. В этой местности, по-видимому, его необходимо принимать два раза в неделю, чтобы поддерживать надлежащее состояние крови. Когда я уезжал из базового лагеря, то палудрина

не оказалось. Лечил сам себя, в течение нескольких дней самочувствие было очень плохое.

Узнал, что самолет вылетел из Кашимбу, наскоро попрощался со всеми, пообещал Клаудиу прислать Библию Шутера. Никаких помех при посадке в самолет.

28 июля. Отдых в „Английском доме“, понос несколько ослаб. Стул положителен на ленточных червей (*Necator atericanus*), излечение от которых оказалось очень трудным.

29 июля — 2 августа. Обычное житье-бытье в Шавантине.

2 августа. Прибыло несколько членов экспедиции, вместе с ними отправился в лагерь».

Одна болезнь, которой не подцепил Боб Миллс и которую все мы справедливо боялись, была болезнь Шагаса. Как ее переносчиков мы подозревали различных насекомых, особенно триатому, или блоху-убийцу, в частности *Rhodnius prolixus*. Вместо того чтобы вводить паразитов со своей слюной (как свойственно москитам и многим другим насекомым), этот переносчик откладывает их вместе со своими испражнениями. Очевидно, процесс насыщения кровью стимулирует испражнение. Поскольку длина насекомого несколько больше сантиметра, испражнения откладываются довольно далеко от того места, где хоботок проколол кожу, и жертва остается в безопасности, если сама не облегчит паразиту доступ. Это зачастую происходит из-за того, что после укуса человек начинает чесать укушенное место, распространяя испражнения.

Высказывались предположения, что Чарлз Дарвин заразился болезнью Шагаса во время пребывания в Латинской Америке. Эта болезнь, по-видимому, больше, чем ипохондрия или иное заболевание, довольно сильно повлияла на его здоровье, хотя он и дожил до преклонного возраста. Большинство же жертв этой

инфекции не бывают столь счастливы, и она часто приводит к смертельному исходу.

В лагере экспедиции никто еще пока не нашел предполагаемого переносчика инфекции, хотя у одного или двух рабочих подозревали эту болезнь в слабой форме. Индейцы в парке сказали, что они знают о насекомых и их неприятных укусах, поэтому членам экспедиции грозила потенциальная опасность заболевания этой болезнью. Было большой удачей, что никто не заразился болезнью Шагаса, даже весь искусанный, покрытый царапинами и гноящимися ранами Боб Миллс. Хорошо, что красная пыль, всегда покрывающая всех едущих в кузове грузовика, вскоре сделала и его прилично розовым.

Все медики нашей экспедиции независимо от того, проводили ли они углубленные исследования лейшманиоза или выполняли другие функции, присущие сельскому врачу, своей работой только подчеркивали потрясающий факт полного отсутствия практикующих врачей в этих местах. *Casa médica* (медпункт) лагеря, несомненно, представлял собой наилучшим образом оборудованное медицинское заведение на сотни километров вокруг. Даже больница в Арагарсасе, где как-то потребовался морфий для ампутации ноги у медсестры, попавшей в автомобильную катастрофу, вынуждена была прислать машину в базовый лагерь за этим лекарством. Было весьма ценно, что многие местные жители приходили сюда полечиться не только потому, что уходили более здоровыми, но и потому, что в ответ на наше стремление помочь каждый из них стремился помочь нам в других бесчисленных случаях. Нет необходимости говорить, что с них никогда не брали денег, но они часто приносили подарки для лагерной кладовой, например яйца и фрукты, которые для нас были дороже рубинов, когда доставка припасов запаздывала на

длительный срок, а качество риса, фасоли и бледного консервированного мяса начинало утрачивать привлекательность даже как тема для шуток.

Пребывание в Мату-Гросу в качестве поселенца, батрака или полубродячего скваттера имеет свои трудности. Прожить некоторое время в Мату-Гросу, даже если имеется хорошо оборудованная больница, довольно сложно. Укусы клещей, насекомых могут быстро стать септическими. Однажды кто-то из мужчин упал и обрезал глаз какой-то остролистой травой типа осоки. В другой раз кто-то уронил отвертку и в результате лишился двух фаланг на пальцах руки: отвертка упала на стартер, замкнула электрический контакт, включила двигатель, и зажужжавшие лопасти вентилятора обрубили ему пальцы. Конечно, несчастные случаи могут иметь место где угодно, и они не повлекут за собой тяжелых последствий, если почти незамедлительное содействие и надлежащая медицинская помощь находятся под рукой. Для человека, предоставленного самому себе, не считая его семьи, нескольких коров и пары хижин, эти несчастные случаи могут быть столь же ужасными, как и всеобщая озабоченность болезнями. «В чем вы больше всего нуждаетесь?» — спросили мы как-то у нескольких человек, живущих уединенно. «В добром здравии», — был их ответ.

Глава шестая Млекопитающие. Птицы. Рыбы и растения

Крупные животные Африки, привлекавшие на этот континент столько людей в течение многих лет, настолько хорошо описаны и сфотографированы, что любой, приезжающий в Южную Америку впервые, склонен все время осматриваться в тщетных поисках столь же больших стад. Не увидев их, он начинает удивляться, почему в ней нет крупных травоядных (заменяющих слона) и почему человек может прошагать весь день по девственным местам, не увидев и даже не услышав ни одного крупного животного.

Вероятно, правильнее было бы удивляться изобилию в Африке степной промысловой дичи и обусловленному

им изобилию плотоядных, чем ожидать, чтобы все другие континенты следовали этому первичному примеру. Так, например, в пампасах Южной Америки когда-то существовали многочисленные стада гуанако, но в ее лесах никогда не было большого количества крупных и легко заметных животных. (Как фактически их нет и в лесах у реки Конго.) Этот континент имеет только узкую полосу, связывающую его с Северной Америкой, практически же он изолирован. Кроме того, крупные реки должны были бы служить (и служили) дополнительными географическими барьерами, и большое количество таких рек, безусловно, ограничивало распространение многих видов животных, не способных пересечь подобные барьеры.

К тому же в наши дни в Южной Америке, где бы ни проходило освоение девственной местности, быстро исчезают все животные. Однажды партия из лагеря встретила вблизи Сан-Фелиса охотника на ягуаров. Он добывал их для туристов, желавших обязательно иметь ягуара среди своих трофеев, собранных на всем земном шаре. Охотник знал, что раньше ягуара можно было встретить не очень далеко от реки Арагуая, но за последние несколько лет здесь ягуары практически исчезли, и американских собирателей трофеев теперь отправляют на реку Шингу. Вскоре даже и в столь отдаленном месте ягуаров поймать не удастся.

Основные группы млекопитающих Южной Америки состоят из особей главным образом небольших размеров, которые поэтому менее заметны, особенно в условиях Мату-Гросу — как в серрадос, так и в лесу. Здесь имеется 46 видов грызунов, главным образом мелких (самый крупный из них — это водосвинка *Hydrochoerus*), 52 рода летучих мышей, 8 родов сумчатых и 11 — неполнозубых. Эти две последние группы относятся к реликтовой фауне. Сумчатые доминируют в Австралии, тогда как плацентарные

представляют собой группу млекопитающих, доминирующих во всем остальном мире, но в Южной Америке сумчатые живут бок о бок с плацентарными, хотя и в меньших количествах. В Бразилии существует фактически лишь одно семейство сумчатых, *Didelphidae*, которое состоит из двенадцати родов.

Экспедиции Мату-Гросу удалось наблюдать и отловить довольно большое количество различных млекопитающих. Мы видели оленей (*Capridae*), прежде чем они скрылись в лесу, тапира (*Tapiridae*), но только вблизи рек. Поймали гривистого волка (*Canidae*), правда, красивое длинноногое животное жило у нас недолго. Встречались также большие кошки (*Felidae*), которых дорожные рабочие ловили как на мясо, так и из-за их шкуры. Иногда мы наблюдали приматов, например обезьян-капуцинов, особенно если с нами находился бразилец, который умело их выманивал. Мы видели заостренные следы копыт агути почти во всех влажных местах, но очень редко наблюдали самих животных. Случалось, что на дерево быстро взбиралась, чтобы оглядеться, тайра, крупная разновидность куницы, которая потом с шумом исчезала.

Из неполнозубых в лагере некоторое время жили несколько броненосцев, муравьедов и ленивцев. Ленивцы (трехпалые *Bradypus tridactylus*) карабкались вверх по деревянным стропилам крыши или же поразительно быстро передвигались по земле. Броненосец демонстрировал свою исключительную способность рыть норы, даже если его держало за хвост столько рук, сколько могло ухватиться. Лишь однажды мы видели гигантскую выдру *Pteroneura brasiliensis*, когда она стремительно мчалась по берегу со своим семейством. За этими крупнейшими в мире выдрами яростно охотятся, и во многих местах они уже исчезли.

В соответствии с лагерной программой отлова животных различными ловушками было поймано 676 млекопитающих, представляющих около 33 родов и 36–40 видов. (Последние цифры, несомненно, изменятся, когда шкуры этих животных будут более тщательно исследованы в лабораториях с использованием всех сравнительных материалов, находящихся под рукой.) На протяжении года, когда регулярно проводился отлов ловушками, количество пойманных животных не было особенно велико, поскольку эффективность этих ловушек составляла только около одного процента.

Имелось два других, более конкретных указания на то, что ловушки не собирают всего того, что могли бы поймать. Прежде всего, в базовом лагере нам удалось поймать более сорока грызунов. Большинство из них относилось к виду *Oryzomys*, которых поймать больше нигде не удалось.

Почвенные разрезы, представлявшие собой не что иное, как ямы в земле, выкопанные почвоведом для совершенно другой цели, соперничали с ловушками. В эти ямы попало около тридцати млекопитающих, из которых восемь принадлежали к трем родам, никогда не попадавшим в ловушки: *Cavia*, *Scapteromys* и *Lutreolina*. Если в ловушки не попадает какое-нибудь животное, то легче всего сказать, что оно или редкое, или отсутствует в этой местности. Почвенные разрезы, которые без всяких ухищрений «ловили» довольно много разнообразных животных, помогали опровергать подобное ошибочное утверждение.

Участница экспедиции Рут Джексон проявила исключительное усердие в том, чтобы сохранить живыми всех животных, извлеченных из ловушек или из ям: сумчатых содержать было намного труднее, чем грызунов, но два представителя вида *Mannosia*, которым давали невероятно сложную диету, включавшую вареный рис, яйца, молоко, сырое мясо, бананы, плоды

дынного дерева (*tataãeo*), комнатных мух, крылатых муравьев, термитов и мотыльков, прожили у нас рекордное время. На такой разнообразной пище один из них прожил три месяца, поскольку был пойман очень молодым. Грызуны довольствовались простой диетой из сырой кукурузы или риса, яиц и молока. Двое из них (оба вида *Proechimus*) принесли потомство в неволе, хотя одна самка через несколько дней съела своих малышей. Тот факт, что так много грызунов выжило на столь простой еде, не означает, что они отвергали другой корм. Время от времени им давали (и они ели) насекомых, таких, как медоносная пчела и цикады, и бесчисленное количество фруктов — плоды пальмы Бурити, лиан и различных видов *Rubiaceae* и *Myrtaceae*.

В течение некоторого времени, когда в базовом лагере находился Рон Наин, все внимание было обращено на летучих мышей. Он ловил их главным образом сетями-паутинами (они достаточно прочные, и летучие мыши не сразу могли их прогрызть), которые развешивал так, чтобы мышам было легко в них залететь. Из летучих мышей, пойманных сетями или подстреленных, насчитывалось 26 видов, относящихся к 18 родам. Наиболее часто встречались виды *Artibius* и *Molossus*, но и здесь были некоторые сюрпризы. Например, нам не попался ни один представитель вида *Desmodus*, вампира, который очень часто встречается в коллекциях, привозимых из Бразилии. И наоборот, были пойманы одиннадцать особей двух видов, которых ранее встречали только на Тринидаде и в Панаме.

Согласно бразильской статистике, ежегодно в стране регистрируется около двадцати тысяч укусов человека змеями, из которых приблизительно пять тысяч со смертельным исходом. Эти цифры легко подвергнуть сомнению, особенно если рассматривать их, находясь в Мату-Гросу, где к любой статистике относятся пренебрежительно, тем не менее не

вызывает сомнения, что множество людей погибает от укусов змей. К счастью, в лагере подобных случаев не было, хотя однажды на кого-то напала змея, но ее удар пришелся в ботинок. Из 200 видов бразильских змей только 16 могут представлять опасность, и все они относятся к семейству *Crotalidae*, за исключением печально известной коралловой змеи. Наиболее страшная змея — это жарарака, обнаруженная в базовом лагере в первый же день размещения там экспедиции.

По рассказам, коралловых змей видели гораздо больше, чем их было на самом деле, вследствие большой их схожести с ложными коралловыми змеями. У последних нет ядовитых зубов, голова шире, глаза больше, а хвост длиннее, причем во время движения они его не поднимают вертикально вверх, но на подобные вещи не обращают внимания, когда поблизости оказывается змея с яркой и разноцветной раскраской настоящей коралловой змеи и тех же самых размеров. В любом случае бразильцы ее убивают. Они даже убивают змей, поедающих других змей, настолько глубоко укоренился у них обычай убивать этих пресмыкающихся.

Орнитолог Хилари Фрай провел в базовом лагере восемь недель. Его прибытие было встречено с радостью, потому что изобилие птиц вынуждало других ученых тратить много времени или на споры о их классификации, или на поиски их изображений в книгах. Представление об изобилии птиц (и об энергичности Хилари Фрая) можно получить из его отчета: он поймал сетями 940 птиц 161 вида и зарегистрировал путем наблюдений еще 102 вида. (Любой английский орнитолог, наблюдающий всю свою жизнь птиц на Британских островах, если бы насчитал 263 вида, то считал бы это выдающимся достижением. Богатый разнообразиями пернатый мир Мату-Гросу

более щедр — и более изнурителен.) Почти каждый день Фрай вносил новых птиц в свой перечень и пришел в конце пребывания к выводу, что, поработав в окрестностях базового лагеря в течение года, он мог бы зарегистрировать 400 видов. Для сравнения стоит сказать, что он пробыл год в Африке на территории сравнимых размеров и местоположения и зарегистрировал всего лишь 266 видов, включая 26 мигрирующих из умеренного пояса. Эндемичная орнитофауна Бразилии действительно щедра.

Наибольшее количество видов, обитавших исключительно в одной зоне, составило 60 в серрадос; в галерейном лесу насчитывалось только 33 вида птиц; в сухом лесу — лишь 25; в серрадос — 5 и в кампо — тоже 5. Странно, что в густых зарослях по обоим берегам Суя-Мису обитало 10 видов, не встречающихся более нигде, что свидетельствовало о наиболее ярко выраженном небольшом местообитании.

Не всегда можно было дать готовое объяснение, почему данный вид выбрал именно это местообитание или даже два местообитания и не селится в третьем. Фрай по этому поводу писал:

«Я осмеливаюсь высказать предположение, что наиболее влиятелен единственный фактор (при выборе местообитания) — психологический, то есть отдельная птица остается в границах данного местообитания потому, что ей не по себе за его пределами...»

В галерейных лесах вдоль рек и ручьев мы видели или поймали в сети представителей всех пяти разновидностей южноамериканских зимородков. За исключением крупного *Ceryle torquatus*, остальные четыре принадлежали к семейству *Chloroceryle*. У этих четырех видов все же есть незначительные различия в местообитании, но их совместное проживание в одной и той же местности, вероятно, обусловлено тем, что они употребляют в пищу различные виды рыб. *C. aenea*

весит около тринадцати граммов, *C. americana* весит примерно в два раза больше, *C. inda* весит в четыре раза больше, а *C. amazona* — почти в восемь раз больше, чем *C. aenea*. Длина их клювов находится соответственно в пропорции 1:1,5:2:2,5.

Предполагается, что размеры рыбы, которую они ловят, находятся в таком же соотношении. Проведя много времени в Африке и потратив значительную его часть на изучение щурков, Хилари Фрай в Бразилии столкнулся с совершенно иной, неродственной им группой птиц — якамарами, которые тем не менее имеют сильное внешнее сходство с африканскими щурками. Сходство ряда признаков между неродственными группами, особенно когда они разделены океаном, всегда вызывает интерес. Между этими двумя разновидностями птиц действительно существует заметное сходство. Фрай провел сравнение рыбоядных *Galbulidae* Нового Света и насекомоядных *Meropidae* Старого Света, записав следующие наблюдения.

«Те и другие птицы имеют яркое оперение, длинные заостренные клювы и очень короткие ноги. Особи обоего пола имеют сходное оперение, в основном зеленого цвета, с переходом к темно-желтому на брюшке, с контрастом между шейкой и грудкой. Они охотятся за летающими насекомыми сверху главным образом в лесах (якамары) и в саваннах (щурки). Ни одно из семейств не имеет существенных экологических вариаций: якамары насчитывают 16 видов в пяти родах, а щурки — 24 вида в трех родах.

Степень схождения, как свидетельствуют репрезентативные якамары *Galbula ruficauda* и щурков *Merops bulocki*, вероятно, обусловлена тем, что их пища практически идентична, поскольку пища птицы и способ ее добывания оказывают сильное влияние не только на морфологию клюва, но и на многие другие

характеристики: оперение, поведение и биологию размножения. Пища у обоих семейств практически идентична, и здесь возникает вопрос, в какой мере остальные сходства вытекают из этого обстоятельства, или же их совпадение случайно. Этот вопрос можно решать весьма предположительно. Их длинные заостренные негибкие клювы приспособлены для захвата летящих насекомых, которые жалят. Щурки обезвреживают яд у своей добычи с помощью врожденного образа поведения, но у якамаров аналогичного поведения пока не наблюдалось. Как и другие птицы, питающиеся одиночными летающими насекомыми (как, например, стрижи и ласточки), якамары и щурки гнездятся в углублениях, хотя не ясно, зачем им копать туннели в земле, оканчивающиеся камерами для яиц, а не использовать выемки в деревьях или скалах. Возможно, такое поведение якамаров обусловлено малочисленностью естественных углублений или любовью к прибрежным местам (где изобилует добыча?), где имеются подходящие крутые обрывы, или потому, что клюв якамаров пригоден для копания. Размеры кладки яиц, инкубационный период и период оперения якамаров и щурков одинаковы, вероятно, как следствие характера и качества пищи на различных стадиях высиживания, который относится примерно к началу местного сезона дождей».

В основном все коллекторы, собирающие рыб, млекопитающих, растения или птиц, в своих коллекциях почти всегда расширяли границы распространения у тех видов, которые не были новыми для науки. Вполне естественно, что большая часть бразильской флоры и фауны собрана в более обжитых районах страны, и никогда ранее не проводилось столь интенсивного сбора с территории базового лагеря. Поскольку лагерь находился вблизи границы между лесом и серрадос,

которая перемещалась с незапамятных времен то в ту, то в другую сторону вслед за климатическими и иными переменами, расширение ареала распространения конкретного вида происходило в основном в двух направлениях: наблюдалась экваториальная или лесная форма, которая ранее не встречалась так далеко на юге, или же находили более южный вид, который до этого не встречался так далеко на севере или на западе.

Исследования рыб проводила Розмари Макконнел. Раньше она работала в Гайане, и теперь ее интересовали различия и сходства между Гайаной и Мату-Гросу.

«Я очень часто ловила рыбу по ночам. Исходя из опыта, приобретенного в Гайане, я знала, что это наиболее результативный способ ловли с моим примитивным снаряжением. Среди южноамериканских рыб некоторые группы (насекомоядные и большинство *characoids*) активны днем, а ночью прячутся вдоль берега и остаются неподвижными. Другие же рыбы — ночные. Ночью с хорошим фонариком можно выловить спящих рыб подъемной сетью. Так же легко поймать и ночных рыб, поскольку они выходят из расселин, где прячутся днем. Их глаза — красные, оранжевые или серебристо-желтые — отражают свет фонарика и выдают их присутствие. У многих пресноводных креветок также яркие мерцающие глаза. Повсюду кишели бесчисленные пауки (одни из них обычно бегают ночью по поверхности воды, а другие располагаются в ряд вдоль берега реки, и их глаза блестят, как алмазы). В свете фонарика глаза козодоя также горели ярко, как свечи, четко отражаясь в темной воде».

«Меня крайне обрадовало сообщение о том, что базовый лагерь расположен на нескольких ручьях, где есть заводи. Поэтому я могла заниматься ловлей и

наблюдением рыб в любое время дня и ночи. Удивительно, какая крупная рыба появлялась по ночам в этих маленьких ручьях: угри длиной до сорока сантиметров (*Sternopygus* и *Gymnotus*), длинные тонкие рыбки, тело которых было натянуто как струна, скользившие вперед и назад с одинаковой легкостью. Мы установили магнитофон, чтобы записать их электрические сигналы, имевшие характерную частоту, и доказали, что в реке возле лагеря обитают три вида этих рыб. По ночам среди листьев, устилавших поверхность заводей, шнырял панцирный сомик *Callichthys* (длиной до пятнадцати сантиметров) в поисках личинок и другого корма, рыская по сторонам, подобно терьеру, учуявшему крысу. *Callichthys* зарекомендовал себя исключительно выносливой рыбой, которая в лаборатории выползала из аквариумов, долгое время жила вне воды, ползала, извиваясь по земле с помощью хвоста и брюшных плавников, и даже выдерживала длительное хранение в морозилке холодильника.

Насекомоядные рыбы, живущие в верховьях ручьев, также очень выносливы, выживая при самых низких концентрациях кислорода по сравнению с большинством других видов. Многие рыбы этого вида имеют дополнительные органы дыхания, позволяющие им существовать в таких ручьях с гниющими листьями, при низком содержании в них кислорода и высокой кислотности. Некоторые ночные рыбы (а также и дневные, например пирания) издают звуки, когда их поймают».

«...Конечно, при этом ходишь мокрой по грудь каждый день и почти каждую ночь. Я всегда работала в одежде — привычка, приобретенная в Гайане, где свирепствуют пирании. Поэтому мне здесь всегда прохладно, а почвоведы находили, что очень жарко. Когда сидишь на берегу реки и разбираешь улов в

насквозь мокрых брюках, одежда приходит в неопишное состояние, и мокрая ткань легко расползается. (Я сократила свои пожитки до абсолютного минимума, чтобы иметь возможность забрать рыболовные снасти.) Когда я измеряла рыб, над ними обычно кишели *sweat bees*, к которым примешивалось немного жалящих одичавших „европейских“ пчел. Кусаящие двукрылые также сильно досаждали у ручьев, особенно мошкара вместе с мошками и москитами».

«Одно из препятствий к изучению рыб — это количество снаряжения, которое приходится таскать для того, чтобы поймать рыбу и сохранить ее, поскольку в тропиках она портится очень быстро. Многие бразильцы были искусными рыбаками, и рыбная ловля им очень нравилась, но, пробираясь через кусты, они очень шумели, если сравнивать их в этом с американскими индейцами, с которыми я работала в Гайане. Физически эта работа была тяжелой, поскольку нам приходилось импровизировать и даже устанавливать жаберную сеть вплавь (из-за отсутствия хоть какой-нибудь лодки), соблюдая осторожность, поскольку я очень хорошо знала, на что способны электрические угри и пирании. Однако вода во многих местах была прозрачной, и через очки с полароидными стеклами можно было наблюдать рыбу и оценивать количество ее в реке, перед тем как мы пытались поймать ее».

За два месяца Макконнел собрала от 50 до 100 видов рыб. Для более точного определения количества потребуется много времени, но, как полагают, почти половина собранных видов была неизвестна науке. Некоторые группы рыб необходимо будет направить различным экспертам для более детального исследования. Она предполагала (исходя из своего опыта в Гайане), что обнаружит 200–300 видов, и была

удивлена, найдя в районе базового лагеря всего около десятка. Однако в качестве компенсации около 50 видов выловили в Риу-дас-Мортис у Шавантины и около 20-30 — в Суя-Мису. Ручьи в районе базового лагеря, хотя и были постоянными из-за нехватки кислорода, представляли суровое местообитание. Самые распространенные в этих ручьях насекомоядные рыбы *Aequidens*, *Hoploerythrinus* и панцирный сомик (*Callichthys*) были достаточно выносливыми, чтобы жить вне воды несколько часов.

Когда Макконнел находилась в Бразилии в конце сезона дождей (март — май), ни одна из рыб не нерестилась. Состояние гонад показывало, что большинство видов должно начать икрометание в начале сезона дождей и что сухой сезон представляет собой «психологическую зиму», на протяжении которой рыбы кормятся плохо и растут медленно. Поэтому конец сезона дождей представлял собой хорошее время для изучения сравнительной экологии родственных видов и общности их привычек в отношении корма. Так, например, различные виды рода *Creatochanes* часто вылавливались в одном месте, что указывало на наличие конкуренции за одним и тем же видом корма в сезон максимального давления, обусловленного плотностью популяции. Интересная особенность тропиков состоит не в изобилии разных видов, а в сосуществовании сходных и родственных видов в одной и той же нише и в одно время. Были ли в действительности еще такие же ниши, как обнаруженные нами? Или было больше пищи? Или между видами существует большая толерантность, которая маловероятна в более высоких широтах?

Рыболовы Англии, привыкшие просиживать целыми днями, не поймав ни рыбки, были бы изумлены изобилием рыбы в Южной Америке. Так, Розмари Макконнел и три сопровождавших ее бразильца из

лагеря нашли одно озеро, в котором, вероятно, никто ранее не рыбачил, за исключением, возможно, индейцев в прошлом. За три часа (причем наживка схватывалась почти моментально, как только был заброшен крючок) они поймали сорок одну *Aequidens*, четырнадцать *Hoploerythrinus*, одну *Hoplias*, шесть *Leporinus*, три *Crenicichlea*, две *Acestrorhynchus* и одну *Moenkhausia*. Они видели несколько *Metynnis* или *Myleus*, но их не поймали. Общий вес улова составлял пять килограммов.

Каждого нового члена экспедиции потчевали — особенно когда он отправлялся к излюбленному месту купания на Риу-дас-Мортис — рассказами о рыбе, которая энергично влезала в любое доступное отверстие тела. Розмари Макконнел действительно поймала у берега эту рыбу, которая по-португальски называется *candiru*, она относится к семейству насекомоядных, *Vandelia*. Они обычно паразитируют на жабрах рыб, и у них действительно по бокам головы имеются шипы. К счастью, из участников экспедиции никто не пострадал от *candiru*.

Во время пребывания экспедиции в Мату-Гросу мы собирали также коллекции растений. Было составлено четыре отдельные крупные коллекции. Дэвид Филкок собрал 2000 номеров, Рей Харли — 1500, Джим Раттер и Дэвид Гиффорд — тоже 2000, а Джордж Арджент и Пол Ричардс — еще 1000. Здесь следует сразу сказать, что хотя и принято говорить «номер», но не следует думать, что каждый номер обязательно соответствует отдельному виду. Растение может только походить на новый вид и заслужить новый «номер», а потом оказаться таким же, как одно из собранных ранее. Короче говоря, учитывая наличие дубликатов и то, что работали четыре группы, хотя в основном в разных районах и в различные сезоны, 6500 номеров не будут представлять 6500 различных видов. Вместе с другими небольшими коллекциями (часть которых была собрана

бразильскими учеными) общее число номеров достигло поразжающей цифры — 8000.

Дэвид Филкок пишет в своем отчете:

«Из общего количества примерно 8000 номеров собранных растений к настоящему времени около 1000 были критически исследованы и получили названия, причем все эти растения, видимо, неизвестны науке».

Перед началом этой работы мы понимали, что любая коллекция, собранная в этой местности, представляет ценность и интерес для ботаников всего мира. В Мату-Гросу сбор коллекций ранее, конечно, проводился, но территория, охваченная экспедицией, была прежде не затронута ботаниками. Это обстоятельство стало очевидным тогда, когда начались таксономические исследования и определение наименований растений.

«Другой аспект, представляющий еще более значительный интерес, заключается в том, что мы первыми смогли отметить тенденцию к распространению ряда растений в южном направлении, ранее не отмечавшуюся южнее бассейна Амазонки».

Ввиду того что другие научные учреждения Англии хотели иметь образцы, а Бразилия желала, чтобы образцы из английской коллекции остались в стране, ботаники собирали по десять экземпляров каждого «номера». Вследствие этого сбор, нумерация, прессование и сушка десяти экземпляров каждого из 8000 номеров представляли собой значительно более трудоемкую работу, чем можно было бы предполагать вначале. В качестве сравнения укажем, что ботаник в Англии не сможет собрать 8000 номеров, поскольку на Британских островах за все время было собрано всего лишь около 1500 видов.

Получит ли какое-нибудь из этих новых растений Бразилии промышленное значение? Возможно, да, а возможно, и нет, однако список полезных растений, уже пришедших к нам из Нового Света, весьма велик.

Картофель и табак пришли к нам давно, но это только два наименования из очень обширного ассортимента. Он включает ананасы, земляной орех, бразильский орех (они, к сожалению, не росли в окрестностях базового лагеря), орехи кэшью, хинин, кокаин, каучук, томаты, дынное дерево (*tatão*), какао, кассава (маниока), кураре (смесь нескольких растений), арроурут, кукуруза (или маис, представляющий большую загадку, так как не было найдено ни одного дикого вида, сходного с кукурузой), анона, гвяковая смола (используется в медицине), кора жестера, ипекакуана и ваниль. Наоборот, основная культура Бразилии — кофе — прибыла в нее из Аравии, а его родина — Африка.

Большинства ботанических открытий придется подождать до тех времен, когда все эти номера и все виды, содержащиеся в них, не будут должным образом идентифицированы. На это может потребоваться лет десять, а возможно, и еще больше.

«*Eriope crassipes* — растение, нередко встречающееся в саванне Южной и Центральной Бразилии (называемой серрадос). Область его распространения простирается в Боливию и, возможно, Венесуэлу. Это стройное растение с редкими ветвями, длинными и тонкими стеблями, выходящими из толстого, дровянистого, с пальцевидными листьями корневища. Цветы размером шесть — восемь миллиметров от основания венчика до кончика верхней губы имеют четыре тычинки, которые, как и у других представителей *Ocimoideae*, отогнуты к вогнутой нижней губе венчика. Бутоны цветка желто-зеленого цвета имеют перед раскрытием характерный раздутый вид. Раскрытие цветка происходит постепенно, но довольно быстро, позволяя легко наблюдать за ним при нормальном положении тычинок».

«Опылителем служит маленькая пчелка, длиной не более шести миллиметров. Пчелка, несомненно в

поисках нектара, садится на нижнюю губу. Последняя немедленно прогибается назад. При этом тычинки, натяжение которых внезапно прекратилось, распрямляются вверх, отлагая массу пыльцы на нижнюю часть брюшка пчелки. Пыльца ярко-желтого цвета обычно имеется в достаточном количестве, так что ее легко обнаружить на пчеле, даже когда она летит. В большинстве наблюдавшихся случаев внезапное движение губ и тычинок было достаточным, чтобы обеспокоить пчелу, которая зачастую почти сразу же улетала к другому цветку. Немедленно после опыления цветок довольно быстро теряет значительную часть коричневой окраски и становится голубовато-бледно-лиловым.

Во время этой процедуры рыльце кажется невосприимчивым, оставаясь коротким и зачастую спрятанным в длинных тычиночных волосках. Однако выпрямившиеся после высвобождения тычинки начинают отклоняться до тех пор, пока полностью не откроют рыльца. Возможно, что тычинки в этом положении служат посадочной площадкой для прилетающих пчел, что позволяет передавать пыльцу на рыльце. Наконец пыльники окончательно отклоняются, тычинки к этому времени значительно удлиняются, и через несколько часов венчик опадает.

В условиях, преобладающих во время наблюдений, цветы нормально раскрывались между восемью и одиннадцатью часами утра, и их механизм срабатывал довольно быстро после раскрытия. Ни в одном из наблюдавшихся случаев цветок с несработавшим механизмом не оставался в таком положении дольше шестидесяти минут с момента раскрытия, а обычно этот период был значительно короче. Этим объясняется, почему наблюдалось очень мало цветов с несработавшим механизмом».

К сожалению, никто в базовом лагере не имел возможности для глубокого изучения вопроса о том, действительно ли пристрастие к выжиганию местности дает благотворные результаты. Однако Дэвид Филкок полагает, что травянистые растения в этом случае проигрывают в борьбе за существование. У деревьев и кустарников имеется толстая губчатая кора, которая практически огнестойка, поэтому они теряют только вегетативную часть, а травы должны рассчитывать только на свою корневую систему в отношении сохранения всех питательных веществ, необходимых для повторного роста и случаев потери надземной части растения. Поэтому неудивительно, что встречалось очень мало многолетних трав и общее количество собранных видов многолетних трав было крайне невелико по сравнению с коллекциями собранных в умеренном поясе.

Если находиться в центре пожара, движущегося по серрадос, то сначала покажется, что вряд ли что-нибудь выживет в столь яростном шквале пламени. Ковер из листьев и высохших веток позволяет огню ползти по земле, но когда он добирается до пучка сухой травы или другого легкого воспламеняющегося предмета, то разгорается яростнее. Примечательно, что почти сразу же после того, как огонь уйдет, стволы деревьев и земля становятся сравнительно прохладными. Исследования на юге Африки, да и в других районах этого континента показали, что температура в горячей степи поднимается высоко, но сохраняется недолго. Температура почвы у поверхности поднимается в зависимости от ветра и сорта травы от 100 до 850 градусов Цельсия, но уже через несколько минут снижается до температуры окружающей среды. Температура почвы на глубине двух сантиметров возрастает самое большее на четырнадцать градусов, а иногда всего лишь на три-четыре градуса.

Выжигание трав, несомненно, вызывает озабоченность во многих местах земного шара. Вот что, например, писал Дункан М. Портер об этой же проблеме в другом районе Латинской Америки.

«На протяжении столетий сельское хозяйство (в Панаме) зависело от вырубки и выжигания, широко осуществляемых в тропиках. Земледельцы и скотоводы во всем мире используют этот метод, нанося ущерб всей окружающей среде. Деревья и кустарники надрубают, дают им засохнуть и потом сжигают. Образующаяся зола дает удобрение для выращивания хлебных злаков. Такое высвобождение питательных веществ особенно заметно в тропиках, где живая растительность связывает большую часть этих веществ, вследствие чего почва бедная. После сгорания естественной растительности на вновь удобренной земле сеют зерновые. Через несколько лет плодородие почвы опять истощается, и фермер движется дальше в лес, чтобы повторить этот цикл».

«...Пожары не только уничтожают растительный покров, но и наносят неисчислимый вред самой земле. Лиственный слой и гумус уничтожаются, и почвы становятся практически стерильными. Тропические почвы весьма истощены, несмотря на пышные леса, которые могут расти на них».

Географ Эрик Браун, имевший возможность побывать на крупных фазендах, вырубленных в джунглях в непосредственной близости от базового лагеря, был весьма озабочен будущим этой местности. Он говорит: «Научные данные, имеющиеся повсеместно во всем мире в международных агентствах и в программах развития, в данной местности не используются, и это мне кажется трагичным». От нетронутого мира базового лагеря, где ученые соблюдали величайшую осторожность, как в садах Эдема, до огромных фазенд вдоль дороги было так

близко. Эдем превращают в фазенду чуть не за одну ночь.

Глава седьмая Богатый и бедный

Как гласит поговорка, «Бог сотворил мир, а голландцы создали Нидерланды». Действительно, довольно значительная часть этой страны находится сегодня ниже уровня моря. Вся территория Нидерландов составляет всего лишь около 34 000 квадратных километров, а площадь земель, созданных голландцами, около 5000 квадратных километров. Поэтому европейцам трудно представить размеры земельной бананцы, которую Бразилия продолжает осваивать с минимальными усилиями, причем в пределах своих границ. Штат Мату-Гросу занимает площадь около 1 000 000 квадратных километров, а штаты Пара и Амазонас — еще больше. Поэтому каждый из них, по крайней мере, в тридцать раз больше Нидерландов, не говоря уже о землях, отвоеванных ими

с громадными трудностями у моря. Колоссальные размеры внутренней бразильской империи необходимо усвоить, прежде чем удастся ее понять.

Единственная дорога от Шавантины до Сан-Фелиса протяженностью 520 километров открыла территорию, превышающую Нидерланды и даже Великобританию. Ее, пожалуй, лучше бы сравнить с дорогой из Англии на континент через Северное море, которое в результате некоего искусного голландского плана внезапно превратилось бы в сушу. Более того, вышеупомянутая дорога — не первая, построенная бразильцами через девственные места, которая служит для них полезным подъездным путем и открывает километр за километром новые земли. Тем или иным способом бразильцы осваивают новые территории с самого момента возникновения страны. Подобно некоему богатому наследнику, они всегда имели возможность расходовать капитал, если им недостаточно было дохода с него. Только русские и канадцы могут иметь представление о том, что означает владение такими огромными лесными богатствами, но ни Россия, ни Канада не владеют столь щедрым тропическим лесостоем, как Бразилия.

Вследствие этого можно было бы ожидать, что у бразильцев имеется разработанная позитивная политика использования своих ресурсов. Они ведь знают, что землю нельзя эксплуатировать вечно и что ее надо осваивать. Они знают, как и каждый наследник, что капитал иссякнет, но доход с него можно сделать вечным. Их страна нуждается в продуктах питания, особенно для жителей северо-востока, которые находятся на грани голодания, и дополнительная земля может дать им необходимое. Население Бразилии возрастает ежегодно больше чем на три процента, и в необжитых местностях хватит места для всех. Поэтому в стране, располагающей необжитыми землями,

которые позволяют решить столь многие проблемы, можно было бы ожидать наилучших проектов использования этих великолепных даров природы.

На самом же деле ничего подобного нет. Как сказал нам один английский дипломат в Рио-де-Жанейро: «Если вы хотите знать, что происходит в Бразилии, вам следует просто остаться здесь, в Рио». К несчастью, Рио почти совершенно не интересуется правильными или неправильными способами уничтожения леса. Какое это имеет отношение к стоимости квартала жилых домов? Большая часть Рио не имеет ни малейшего представления о том, что происходит в большей части Мату-Гросу, по той простой причине, что большей части Рио это безразлично. Если вам хочется узнать, что происходит на новых землях, то вам единственно, что остается, — это отправиться туда.

Характер вторжения в эту древнюю землю изумит почти каждого. Он, несомненно, поразит русских, которые разрабатывают ресурсы Сибири по плану и очень осторожно. Это также удивило бы любое из ранних правительств Соединенных Штатов, ответственное за равномерное распределение новых земель, когда первоначальные поселенцы располагались на границе, а затем требовали полагающиеся каждому из них по закону 640 акров, или одну квадратную милю (256 гектаров). Голландцы, создавая новую территорию, точно знали, кто будет обрабатывать только что созданные поля, задолго до того, как польдерная земля была осушена. Новая Асуанская плотина, регулирующая ирригационные воды, сделала ценными еще 800 тысяч гектаров пустыни, и каждый новый гектар был четко распределен.

Только одну треть нашей планеты занимает суша, и лишь небольшая доля этой суши (двенадцать процентов) пригодна для культивации. Вследствие

этого на землю существует большой спрос. Лишь часть этой небольшой доли находится в тропиках, где обильный ливень может зачастую сделать многое даже для бедной почвы и где дождь, тепло и действительно плодородная почва могут дать непревзойденную урожайность зерновых. Мату-Гросу находится в тропиках. Здесь идут дожди, по крайней мере, в течение полугода, а почва разнообразная — есть плохая и есть хорошая. Следовательно, вернувшись опять к высказанному предложению, можно было бы ожидать самого осторожного обращения с наиболее ценным богатством, по мере того как все больше и больше его попадает в руки пришельцев и все меньше и меньше остается нетронутым.

Фактически положение дел совершенно иное. На большинстве новых земель в первую очередь встречаются хижины порсейро. Порсейро — это поселенцы, у которых или нет никаких, или есть все права на землю — в зависимости от вашей точки зрения. Они не располагают никакими документами на право владения, и фактически они почти ничем не владеют. Они, вероятно, пришли или из более южной части штата Мату-Гросу, или из Северо-Восточной Бразилии, через штат Гояс, и пришли потому, что их выгнали с чьей-то земли. В такой стране, как Бразилия, для порсейро всегда имеется возможность двигаться дальше, оставляя позади брань одного владельца, и поселяться подальше, там, где присутствие какого-либо другого владельца еще не дало себя почувствовать. Дорога к северу от Шавантины, особенно там, где она проходит через южную часть серрадос, представляла собой подобную территорию. На лошадях, пешком или на грузовике (с лошадьми и пожитками, скучившимися вместе в кузове), это тихое вторжение протекало скрытно и непрерывно. На протяжении каждого долгого путешествия в лагерь и из него дорога казалась почти

той же самой, но каждый раз можно было заметить, что хижин и барачков по обе стороны становится все больше и больше. Каждая из этих построек была совершенно уникальной и в то же время почти идентичной по своей простоте.

Прежде всего, все хижины имели названия. Если есть одна под названием «*Aqua boa*»^[3], то есть еще десятка два того же названия, потому что найти хорошую воду, очевидно, гораздо важнее, чем ломать себе голову в поисках нового названия. Во-вторых, в этих крытых пальмовыми ветвями темных домах всегда находится значительно больше людей, чем может показаться сначала. Когда войдешь в хижину, то постепенно видишь ее обитателей: детей у двери, потом хозяина или хозяйку, предлагающих присесть, затем всех остальных детей в темноте и наконец старика в кровати. Пол хижины земляной, стены земляные, или из вертикальных шестов, или же сплетены из хвороста и обмазаны глиной.

В доме бегают поросята, и, когда они надоедают, их пинками выгоняют из хижины. Куры, утки и индюшки также вышагивают по комнате, поднимая шум, если их выгоняют. Вверху на балках всегда висит календарь, а также кое-какая сбруя из сухой твердой кожи, которая на ощупь кажется деревянной. Здесь же находятся топоры и лопаты и мелкий самодельный инвентарь. Кажется, у каждого есть терка для сыра, сделанная из куска консервной банки с дырками, пробитыми гвоздем, но я не видел ни одну из них в употреблении или без нетронутого слоя ржавчины на ней. Каким бы бедным ни был дом, в нем всегда имелся кофе. Кофейные бобы пока что не растут на севере Мату-Гросу, и поэтому их надо покупать. Способ приобретения кофе всегда служил темой для обсуждения.

— Вы продаете что-нибудь?

- Нет.
- У вас есть деньги?
- Нет.
- Как вы приобрели кофе?
- Мы его купили.

Тем не менее, каким бы бесплодным ни был разговор, кофе в чашечках из толстого фарфора представлял идеальное освежающее средство. Кофе всегда варили на очаге, слепленном из глины, с углублением наверху для дров. На это огнедышащее углубление клали чугунную плиту с отверстиями и съемными кругами. Высокий эмалированный кофейник зеленого или коричневого цвета стоял на горячей плите, из него разливали в чашки сладкий кофе. За все пожитки в этих хижинах никто бы не дал почти ни гроша, но с удовольствием заплатил бы солидную сумму за возможность непрерывно получать эту густую темную жидкость, особенно когда воздух раскален и в комнате нечем дышать.

Встречались в хижинах и больные дети, с распухшим туловищем и тонкими ногами, ползавшие бесцельно по полу, с устремленным в пространство отсутствующим взглядом.

Во дворе животных было больше, чем в хижинах: в тени лежали свиньи, а куры находили здесь без труда корм. Тут же были разные обезьянки, попугаи, в пышном оперении или ощипанные догола, с большими кусками пупырчатой кожи. В небольших деревянных сараях спали ночью куры. Иногда на слабом огне очага в плоских мисках пузырилось какое-то неприятно пахнущее варево, что-то вроде супа. Не обращая внимания на запахи и жару, под деревом стоят лошади, поза которых выражает безмерную усталость. (Есть знаменитая фотография Фосетта, сделанная в местечке под названием Лагерь Мертвой Лошади, где его живые

кони свесили головы таким же скорбным образом, как эти.)

Из зерновых культур в этих местах растет маниока, с ее нежным рисунком листьев. Разводят и сахарный тростник, а также бананы, широкие листья которых так легко обрывает ветер. Каким бы неопределенным ни был набор культур, обычно растущих среди вырубленного леса, хозяева этих посевов называли их *гоҫа*, что означает «вырубка, которая может стать плантацией».

Мэри Мэсон, географ из университетского колледжа в Лондоне, решила написать диссертацию о строительстве этой дороги. С большим блокнотом в руках она шагала через двор, находила главу дома, извинялась за вторжение и начинала задавать вопросы с усердием сборщика налогов: «Это ваша жена? Все эти дети ваши? Сколько вы производите в год для продажи? Где вы достаете денег на покупку этого замечательного кофе (этот вопрос всегда был обречен на неудачу)?»

Никто ее ни разу не выгнал. Фактически они никогда даже не возражали, не колебались и не боялись обнародования их средств к существованию. Они отвечали ей без колебаний даже и в том случае, когда принимали ее (как признавались впоследствии) за представителя законного владельца земли. В большей части Мату-Гросу сохраняется традиционный статус женщины, поэтому местные жители были изумлены вдвойне, когда расспросы вела женщина, но отвечали ей покорно, и ее записная книжка пухла от записей.

Теоретически две полосы по обе стороны новой дороги безопасны для поселенцев — людей, которые хотят что-то здесь сделать, но не в состоянии внести наличные деньги, поскольку эти полосы представляют федеральную собственность, предназначенную для дальнейшего расширения дороги. Но *гоҫа* поселенца

обычно простирается далеко в глубь от дороги, где он не имеет никаких прав. Правда, здесь имеются все грани взаимоотношений — от владения землей до выдворения с нее. Владелец, когда он узнает, каким именно участком земли владеет, может быть счастлив, найдя на ней под рукой каких-то людей. Он может, например, использовать их для прокладки пикады вокруг своего вновь обретенного владения. Или же он может возвести их в ранг *moradores* — охранников, которые следят за тем, чтобы с землей не случилось ничего плохого, до тех пор пока владелец не соберется с мыслями о том, как ее использовать. Если этого не случится, то поселенец может даже стать издольщиком (то есть уже более не *porceiro*, а *parceiro*), оставляя себе пятьдесят процентов урожая, а в некоторых случаях и до девяноста процентов. Еще лучше — как в случае Жералдау, дом которого стал удобной остановкой для членов нашей экспедиции, — если ему дадут участок земли в обмен на какие-нибудь услуги.

Владельцу «участка» площадью две-три тысячи квадратных километров неплохо располагать «краеугольными камнями» из нескольких человек, считающих себя навечно у него в долгу за подарок в виде сотни гектаров. За подобную плату редко удастся купить таких хороших соседей где-нибудь в другом месте. Тем не менее во всех аналогичных случаях вмешательство со стороны высоких властей здесь практически ничтожное. Частное предпринимательство и решительный нажим в соответствующих местах, вкупе с могуществом денег, дают значительно больший эффект, чем любой разумный и тщательно разработанный декрет. Возможно также, что правительство считает желательным, чтобы сильный процветал и становился тем самым еще сильнее. И все же порсейро могут запросто приехать сюда, выстроить без особых усилий небольшой дом, пустить стадо

пастись в соседней дикой местности, а потом, если потребуются деньги, продать одну-другую корову. Со стороны может показаться, что здесь условия для существования довольно тяжкие, поскольку яйца едят, если есть куры, несущие их, и все члены семьи полнеют или худеют в зависимости от урожая в году. Жизнь эта отчаянная из-за отсутствия уверенности и надежды, но батраки в брошенном поместье живут еще хуже. У них безнадежность совершенно иного порядка.

Примерно в пятидесяти километрах на север от Шавантины есть ответвление от дороги, идущее на восток. Там даже стоит указательный столб, но без указателя. Дорога эта ужасная, и она стала еще хуже, потому что по ней незадолго до нас прошел скот из близлежащей фазенды. Такие стада оставляют после себя облако слепней, чудовищных кровопийц, от укуса которых подпрыгивают даже толстокожие коровы. В конце этого гнетущего пути, на расстоянии примерно сорока километров от главной дороги, одиноко стоит кучка домов.

Мы предполагали переночевать в этом месте. Фазенды часто подвергались подобному нашествию с нашей стороны, в случае если поздний час и наше желание сделать остановку счастливо совпадали. Теплые ночи и возможность подвесить к деревьям несколько гамаков делали подобное вторжение крайне нетребовательным. Оно означало всего лишь то, что какой-нибудь вставший рано вакейро, шагая в полудремоте по хорошо изученной тропинке, неожиданно натолкнется на какую-то фигуру, растянувшуюся во всю длину между курятником и дынным деревом. Уютный кокон гамака в подобном случае привлекал к себе наибольшее внимание. Его обитатель просыпается с сознанием этого обстоятельства, и день начинается внезапно. С такой же быстротой, стоит только развязать пару узлов,

можно покончить с ночлегом, и ни один фазендейро, морадор или порсейро никогда не жаловались на такую временную ночевку. Они всегда были крайне приветливы к нам, и поэтому мы твердо намеревались, добравшись до этого отдаленного местечка в конце сорокакилометрового тупика, повесить где-нибудь гамаки и улечься в них. Но прошло всего минут двадцать, как мы изменили свои намерения.

В тропиках вызывает удивление, как мало здесь мух. Поэтому мы не поверили своим глазам, когда увидели в первом же доме рои мух. Пища на столе была покрыта мухами. Дети тоже были облеплены мухами. Мухи тут же набросились и на нас, и мы начали ожесточенно отмахиваться от них, к чему они, видимо, не привыкли. Собаки здесь были совершенно дикие.

В Бразилии опасно проявлять европейскую привязанность к собакам, поскольку никогда не знаешь, что случится с рукой, намеревавшейся коснуться собаки или погладить ее. Собаки были покрыты гнойными язвами, они тяжело дышали и с трудом поднимали веки, не говоря уже об ушах. Куры тоже казались более нахохленными, чем обычно, но наибольшее беспокойство вызывало, несомненно, отчаянное состояние людей, о чем свидетельствовало обилие назойливых мух и больные животные.

Владелец основал эту фазенду с большими надеждами и достаточным капиталом. На его деньги проложили дорогу, выстроили дома и расчистили часть земли. Он привез сюда скот и намеревался привезти еще. Он поместил здесь людей для присмотра за поместьем. Но потом он сам или стоящие за ним люди потеряли ко всему, что сделали, интерес. Подобный поворот событий привел к медленному затягиванию петли на шее людей, живущих здесь. Жалованье они больше не получали. Никаких событий больше не происходило, и владелец так и не появился, чтобы

проверить положение дел на месте. На фазенде все еще находился скот, и некоторые посеянные злаки нужно было убирать, но они представляли собой собственность соответствующего фазендейро. Батрак, который уже находился в большом долгу у местного лавочника и, вероятно, в долгу у своих родственников (если они могли ему чем-нибудь помочь), способен потерять присутствие духа и не пожелает больше ничего брать у землевладельца, как бы справедливы ни были его действия. Эти люди ничего не брали, они выжидали. Они не обладали присущей поселенцу наглостью, который с самого начала знает, что у него нет никаких прав, и поэтому загоняет свой скот пастись на соседнюю землю с такой же непринужденностью, с какой берет воду из родника. Батраку не присуще подобное чувство независимости. В отсутствие своего хозяина он просто опускается, становясь сначала должником, а потом человеком, который больше не может раздобыть денег. Мухи летали и садились на пищу, на детей. Мы не могли остаться ночевать и отправились в другое место.

Гораздо позднее, в качестве контраста, нам довелось провести две ночи на вырубке, известной как фазенда доктора Паулу. Она находилась у той же дороги и была заложена примерно в то же самое время, как и усеянная мухами заброшенная фазенда, но в них не было ничего похожего. Прежде всего, здесь был действующий концерн, а не бесплодное предприятие. Фазенда доктора Паулу находилась, кроме того, глубже в зоне лесов, а общее мнение не без основания считает, что там, где был лес, можно создать гораздо лучшее ранчо, чем там, где был кустарник или серрадос. Несомненно, свести лес гораздо дороже, поскольку скот может пастись в серрадос с самого первого дня, но полагают, что кусок лесной земли стоит затраченного труда. Когда правительство распродало земли в

северной части штата Мату-Гросу, которыми благодушно управляет префектура Барру-ду-Гарсас, тогда не существовало даже аэрофотосъемки этой территории. Перрейра мог знать, что он купил участок 354 и что его размеры 50 x 60 километров, но, когда вписывали его имя в этом прямоугольнике, он совершенно не представлял, что это за территория — лес, серрадос или кампас, равно как не знал, какая там земля и протекает ли через нее река. Он мог быть уверен только в одном — что заплатил за это дикое место примерно 8000 фунтов стерлингов. Он может даже ничем не поинтересоваться и продать участок кому-то за более высокую цену, и новый владелец будет в таком же неведении относительно важнейших характеристик купленного им земельного участка. Может произойти еще не одна перепродажа, и цена участка будет все время возрастать по мере распространения на богатых восточных пляжах слухов о том, что правительство планирует проведение дороги через эту потенциально ценную территорию.

Когда начались дорожные работы, все это предприятие приняло менее теоретический вид, и стало важным узнать, пройдет ли новая дорога вблизи участка 354 или даже через него. Могла даже возникнуть необходимость попытаться изменить намеченную трассу дороги, если казалось, что она слишком далеко обходит чью-либо собственность. (Рабочие, которые прорубали передовые пикады для дороги, рассказывали, что иногда им неожиданно приказывали возвращаться назад километров на пятьдесят и начинать прорубать новую пикаду в ином направлении. Говорили, что причина здесь была не техническая, ее называли «политика».) Во всяком случае, с точки зрения каждого владельца участка, дорога прошла или удобно, или неудобно для него. К этому времени владелец мог или продать свой участок

человеку, который действительно желал пользоваться им, или сам приняться за его освоение. Кусок бумаги — документ о праве собственности — неожиданно превращался в осязаемую и достижимую реальность.

Доктор Паулу, юрист по образованию, уже выстроил себе поместье в штате Сан-Паулу. Он называл его *cidade*^[4], но на самом деле поместье это было побольше какого-нибудь городка, поскольку там находились дома для рабочих и было много работы для них. Теперь Паулу намеревался сделать то же самое, но в гораздо более крупном масштабе в Мату-Гросу, причем начав на голом месте. С этой целью он нашел банк и родственников, которые поддержали его. Деньги, таким образом, были обеспечены. Он также отправил старую английскую паровую машину, изготовленную фирмой «Маршал энд санз», на свое новое ранчо. Машина могла работать на древесных опилках. Этим был обеспечен источник энергии. Затем доктор Паулу взял с собой нескольких ведущих работников, в том числе одного итало-бразильца, родители которого эмигрировали из бедной деревушки к югу от Неаполя, когда мальчику было шесть лет. Этот человек исполнял обязанности управляющего и с помощью мощного радиопередатчика дважды в день поддерживал связь с Сан-Паулу. Других работников доктор Паулу решил найти в близлежащей местности и затем перевезти их в новое поместье. Вначале требовалось человек пятьдесят, а впоследствии — около сотни. Для того чтобы справиться с лесным массивом размерами с графство Йоркшир или Гавайские острова, а затем устроить на его месте ранчо, много рабочих не нужно. Эта работа может даже не отнимать у владельца все его время, как бы ни был он заинтересован в осуществлении проекта.

Раз в месяц доктор Паулу прилетал на свою фазенду. Посадочная площадка, расположенная параллельно дороге в нескольких метрах от нее, была первоочередным сооружением. Затем необходимо было вырубить значительный участок леса. Представьте себе, что, когда вы выходите из самолета, перед вами стоит стена леса, а в голове у вас кишат мысли о строительстве домов для рабочих, пищевого блока, гаража для тракторов, лесопилки с паровым двигателем, дома управляющего, своего дома, бассейна, складских помещений. Первое, за что вы беретесь, — это топор. Или, вернее, вы оборачиваетесь к грузовику, заполненному прибывшими с вами рабочими, которых вы завербовали за плату пятнадцать фунтов стерлингов в месяц, из которых будете вычитать шесть фунтов за питание и жилье, и приказываете им взяться за топоры.

Позднее, в сухой август, вы отдаете им приказ поднести спичку ко всему срубленному. Это очень опасное дело, и каждый должен быть уведомлен, что наступило время поджога. Верхушки деревьев, гнилые и загнивающие ветви, сваленные на землю, превращаются за месяцы сухого сезона в трут, и крайне необходимо, чтобы все это не загорелось раньше времени. Рабочие обычно поступают небрежно с такой ненужной вещью, как окурки сигареты. Но они ведут себя совсем по-иному, когда находятся среди срубленного леса. Здесь никто не бросит сигарету на землю, чтобы затоптать ее. Вместо этого он находит мох на влажной части ствола дерева и с величайшей осторожностью гасит сигарету об него.

Короче говоря, пустить «красного петуха» легко. Европейцы, которые подолгу пыхтят, раздувая огонь в тщательно уложенном хворосте, позавидуют способности бразильцев успешно поджечь спичкой практически что угодно. Пламя спички внезапно

превращается в быстро растущую и еле видную зону тепла, по мере того как кустарник быстро сгорает, и вскоре уже целые деревья стоят объятые пламенем, и пожар распространяется с невероятным ревом. Человек со спичкой отступает в стоячий лес, потому что огонь не может вторгнуться в его пределы с такой же жадностью. Огонь может перекинуться на некоторые кроны деревьев, если они достаточно сухие, и даже просочиться недалеко по нижнему ярусу леса, но без того устрашающего энтузиазма, с которым пожар пожирает накопившиеся отходы деятельности лесорубов.

Люди, наблюдавшие первый атомный взрыв в Аламогордо, испытывали ужас при общей для всех них гнетущей мысли, что этот процесс будет распространяться бесконечно, пожирая все и вся. Столь же ужасно и зрелище полыхающего леса на территории нескольких квадратных километров, когда пламя распространяется все шире и шире. Языки огня взлетают все выше и все быстрее, а стена стоячего леса, сопротивляющегося уничтожению, все сильнее скрывается за этим пеклом. Кажется, что лес исчез вместе со всем остальным и взлетел вверх в потемневшую синеву неба. В конечном счете, как это было в той запретной зоне штата Нью-Мексико, пожар достигает максимума. Затем он начинает терять свое могущество, съеживается и замирает. В лесах штата Мату-Гросу для этого нужно время. Огромное пекло распадается на отдельные пожары меньших размеров, из которых каждый затухает по-своему, а затем — на серию столбов дыма, частично медленных и белых, частично все еще быстрых и едва заметных. К удивлению, в этом побоище выживают целые стволы, разбросанные по земле во всех направлениях. Огонь находится вокруг них, под ними, даже внутри некоторых из них, но они продолжают лежать как

наглядное и упрямое напоминание об исчезнувшем лесе.

Доктор Паулу и его люди начинают снова продвигаться вперед, чтобы расчистить главную территорию. С помощью тракторов они выкорчевывают пни, строят хижины. Они спешат, потому что приближается сезон дождей. Они разравнивают бульдозерами дороги, сажают немного маниоки для себя и намечают на следующий год дальнейшее разрушение.

Тем временем почерневшая земля вновь возвращается к жизни. Столь огромное количество питательных веществ, ранее связанное в деревьях, высвободилось после пожара, что земля стала очень плодородной. Кроме того, здесь всегда в изобилии влага, поскольку между ноябрем и апрелем выпадает более 1250 миллиметров осадков, а воздух всегда теплый. К следующему сухому сезону, когда была нанята еще одна группа лесорубов, темные стволы, валявшиеся повсюду, скрылись в зеленой поросли. В течение сухого сезона поросль высохнет и станет отличным материалом для нового пожара на том же участке земли. Языки пламени еще раз взвьются в небо, пожар будет распространяться и замирать, а черные стволы деревьев после пожара по-прежнему останутся стоять, только менее уверенно, чем раньше.

На третий сезон, когда зеленая поросль снова высохнет на солнце, а стволы деревьев стаскают в кучи, третий пожар почти полностью завершит дело. После него останутся пни, отдельные высокие черные стволы, а также останки стоящих деревьев, еще не полностью погибших, но первичные операции на этом закончатся. Место будет походить на Пасхендале (местечко во Франции, где в 1917 году проходили ожесточенные бои. — *Прим. пер.*), но для доктора Паулу и для других это теперь будет *derrubado*, или «расчищенная земля».

Для доктора Паулу она станет примерно в двести раз дороже, чем раньше, когда он, его родственники и банк купили этот придорожный кусок леса.

По мере того как фазенда доктора Паулу начала, подобно фениксу, возникать из пепелища, пришло время запускать паровую машину. Машина относилась к типу, используемому обычно в качестве двигателя для паровых катков, только у нее не было колес. Она ласково мурлыкала с ритмичным стуком, свойственным этим замечательным машинам. От ее ведущего вала шел один хлопающий ремень, заставлявший вращаться другие бесчисленные валы и ремни, и все эти источники энергии приводили в действие ленточные пилы, вертикальные пилы, точильные камни и водяные насосы. Вода была нужна для паровой машины, стоявшей теперь с тридцатиметровой трубой. Точила нужны были для точки пил. Пилы давали доски и опилки. Доски использовались при монтаже этой эффективной установки, а опилки и обрезки досок обеспечивали то единственное топливо, на котором работала паровая машина. Это была самая превосходная система, по-видимому опровергавшая строгие положения закона о сохранении энергии, поскольку она потребляла меньше опилок, чем производила, и распиливала гораздо больше досок, чем требовалось для ее монтажа. Еще важнее — по крайней мере, для тех членов нашей экспедиции, которые были свидетелями непригодности хитроумных механизмов в девственных местах, — была простота этой установки. Машина представляла простой, проверенный и испытанный двигатель. Ремни можно было без труда заменить, перекинуть или удлинить. Деревянную раму можно было легко переделать, стоило прибавить к ней одни доски и отпилить другие. Всем занимавшимся планированием производства земляных орехов в Танганьике удалось бы многому научиться, понаблюдав

за этой машиной и убедившись в том, что можно сделать с небольшим количеством людей, еще меньшим количеством простейших орудий и одним элементарным источником энергии, попыхивающим у своей тридцати метровой дымовой трубы.

Через три года после приезда доктора Паулу на свою фазенду, когда он впервые вышел из грузовика и приказал лесорубам приступить к работе, его фазенда преобразилась. На руинах ежегодных пожарищ он посеял высокую траву, растущую пучками. Эта трава подавляет остальную растительность, а также служит кормом для скота — зебу, которых привозят сюда сразу же, как только для них появляется достаточно корма. Они спотыкаются о пни и пробираются через полусгнившие громадные деревья, но высокая жесткая трава им по вкусу, и они с удовольствием поедают ее.

Другие участки бывшего леса, недостаточно подготовленные для травы и скота, к тому времени уже претерпели одно или два выжигания. Последний контингент лесорубов, нанятых опять только на четыре самых сухих месяца, с мая по август, получил задание уничтожить еще один сектор и был занят теперь его порубкой. Каждый вечер мужчины, выполнявшие эту работу, окунались в черноту пруда, образовавшегося из небольшого ручья. Они намыливали кожу — темно-коричневую или светло-коричневую — в тот превосходный час бразильского дня, когда солнце собирается коснуться верхушек деревьев, и все приобретает более яркие и веселые краски, становясь намного привлекательнее, чем в любой иной момент после восхода. Тени становятся длинными, а густо-коричневый цвет земли приобретает теплоту и аромат, пленяющие каждого. Но этот момент мимолетен: долгая чернота тропической ночи быстро сменяет его.

Люди получают за свою работу пять новых крузейро в день, из которых у них сразу же забирают два новых

крузейро в счет платы за питание и ночлег; таким образом, им остается три новых крузейро. По местным ценам, они на эти деньги могут купить немногим более одной бутылки пива или пачки сигарет. В городах, которые находятся на расстоянии более двухсот пятидесяти километров в любую сторону по дороге, пиво стоит дешевле, а сигареты почти столько же. Чтобы заработать эту скромную сумму, они трудятся не разгибаясь. Когда они рубят лес, на каждом из них сидит штук по четыреста *sweat bees*, или же их рубашки черны от других насекомых и пропитаны потом с семи утра до шести вечера. Они рубят топором с большой точностью и силой. С мастерством, присущим всем лесорубам, они могут также свалить дерево точно в нужную сторону. Когда прогудит гудок, лесорубы зашагают обратно вдоль стволов деревьев, поваленных ими, перепрыгивая с одного на другое, двигаясь выше веток, нарубленных со всех сторон.

Если человек заболит или с ним произойдет какой-нибудь производственный несчастный случай, ему немедленно прекращают выплату заработной платы. Группа участников экспедиции встретила ковыляющего мужчину. Несчастный случай произошел шесть недель назад, и с тех пор он живет в кредит. Нога заживает, и вскоре пострадавший вернется на работу, но ни он, ни его товарищи не выражали ни злости, ни горечи по поводу того, что ему прекратили платить.

Поскольку на сотни километров вокруг фазенды не было ни одного врача, доктор Паулу быстро понял ценность современного лагеря, появившегося неподалеку по дороге, щедро обеспеченного медикаментами и имеющего врачей. Часто больные приходили с других фазенд, находившихся сравнительно недалеко от английского лагеря. Бразильский медицинский персонал или имеет очень большую нагрузку в крупных населенных пунктах, или

же не горит желанием работать в отдаленной местности. Во всяком случае, редко встретишь врача в отдаленной местности, где основное бедствие представляют болезни и где огромные расстояния могут превратить незначительное заболевание в бедствие.

Хотя доктор Паулу и находится большей частью в Сан-Паулу и никогда не проводит на фазенде больше десяти дней, он своей персоной подчеркнул насущную важность здоровья, поскольку заболел лейшманиозом. У него появилась гноящаяся язва на лбу, диаметром около сантиметра. К счастью, врач в Сан-Паулу правильно поставил диагноз и сделал ему серию уколов, благодаря чему он вылечился. Рабочие доктора Паулу были менее удачливы в этом отношении. Некоторые из них приходили в английский лагерь, чтобы пройти тот же самый курс лечения инъекциями, но остальные, вероятно, лечились сами или же ничего не предпринимали и поэтому должны были перенести вторую стадию лейшманиоза, когда он, подобно проказе, начинает разъедать ткани и кость. Хорошее здоровье и хорошая удача составляют две насущные необходимости. Рабочий, находящийся уже в долгах, получающий небольшую зарплату, не способный оплатить дорогу до ближайшего врача и еще более не способный оплатить медицинскую помощь, находится под угрозой того, что любое заболевание приведет к смертельному исходу.

Конечно, для того чтобы создать фазенду, нужно изрядное количество денег, по крайней мере, судя по карманам большинства лиц, принимающих в этом участие. С другой стороны, если сравнить с крупномасштабными проектами, осуществляемыми во многих других частях света, стоимость подобного предприятия оказывается весьма умеренной. Рабочая сила численностью около ста человек обходится,

включая питание, около ста пятидесяти новых крузейро на человека в месяц. Дома все сооружаются на месте, частично с помощью единственной паровой машины и частично топорами и молотками. Парк машин состоит из двух тракторов, одного пикапа «шевроле», бульдозера и нескольких джипов. Для освещения есть небольшой генератор, и сюда приходится доставлять лишь немногие товары.

За такую сумму доктор Паулу и его коллеги по финансированию преобразовали значительную часть своего поместья площадью 120 000 гектаров в ценное капиталовложение. К концу третьего года здесь среди пней паслось 1500 голов скота, 2000 гектаров было расчищено, сооружена посадочная площадка и многие общественные постройки уже были в надлежащем виде. Стоимость расчищенной земли выросла не менее чем в двести раз по сравнению с ее первоначальной ничтожной ценой.

Доктор Паулу, фактически, не похож на богача в обычном представлении. Начнем с того, что на лбу у него шрам от лейшманиоза, и вообще его лицо свидетельствует о сурово прожитых годах. Ему около пятидесяти лет. За исключением того, что он белый (это обстоятельство сразу же выделяет его среди темнокожих рабочих), он ничем больше не отличается от наемных рабочих. Когда Паулу, его управляющий и мастер вместе копаются во внутренностях какой-нибудь машины, вся иерархия нарушается. Его внешность полярно противоположна виду щеголевато одетого пилота в темных очках, который каждый месяц доставляет его сюда из Сан-Паулу. Доктор Паулу не горожанин, который хочет выглядеть похожим на обитателя лесной глуши. Он гораздо больше похож на сельского жителя, который в городе совершенно не на месте.

Тем не менее, если не говорить о внешнем виде, доктор Паулу — денежный человек, пользующийся финансовой поддержкой банка. Он заставит поместье окупить себя и освоит участок леса на дороге Шавантина — Сан-Фелис, начиная от пункта в 305 километрах к северу от Шавантины и кончая пунктом в 345 километрах к северу от нее, простирающийся на запад, в глубь от дороги, на тридцать километров. В данный момент на пожарище бродят 1500 голов скота. Он уже знает, где будут расположены отель и заправочная станция, главная улица и постоянные строения. Это будет второй *cidade*, созданный его трудами при помощи паровой машины. Это будет фазенда доктора Паулу, стоимость которой составит миллионы в любой валюте.

Не все фазенды получают артериальное питание от главной дороги, проходящей в непосредственной близости от них. Некоторым приходится довольствоваться ответвлениями от нее, которые приходится прокладывать им самим. Если говорят о прокладке дороги длиной около восьмидесяти километров и с несколькими мостами, это может показаться большой работой. Однако в глазах людей, которым предстоит вырубить сотни и сотни квадратных километров леса, сооружение небольшого ответвления не считается серьезным делом.

Через лес могут быть проложены в основном дороги двух видов. (Прокладка дороги через серрадос — сравнительно простое дело.) Первая из них представляет собой узкую полоску, шириной не более десяти метров, которая петляет между большими деревьями. Кроны деревьев простираются над ней, быстрое движение по ней невозможно, и при сооружении километра такой дороги уничтожается лишь около одного гектара леса. Для людей, вырубаящих тысячи гектаров, такая плата за

обеспечение доступа вполне приемлема. Стоимость работ возрастет ненамного, если дорога будет шириной метров тридцать пять, с ровной центральной частью и большим пространством по обе стороны для свалки всех отходов. Эти тридцать пять метров, умноженные на восемьдесят километров, составят каких-нибудь 300-350 гектаров — тоже небольшая плата за обеспечение доступа к тысячам гектаров леса.

Внезапность, с которой дорогу стали вести на север от Шавантины после столь долгих раздумий, и внезапность, с которой потом работы на ней были прекращены, означают, что планы многих людей часто лопались с аналогичной внезапностью. В 1967 году дорога быстро продвигалась на север, и можно было полагать, что она повернет на запад и вскоре подойдет к Кашоейра-мартинс^[5]. В ожидании дороги началась закладка многих фазенд, но потом эти фазенды оказались в затруднительном положении, поскольку они опередили события. Предполагалось, что дорога должна пересечь реку Шингу или у удобных водопадов Мартинс, где имеется скалистое основание, пригодное для строительства любого моста, или же на Кашоейра-дас-Педрас, аналогичном месте, находящемся лишь в десяти километрах вниз по течению. На обоих этих водопадах имеются подходящие возвышения, особенно на западном берегу, которые были бы нужны для мостостроителей. Другими словами, дорога должна была пройти через район весьма скоро, на что стал рассчитывать владелец упомянутого участка земли.

К несчастью, этот владелец слишком namного опередил события. Он собрал бригаду из тридцати шести человек и переправил их в этот район. Уже одно это представляло нелегкую задачу. Большинство рабочих отправилось по Риу-Сете-де-Сетембро из Гарапу. В сезон дождей они шли под парусами вниз по

течению, затем плыли по реке Кулуэне и наконец по реке Шингу. Первый этап этого путешествия невозможен в более сухие месяцы, а второй этап невозможен без разрешения братьев Вилас-Боас, потому что река проходит через территорию индейской резервации. Во всяком случае, такое путешествие было очень длительным. Водопады не только отмечали северную границу юрисдикции парка, но также и место, где прибывшие должны были выйти на берег, выгрузить из лодок поклажу, вручную перевести лодки через пороги, а затем вновь погрузить все в лодки для последнего этапа путешествия. Лишь через десять километров они прибыли к месту назначения. В тот же вечер они подвесили свои гамаки почти у самых лодок, а ночью подстрелили первого ягуара. Утром они стали прорубать дорогу в глубь леса. Первый километр трассы дороги был частично затоплен. Прибрежный район был, очевидно, непригоден для размещения посадочной площадки и всех остальных первоочередных сооружений фазенды. Но вскоре земля стала суше. Здесь рабочие начали рубить и жечь деревья, корчевать пни и разравнивать землю на семисотпятидесятиметровой посадочной площадке, а также сооружать себе жилища из подручного материала. Одна хижина была покрыта ветвями пальмы Бурити в обычной манере. Для других использовались листья, похожие на банановые, широкие и хрупкие, которые было легче добыть, но крыша из них была более водопроницаемой.

Через несколько месяцев прибыло еще сорок два человека, опять по реке, которым также предстояло валить деревья, чтобы запалить огромный пожар. Оба контингента людей спали главным образом в лесу, предпочитая любой хижине крайнюю простоту примитивного лагеря у речушки, впадающей в реку Шингу. Днем они предпринимали новое наступление на

участок леса, простиравшийся на сорок километров с севера на юг и на шестьдесят с лишним — с востока на запад. Он стал называться Фазенда-Кашоейра-Мартинс с того момента, как первая группа начала прокладывать путь в этот девственный лес.

Никто не знает, какая из сторон первой осознала, что строительство дороги прекратилось: владельцы новой фазенды, живущие в Сан-Паулу, или нанятые ими люди. Во всяком случае, внезапно отпала всякая необходимость в срочном уничтожении леса. Конечный пункт дороги еще находился на расстоянии 320 километров от водопадов. Нечего было и говорить о доставке скота на фазенду или с нее, и никто не знал, когда строительство дороги возобновится. Короче говоря, теперь в создании фазенды не было никакой необходимости — не больше, чем в какое-либо другое время с момента колонизации Бразилии.

Однако не было никакого основания пускать на ветер всю проделанную работу. Тропический лес быстро залечивает раны и быстро уничтожает любой ущерб, нанесенный его владычеству. Пустить все на самотек, ничего не делая, — значит привести к тому, что, когда дорога дойдет до этого района, вновь встанет проблема приведения в порядок посадочной площадки и нескольких квадратных километров земли вокруг нее, что потребует такого же количества людей. Поэтому нужно было, чтобы какая-то группа людей осталась поддерживать порядок. Они должны были вырубать и сжигать столько, сколько необходимо, чтобы не подпускать лес и держать его в повиновении. Они должны были также постоянно расчищать посадочную площадку, чтобы при посадке самолета не произошло аварии. Они должны были еще и охранять эту местность от захвата. Последнее было маловероятным, но все же об этом следовало позаботиться.

Поэтому большинство рабочих уехало обратно, а здесь осталась группа в пятнадцать человек: управляющий и его жена, мастер с женой и двумя детьми и девять рабочих. К тому времени у них было также два попугая макао, три собаки, три кошки и черная обезьянка с цепким хвостом, которая сидела на балках и испражнялась на каждого-проходившего под ней. Мы прилетели из базового лагеря втроем на самолете в это заброшенное место примерно через год после того, как здесь осталась только эта группа.

Утром мы вылетели с фазенды доктора Паулу и полетели на запад, с некоторым отклонением к северу. С 8 часов 50 минут до 10 часов 20 минут пейзаж внизу по обеим сторонам и прямо перед нами представлял все тот же безбрежный лес. Пока мы летели, я прочел великолепное «Руководство, как выжить при аварии» с инструкциями о съедобных пальмах, о том, сколько воды можно найти у растений семейства бромелиевых, каких птиц можно поймать и каким образом. В нем было лишь одно громадное упущение: не давалось никаких инструкций о том, как осуществить посадку на этот неровный ковер, расстилающийся под нами. Самолет будет моментально поглощен лесом, как зыбучими песками, независимо от того, выживут ли его пассажиры или нет. Даже если предположить, что они выживут, им нелегко будет дать знать о себе любым воздушным спасателям. Если они зажгут костер, это будет бесплодной попыткой конкурировать со столбами дыма, поднимающимися высоко вверх во всех уголках горизонта от бесчисленных пожаров, которые полыхают в Бразилии почти непрерывно.

Они могут попытаться расширить тот незначительный просвет, который сделал самолет при финальном падении через деревья, но им будет трудно соперничать со всем тем хаосом, который создается при естественном падении больших деревьев, валящих за

собой многие другие. Поэтому следует подчеркнуть, что научиться, как выбраться отсюда без помощи извне, не менее важно, чем узнавать, что есть и пить в этой местности. Шансы на помощь с чьей-то стороны здесь весьма незначительны, и рассчитывать в этих местах можно только на себя. Так было всегда, и так останется до тех пор, пока не перестанут существовать подобные чащобы.

После девяноста минут полета перед нами появилась река Шингу. Мы были поражены. В отличие от извивающейся нити Суя-Мису, с ее небольшими отмелями и озерами, эта река была гораздо величественнее. Ее отмели были огромными, а излучины — гигантскими. Ее вода имела все оттенки зеленого цвета от коричневатого-зеленого на отмелях до черноватого-зеленого в глубоких местах. Солнце отражалось от ее поверхности со слепящим переливающимся блеском. Мы, находившиеся сверху, были зачарованы этой рекой, поскольку теперь нас успокоила присущая ей безопасность, а также наличие «Руководства» под сиденьем. Впереди появилась деревня племени кажаби. Мы снижались кругами, наблюдая, как тень самолета скользит по деревьям, пока она вдруг не перескочила на кольцо хижин и в заключение промчалась над сверкающей могучей рекой. Индейцы махали нам луками и показывали на посадочную площадку поблизости от них. Какая мешанина технологий! Индейцы используют лук и стрелы для добычи пропитания и в то же время имеют посадочную площадку для самолетов. Они живут в простейших хижинах, покрытых ветвями пальм, а об остальном мире знают только по его самолетам, которые возникают как жужжащая точка на горизонте, превращающаяся затем в рокочущую машину, которая может сесть на землю около них. Они, вероятно, испытывали нужду в фонариках, патронах и

рыболовных крючках и приветствовали самолет потому, что эти предметы доставляли им по воздуху. Однако они не проявляли подлинной заинтересованности во внешнем мире и в тех, кто изготавливает эти необходимые им предметы. Деревня была самой северной в парке Вилас-Боасов, поэтому-то у них была посадочная площадка, и они знали самолеты и приветствовали их.

Мы полетели дальше, не сбросив подарки, поскольку они были предназначены для фазенды. Очень скоро мы подлетели к водопадам Мартинс, черно-белому барьеру на гладкой зелени вод реки Шингу. На водопадах не было ни души, как и не было никаких признаков того, что когда-нибудь человек бывал в этих знаменитых местах. Самолет сделал несколько кругов, и мы сфотографировали местность, пытаюсь представить, что через реку перекинут мост и люди живут на обоих берегах. В данный момент все здесь выглядело безмятежным, и неторопливый полет цапли казался вечным. Ничто не свидетельствовало о том, что здесь проходит граница между старым и новым, что к югу находится парк, а к северу — фазенда.

Повернув от водопадов на север, мы вскоре заметили первые признаки фазенды — прямые линии вырубленного леса, выделявшиеся возле неизменных извилин реки. Посадочная площадка имела почти такой же вид, как и у индейцев племени кажаби, только вблизи нее стояли лишь две хижины, из которых никто не вышел, чтобы помахать нам или приветственно показать место посадки. Мы сделали круг и быстро приземлились на мягкую коричневую землю. Когда самолет подкатился к хижинам, оттуда показался мужчина. Его голова была усыпана мошкаррой, которую он отгонял с рассеянным видом.

«Tem piim?»^[6] — спросили мы, когда мотор заглох. «Tem», — ответил он, и на этом разговор окончился.

Все мы трое, как и наш пилот, не могли говорить ни о чем другом, поскольку у каждого из нас появилась на голове своя корона из кусающихся мошек. Мы направились к жилищу управляющего. Дикая местность достаточно плоха сама по себе. Однако когда в ней еще и кусаются, то ее привлекательность снижается еще больше. Внутри дома было темно, «пиум» отсутствовали, и нас ждали чашечки кофе. Мы объяснили — настолько вежливо, насколько этого, видимо, требовала ситуация, — что мы прибыли на несколько дней и хотели бы использовать их пирогу, чтобы осмотреть окрестности.

«E possivel?»^[7] — спросили мы.

«Sim»^[8], — ответил он и вновь не промолвил больше ни слова.

Мы с благодарностью потягивали кофе, сидя в хижине, и размышляли, стоит ли выходить наружу. Наконец пилот решил, что ему пора отправляться. Пока мы шли к самолету, «пиум» появились невесть откуда а фактически отовсюду. Пилот влез в самолет, задвинул окна и хлопнул себя по лицу, а потом по ветровому стеклу открытой кабины. Он продолжал хлопать, пока самолет с ревом катился по дорожке, хотя, возможно, это означало также и прощальное приветствие. Мы зашагали назад к хижине.

Позднее, застегнув воротники и раскатав рукава, тщательно намазав лица всем, что могло послужить репеллентом, мы все же вышли из хижины. Мы шли вдоль посадочной площадки и наблюдали за тем, как люди работали. Мы познакомились со всеми. Они возили нас к водопадам, это плавание вверх по реке становилось все тяжелее по мере того, как течение становилось все быстрее. После того как мы

высадились, великолепное спокойствие природы было начисто уничтожено для нас этими проклятыми мошками, хотя наши хозяева спокойно ловили рыбу, а потом коптили ее над костром.

Мы принялись фотографировать, и все участники нашего похода приняли соответствующие позы, выставив на вид все свои револьверы, патронташи и ножи. Они вполне бы сошли за отряд бандейранте, рыскавших по Бразилии всего лишь столетие назад. Они действительно чем-то походили на них, сохранив в себе остатки былой бравады, хотя на самом деле были лишь кучкой людей, покинутых после решения, принятого далеко на востоке страны. Они иногда постреливали из своих ружей, но только по скалам, чтобы пуля срикошетировала, или по консервным банкам, чтобы они затонули. Когда мы наконец отправились назад, то у нас стало больше времени для разговоров.

«Что будет, если вы заболете?» — спросили мы.

«Мы будем плыть на лодке с подвесным мотором три дня по течению и потом по радио вызовем врача».

Малая вразумительность такого ответа, несомненно, была известна им: подвесной мотор может выйти из строя, а врачи не всегда в состоянии отправиться на такой неизвестный вызов из неизвестных мест.

— Что вы думаете о вашем правительстве?

— Ему до нас нет никакого дела. Политика — она для людей, живущих в городах, а не в Мату.

— Хотели бы вы жить в Рио?

— Да, конечно, но что бы мы смогли делать там? Мы — люди Мату.

— А вы хотели бы остаться здесь?

— Нет.

— Предположим, что вам дали бы здесь землю, остались бы вы тогда?

— Конечно, но сначала я хотел бы съездить в Маранао, чтобы забрать всех своих братьев.

— Вам здесь не одиноко?

— Нет, здесь всегда есть люди.

— Чувствуете ли вы себя заброшенными?

— Нет, сюда прилетает самолет. Никогда не бывало, чтобы самолет не прилетал дольше чем через четыре месяца.

— Вам нравятся индейцы, которые приходят к вам?

— Нет. Они приходят и берут наши вещи, а взамен оставляют луки и стрелы. На что нам эти луки и стрелы? Индейцы сердятся, когда мы им в чем-то отказываем. Они грозятся убить нас. Все говорят, что это естественно, когда индеец убивает белого. Но если бы мы убили индейца, нам пришел бы конец.

Ни один из них не выразил недовольства чем-либо иным. Они не говорили резких слов в адрес молодого богача, которому принадлежала земля и который платил им. Они мало знали о своей стране и еще меньше — о Южной Америке в целом. Все они считали, что Мехико — это столица Аргентины. Они гораздо больше знали о составе английской футбольной команды и говорили о Нобби Стайлсе так, как будто были с ним лично знакомы. Значительность футбола в Бразилии невозможно преувеличить. Если страна находится в числе мировых лидеров футбола, то она неизбежно должна быть и в числе величайших стран мира — так, по крайней мере, считают здесь, — а бразильский футбол превосходит футбол всех остальных стран. Начатый разговор на эту тему продолжался в течение всей оставшейся части нашего путешествия. Нам удалось ненадолго прервать его только тогда, когда наша лодка врезалась носом в заросли эйхорнии, заполонившие место причала.

К счастью, в тот самый вечер на колоссальном стадионе «Маракана» в Рио Нобби Стайлс и его коллеги не украли у Бразилии победу. Пеле и другие бразильские боги позаботились о том, чтобы

окончательный счет был удовлетворительным — 2:1 не в пользу английских гостей. После передачи футбола радио продолжило передачу бесконечных реклам, рекомендуя нам поменять свой грязный старый холодильник на блестящий-блестящий, новый-новый, рассказывая о том, как жалюзи внесут новый свет в нашу жизнь. Жалюзи! У нас здесь не было даже окон, не говоря уж о других роскошных безделушках цивилизации. Однако казалось, что никому до этого нет никакого дела. Никто даже не слушал эту болтовню.

Бразильцы ели свою фасоль с рисом, на этот раз приправленную пираньей, и с благоговением вспоминали о трансляции футбольного матча из Рио. Какие голы! Какое великолепие! Какой матч! Плохо бы пришлось трем англичанам, если бы в тот день выиграла Англия.

Самолет должен был забрать нас в субботу, о чем мы условились двумя неделями раньше, когда одно из наиболее доступных в этом районе воздушных такси случайно приземлилось у фазенды доктора Паулу для заправки. Иен поспешил к самолету, чтобы договориться об условиях, но летчик думал только о том, чтобы как можно скорее залить бензин, поскольку ему нужно было куда-то успеть до наступления темноты.

— Вы сможете привезти сюда двух человек из Кашоейра-Мартинс?

— Угу. Когда?

— Через субботу.

— Угу.

Закончив заправку, он швырнул канистру на землю, вытащил из горловины носовой платок, который использовал как фильтр, завинтил крышку, отбросил ящик, на котором стоял, кинулся в кабину отрегулировать переключатели и дроссель, ринулся к носу самолета, чтобы крутануть винт, затем вновь к

кабине, влез в нее. Самолет с ревом покатился по посадочной площадке, исчезнув вскоре из виду и из пределов слышимости. Мы смотрели друг на друга в поднявшейся пыли и гадали, состоится ли когда-нибудь встреча, назначенная со столь лихорадочной небрежностью.

Когда наступила эта суббота, Дуглас Боттинг и я — последние двое, которые должны были покинуть фазенду Кашоейра, — начали все больше беспокоиться, вспомнит ли пилот хотя бы о том, что он с кем-то разговаривал, не упоминая уже о договоренности насчет времени и места. Мы полагали, что если он и прилетит, то к полудню, чтобы у него осталось достаточно времени для обратного полета. Над Мату-Гросу трудно летать и днем, а когда солнце быстро опускается к горизонту, положение становится еще хуже. Уже прошел полдень, и на столе появилась фасоль с рисом. Мы решили, что три часа дня — последний срок прилета самолета, чтобы успеть доставить нас на фазенду доктора Паулу и затем вернуться на свою базу. Когда наступило три часа, мы оба улеглись в гамаки.

Управляющему платили около двухсот пятидесяти крузейро в месяц. Всем остальным платили меньше. Большинство мужчин жило здесь без семей. Сюда наведывались индейцы, но их встречали нерадушно, вследствие чего и они не выказывали особого расположения. Бывали здесь и другие люди, подобно нам, которые хоть как-то нарушали однообразие. Прибывая на фазенду на несколько дней, можно быть уверенным, что за это время ничем не заболеешь. Если же здесь находишься два года, то какими бы крепкими ни были ваши зубы, аппендикс или общее состояние здоровья, неизбежно приходится считаться с тем, что может случиться что-нибудь серьезное. Даже ипохондрия, болезнь разрушительной силы, имеет

гораздо большую вероятность развиваться в подобных условиях. Ведь даже в городских условиях бывает довольно трудно решить, вызывать ли врача. А как тяжело принимать решение о том, грести ли много дней вниз по течению, чтобы вызвать там врача по радио, получить его услуги и его счет, или же, несмотря на все усилия, не получить совсем ничего. На какой стадии должны находиться малярия и лейшманиоз и насколько серьезным должен быть укус змеи, для того чтобы пуститься в столь сомнительное путешествие?

Управляющий был нашим хозяином. Мы подвесили гамаки в кладовке, примыкавшей к его дому. Там мы и укрылись, поняв, что за нами не прилетят. Небесная синева оставалась молчаливой и ненарушенной. Управляющий зашел попросить у нас еще одну пилюлю, так как его все еще беспокоила язвочка, образовавшаяся на месте вырванного зуба. Пилюль у нас больше не было, о чем он, правда, знал. Попив воды из кувшина, стоявшего на трехногой подставке в углу, он принялся рассказывать нам, что считает несчастьем свое решение покинуть северо-восток в надежде на лучшую жизнь на западе, поскольку нашел здесь только одиночество и огромные трудности. В конце срока контракта у него могут остаться в кармане кое-какие деньжата, которые составят небольшой капитал, что позволит ему начать новую жизнь вблизи родных мест, однако глупо воображать, что открываемые новые земли не закрываются столь же быстро для подобных ему людей.

Он прибыл на запад полный надежд, вскоре после свадьбы с молодой женой. Любая увиденная им дверь, любой ждущий освоения кусок земли, любое нравящееся ему занятие были запретны для него. Он согласился на двести пятьдесят крузейро в месяц, потому что это была более высокая зарплата, чем в большинстве других случаев. Он полностью

отрабатывал эти деньги, и у него были шансы что-то скопить. Вместе с деньгами он унесет с собой также полное отвращение к этой местности, враждебность, которая мало кого воодушевит рискнуть приехать сюда. До приезда в Бразилию мы полагали, что все очень рационально. Часть страны была перенаселена, и там не хватало земли, чтобы прокормить всех. В то же время другая часть Бразилии была безлюдной, там находились нетронутые земли. Однако суровая действительность показала, что все обстоит не так просто.

Управляющий попил еще воды и ушел. Дуглас и я улеглись в свои гамаки. Мы смотрели в темень комнаты и размышляли о мошках, летавших снаружи, о нищете этой группки пионеров, об индейцах, которые здесь уже не к месту и которые беспокоят пришельцев, оказавшихся здесь тоже не к месту. Я хотел поговорить с Дугласом, но он может прикинуться глухим, когда у него что-то на уме. Поэтому меня крайне обеспокоило, когда он внезапно сел — насколько это позволил гамак — и воскликнул, что услышал какой-то звук. Если бы табаниды залетали в нашу хижину, я бы подумал, судя по внезапности его реакции, что он удостоился их внимания, но внутри домов эти насекомые не живут, а он уверенно утверждал, что услышал шум. Более того, он заявил, что это одномоторный самолет, и выбежал из комнаты.

Пилот приземлился в своей обычной спешке. Он выскочил из кабины, нашел ящик, встал на него, отвернул крышку и начал заливать бензин, бросая слова, что у него мало времени. Мы попытались не спеша отвязать свои гамаки и скатать их. Мы старались не проявить излишнего восторга по поводу прилета самолета и искренне сожалели, что нам приходится распрощаться с нашим хозяином и со всеми членами его артели. Мы роздали им пищу, деньги, сигареты, даже

нож, а затем уверенной походкой зашагали к самолету. Летали «пиум», но мы их не замечали. Вид заросшего молодой порослью уничтоженного леса оставался столь же неприглядным, но теперь он показался нам приятнее, чем до прилета сюда. Еще лучше он выглядел сквозь исцарапанный плексиглас. Управляющий наблюдал за нашим отлетом — крошечная фигурка в бескрайних просторах чьей-то чужой земли.

Мы сделали вираж над рекой Шингу, бросили последний взгляд на фазенду, затем на водопад. Самолет взял курс на восток. Я взглянул в ту сторону, где должен был находиться гирокомпас, но на его месте было маленькое изображение Девы Марии. «Пиум» разгуливали по ее лицу. Было приятно наблюдать, как эти гадкие насекомые замирали, по мере того как самолет поднимался в более холодные слои атмосферы.

Глава восьмая

Конец лета

Если войти в любой дом у дороги Шавантина — Сан-Фелис, то вам обязательно дадут что-нибудь освежающее, главным образом кофе. Посмотрев в чашку, а потом на деревянный или земляной пол, усвоишь многое из атмосферы этого жилища. Куда можно поставить чашку? На твердую землю, в стороне от неуклюжих свиней, на стол, на ящик или же ее вообще некуда девать, кроме своих ладоней? Человек, которого мы расспрашивали, был обычно босым или обут в поношенные башмаки.

Поэтому мы были ошеломлены, когда однажды очутились в доме у дороги и взяли в руки высокие прохладные стаканы, звенящие от набитых доверху кубиков льда. А пили мы виноградный сок. Стол, на

который можно было опустить стакан, твердо стоял на всех четырех ножках, под которыми был пол из керамических плиток. Мы сидели не на земле или ящиках, а в аккуратных чистых новых алюминиевых шезлонгах. Ноги человека, которому мы задавали вопросы, были надежно обуты в блестящие черные кожаные ботинки, доходившие до икр. На стене, за его головой, были прибиты оленьи рога, как в замке какого-нибудь барона. Здесь же находилась его элегантная жена, готовая хоть сейчас лететь в Бананал на уик-энд, улыбающаяся, в больших цветных очках, с ярко окрашенными волосами. Это хозяйство ни капли не походило ни на одно из мест, которые мы посещали. Это была фазенда «Суя-Мису».

Везде, где много наемных рабочих, есть *gerente*, или управляющие. Последние оказались столь же различными, как и чашки с кофе, которые они предлагали, а стоявший во главе «Суя-Мису» выглядел, пожалуй, как босс наикрупнейшего, самого передового и совершенного из всех современных хозяйств вдоль шавантинской дороги. Управляющий был коренастым мужчиной с редеющими волосами. Прежде чем ответить, он выслушивал вас. Он разъезжал повсюду в открытом джипе. В своем доме, окруженном крытой террасой, с садом, вокруг которого шла кирпичная стена, он жил так, как нельзя вообразить для большей части этой территории и для большинства ее обитателей. Дом был выстроен в колониальном стиле, с прохладными проходными комнатами, каждая из которых была обставлена мягкой мебелью. В доме были слуги, появляющиеся, подобно джиннам, неизвестно откуда, как только что-нибудь потребуется. Окна были затянуты москитной сеткой, но самих москитов не было. В саду росли различные кустарники, но насекомых на них тоже не было. Та одинокая фигурка, которая наблюдала наш отлет из Кашоейра-Мартинс, тоже была

gerente. Мы вспомнили его, когда пили ледяной виноградный сок и изумлялись необычной обстановке. Однако оба этих места были отвоеваны у леса так же недавно, перед прибытием их gerente.

Владельцем «Суя-Мису» был доктор Эрминио Ометто. Его семейству принадлежат тринадцать сахарных заводов, которые поставляют тридцать пять процентов сахара, потребляемого быстро растущим населением штата Сан-Паулу. Отец доктора Ометто, итальянский иммигрант, приехал в Бразилию ни с чем. Первое знакомство этого иммигранта с сахаром произошло тогда, когда он засеял сахарным тростником сорок гектаров, и с тех пор состояние семейства непрерывно возрастало. Часть его денег и энергии были обращены в 1962 году на Мату-Гросу, когда он купил участок земли в четырехстах километрах к северу от Шавантины и примерно в ста десяти километрах к юго-западу от Сан-Фелиса. Так случилось, что эта земля оказалась прямо у новой дороги, которая должна связать оба города. Площадь участка была 300 000 алкейре, по цене около 1,25 нового крузейро за алкейре.

Такие единицы измерения, как площади, так и денег, нуждаются в пояснении. Беда с алкейре как единицей измерения в том, что величина ее меняется от штата к штату. В Мату-Гросу ее часто принимают равной пяти гектарам. В Сан-Паулу и на fazende доктора Ометто ее считают за 2,2 гектара. В экономике с бурно растущей инфляцией беда с деньгами заключается в том, что цены из года в год изменяются драматически. Крузейро был основной денежной единицей, но инфляция сильно уменьшила его стоимость. Положение его укрепилось в 1967 году, когда у него убрали три нуля, которыми его снабдила инфляция. (Бразилия проводила такой маневр не в первый раз.) За ночь тысяча старых крузейро стали

официально одним новым крузейро (или конто), и эти обе разновидности до сих пор еще трудно разъединить, поскольку еще много находится в обращении старых банкнот или они имеют надпечатку. Гораздо труднее — учитывая переменную величину алкейре и неустойчивость денег — выяснить, сколько же было уплачено за гектар. Тем не менее, по большинству стандартов, покупная цена фазенды «Суя-Мису» крайне низка и составляет всего несколько пенсов за гектар. Платить такие деньги за пустыню, в которой установлено отсутствие каких-либо ископаемых, возможно, разумно. Заплатить же ее за землю, на которой уже мог расти тропический лес, весьма примечательно.

Работы на фазенде «Суя-Мису» (названной так в честь реки, протекающей западнее ее территории) начались в 1964 году. В этих местах жила кучка индейцев шаванте, которые и были переправлены с большой поспешностью по воздуху в миссию Сан-Маркос. Других индейцев в окрестности не было, и работы могли вестись без каких-либо помех. Самым удобным пунктом доступа в то время был Сан-Фелис (который недавно возник на западном берегу реки Арагуая), а заключительную часть пути проделывали пешком. Поскольку жителей в этой местности не было, всю рабочую силу пришлось привозить из других мест. Как и на фазенде доктора Паулу, расположенной южнее, а также на любом другом участке, первоочередная задача состояла в том, чтобы начать рубить лес.

Gerente (управляющий) считает, что одному человеку требуется сорок семь дней на то, чтобы вырубить одну алкейре. Следовательно, один топор в руках хорошего лесоруба, которому платят сдельно, может за этот срок вырубить около двух гектаров. В самые сухие месяцы, с апреля по август, на фазенду

дополнительно нанимают двести пятьдесят рабочих, в основном для расчистки леса. Их совместные усилия на протяжении каждого зимнего сезона приводят к вырубке еще 1200-1600 гектаров, где потом будет яростно полыхать пожар. Вследствие того что на одних участках леса более редкие, чем на других, а часть земель фазенды представляли кампо или серрадос (для освоения которых требуется значительно меньше усилий), управляющий в конце первых пяти лет смог доложить о расчистке 12 000 гектаров. На первом этапе операций намеревались расчистить еще 200 000 гектаров, но даже и тогда в пределах только этой фазенды останется 340 000 гектаров леса. Даже для жителя Сан-Паулу необходимо время, чтобы реализовать свои капиталовложения в Мату-Гросу.

В конце пятого года большая часть расчищенной земли была засеяна травой, которая так хорошо растет на выжженной земле у корней сгоревших деревьев. Во всех уголках поместья можно встретить напоминания о том, что здесь раньше был лес в виде обнаженных стволов деревьев, все еще стоящих там, где они прежде пышно росли. Мрачно возвышались они над длинными пучками травы, которая не могла скрыть всех этих пней и обломков деревьев, не уничтоженных ежегодными пожарами. Конечно, посадочная площадка была расчищена полностью, как и жилая территория, коррали и дороги, но остальная земля, пригодная теперь для выпаса скота, сохраняла все признаки недавнего уничтожения леса.

К тому времени, когда были расчищены первые 12 000 гектаров, на них паслись пятнадцать тысяч голов скота, воздавая должное как питательным свойствам посеянной травы, так и энергии, потребовавшейся на создание такого стада. Правда, часть животных паслась также на некоторых нетронутых участках серрадос. Животных на фазенду

перегнали в основном с востока, но проводилась также экстенсивная программа их разведения, и менее многочисленные стада годовалого скота свидетельствовали о том, с какой скоростью она осуществляется. Перегонявшийся скот доходил в сухой сезон до реки Арагуая, где его ставили плотно на паром (исходя из того, что передвигающийся груз опасен, а если скот стоит достаточно тесно, то он двигаться не сможет) и выгружали в нескольких километрах южнее Сан-Фелиса. За время дождливых летних месяцев земля по обоим берегам Арагуаи затопляется на таком большом расстоянии, что подобная перевозка становится невозможной. Наиболее подходящее для этого время — середина зимы, и некоторые участники экспедиции наблюдали подготовку к принятию стада в четыре тысячи голов, что должно было увеличить поголовье с пятнадцати тысяч до еще более внушительной цифры девятнадцать тысяч.

Как только скот переправят через реку, вакейрос^[9] фазенды «Суя-Мису» продолжают гнать стадо дальше. Прямого пути от реки к фазенде нет, и даже если бы он существовал или если бы скот погнали по дороге, идущей южнее Сан-Фелиса, перегон был бы затруднен из-за транспорта, едущего по ней. Вместо этого огромное стадо погнали по серрадос, и животные прокладывали себе путь среди ее разнообразной растительности и колючих пальм. Корова, забредшая в сторону дальше чем метров на сорок, может потеряться среди этой растительности, поэтому пастухам работы хватало вдоволь, но они справлялись с ней отлично. Они разъезжали или на маленьких лошадках, или на крупных мулах, причем последние, по-видимому, лучше выбирали для себя надежную дорогу среди растительности. Скот предпочитал оставаться в стаде без всяких усилий со стороны всадников на мулах.

Следует сказать, что ни одно животное не было потеряно, а любое отбившееся пастухи быстро находили.

Все животные были с отвислыми ушами и толстыми складками кожи на шее и — по крайней мере, для европейского глаза — с менее привлекательной внешностью, чем европейские коровы. В основном это были зебу, которых местные жители относят к породе *nellore*, но первоначальная чистота породы, видимо, давно утеряна вследствие неразборчивого скрещивания. Тем не менее в результате получились выносливые животные, удивительно невосприимчивые к болезням. У животных часто можно заметить длинные шрамы или открытые раны, а иногда встречались животные и без уха, но все это представляло собой лишь характерные опасности существования в столь первобытных условиях. У управляющего был ветеринарный справочник, на страницах которого он усиленно старался найти *carbunculo simpatico* (нам потребовалось немало времени, чтобы понять, что он имел в виду сибирскую язву), однако в поместье не было ветеринара и даже не планировалось завести хотя бы одного. Подобная роскошь, или даже врач для рабочих, или многие другие блага цивилизованного общества встречают яростное сопротивление исходя из финансовых соображений.

О всех подобных вещах управляющий говорил следующее: «Коровам делали прививки, поскольку некоторая профилактика уже зарекомендовала себя как крайне необходимая, но серьезная вспышка какой-нибудь эпидемии рассматривалась как оправданный риск. Возможно, что ветеринар смог бы предотвратить такую эпидемию, но подобный специалист обойдется слишком дорого. Тяжелобольных людей можно было вывезти на самолете, а для лечения самых простых заболеваний имелась аптека. Возможно что ветеринар и

врач окажутся необходимыми, но подобная ненужная роскошь может быть допущена только тогда, когда без нее невозможно будет обойтись. То же самое справедливо и в отношении удобрений. Возможно, они станут необходимыми лет через двадцать пять, когда почва сильно истощится, но мысль об использовании их в течение первых трудных и неблагодарных лет была совершенно неприемлемой. А пока ничего не надо».

Терраса, кустарники и стоянка джипа управляющего имели респектабельный налет старины. Собственный самолет фазенды стоял поодаль у шеста с ветровым конусом, который, как обычно в Центральной Бразилии, лишь изредка наполнялся ветром. Все окрестности — дома в поле зрения, лесопилка и бойня с постоянными черными стервятниками — также имели старинный вид. Тем не менее всего лишь пять лет назад повсюду были деревья, а теперь на месте термитов и клещей сверкает черепица террасы. На горизонте еще виднелся лес в виде тонкой полоски между небом и землей, а за этим рубежом сразу же начинался древний мир. Мы спросили, существует ли намерение сохранить здесь хоть какую-то часть лесов, или же топор будет врубаться все глубже и глубже. К удивлению, нам ответили, что неприкосновенными останутся тридцать процентов, или 120 000 гектаров леса. «Видите ли, это необходимо для флоры и фауны, для климата и более всего для нашей философии. Если окажется необходимым, то мы даже станем сажать деревья».

Подобному оптимизму противоречат факты: в Бразилии нет обычаев охранять природу, и вряд ли упомянутые тридцать процентов сохранятся. Более влажные земли, которые сулят большую и скорую прибыль, лежат по обеим сторонам бассейна стока. Если уничтожить эти леса, то резко возрастут шансы на бурную эрозию, образование оврагов и уничтожение вновь обретенной земли. В конце концов, очень много

ошибок в этом отношении было сделано во всех странах мира, и, пролетая над освоенными территориями Бразилии, можно видеть подобные примеры, но природа человеческая настолько слаба, что не позволяет задуматься даже над очевидной бедой. Человек предпочитает бороться с бедствием после того, как оно произойдет, устраивая дамбы для разливающихся вод, борясь с ежегодной эрозией почвы и восстанавливая среду с надеждой на то, что еще не слишком поздно. На фазенде «Суя-Мису» не существовало никаких планов по борьбе с подобным разрушением, кроме сохранения этих неопределенных тридцати процентов. Некоторая потеря почвы будет неизбежной. Некоторое разрушение — несомненно. Какое-либо бедствие — вероятно. И лишь когда оно случится, тогда все переменные параметры станут известными.

Существующая стабильность, несомненно, претерпит изменения, когда помимо фазенды «Суя-Мису», фазенды доктора Паулу появится бесчисленное множество других. Почва и толща подпочвенных выветрившихся пород подвергнутся суровому воздействию. На фазендах нормальный пружинящий листовенный покров земли уже превратился в слой мелкой пыли, которая разлетается, когда шагаешь по ней. На большей части этой территории можно вырыть яму (что часто делали английские почвоведы) глубиной несколько метров, не заметив никаких изменений, если вы не специалист. Некоторые бразильские поселенцы рыли колодцы, которые на девять — двенадцать метров шли через толщу выветрившихся пород, легко поддающихся эрозии.

Географ Джон Торне, который изучал воды реки Суя-Мису, был поражен постоянством химического состава вод этой реки и тем, что оно означает для земель, находящихся по обоим берегам. От истоков Суя-

Мису до ее слияния с рекой Шингу, на многие сотни километров, содержание в воде растворенных ионов и взвешенных веществ было удивительно постоянным. Обычно по изменяющимся количествам растворенных веществ в воде можно судить об изменении характера освоения земель, лежащих вдоль реки. Если там имеет место эрозия, то в воде, видимо, будет находиться большое количество как растворенных, так и взвешенных веществ. Прозрачная и чистая река Суя-Мису в настоящее время не несет в своих водах почти ничего. Использование земель повлечет за собой перемены, и ионный состав этой молчаливой реки станет свидетелем происходящего опустошения. Не нужно будет смотреть на овраги для получения данных о земле, у которой плодородный верхний слой будет постепенно уменьшаться: для этого достаточно только подойти к реке и определить, что она уносит в своих водах. Пока что фазенды малонаселенны, и значительные перемены, вносимые ими, касаются лишь крошечных участков их огромных владений. Река Суя-Мису пока что все еще та же, что и раньше, но такое постоянство былых времен не может сохраниться надолго.

Помимо управляющего и его нарядной супруги на фазенде «Суя-Мису» жило еще сто двадцать семей. Лесорубы не относятся к постоянным жителям, они приходят и уходят, как правило без семей. Общая численность постоянных рабочих (сто двадцать семей) довольно мала, учитывая огромные размеры поместья, девятнадцать тысяч голов скота, планы на будущее, а также то, что фазенда содержит отель, располагает эффективной системой освещения и парком грузовых машин для подвоза риса, фасоли и жидкого топлива.

Здесь необходимы специалисты нескольких профессий. В основном это пастухи, ковбои Бразилии. Они работают почти не слезая со своих мулов. Весь их

рабочий день состоит из внезапных перебежек, остановок, яростной погони за одинокой отбившейся коровой и непрерывных криков, раздающихся, когда все идет гладко.

Они носят широкие кожаные штаны, чтобы не сорвать с ног куски мяса, когда пробираются сквозь кустарники. На голове у них кожаные шляпы с загнутыми вверх полями и кисточками, характерные для Северо-Восточной Бразилии, или фетровые, американского фасона, как у ковбоев. Конечно, они похожи на целлулоидных ковбоев, только их рубахи прилипают к телу от пропитавшего их пота. Здесь нет той чистоты, которую показывают в ковбойских фильмах. Пастухи ловят животных с помощью лассо, но при этом часто промахиваются, а когда лассо все же удается набросить, то животное валится наземь как подкошенное. Естественно, что большинство всадников на мулах — это негры (несомненно, что подобное имеет место и в Соединенных Штатах, как ни уходят фильмы от этой реальности). Негры и пропитанная потом драная одежда пастухов придают достоверность бразильской сцене, уничтожая все романтизированные версии этого труда, невероятно изнурительного и тяжелого. Здесь мало возможностей для беззаботной медлительной болтовни нараспев, так хорошо известной нам по фильмам. Помимо всего прочего, здесь говорят по-португальски.

По местным стандартам, заработная плата на фазенде «Суя-Мису» хорошая. Она представлялась весьма хорошей, когда ее расписывал gerente, поскольку он все ставки выражал в кратном отношении к минимальной заработной плате. Последняя, по его словам, составляла сто пятьдесят новых крузейро в месяц. Работники физического труда на его фазенде получали в основном в полтора раза больше этого. Механики получали три-четыре минимальные зарплаты.

Даже шестьсот крузейро в месяц составляют только семь тысяч двести новых крузейро в год, и эта сумма представляется здесь хорошими деньгами только потому, что она столь существенно превышает среднюю зарплату. Рабочие по залужению, как и лесорубы, работали сдельно, с оплатой, исчисляемой исходя из того, что один человек может засеять за одиннадцать дней два гектара.

Хотя фазенда и представляет собой крупное предприятие, ее общий фонд заработной платы весьма скромен, главным образом из-за небольшой численности работников. При ста двадцати постоянных и двухстах пятидесяти сезонных рабочих на одного человека в наилучшее время приходится порядка 1600 гектаров. Число работающих, несомненно, будет возрастать, и плотность населения увеличиваться, но здесь преследуется цель, чтобы в поместье работало минимально возможное их количество. Глубинные районы могут осваиваться, но, несмотря на создание города Бразилиа и на сооружение новых дорог, они все равно останутся глушью. Магнетизм побережья вряд ли потеряет свою привлекательность.

Даже если рядовой бразилец изменит свои привязанности к востоку, старые силовые линии, воздействующие на его финансы, все равно будут исходить из традиционного местонахождения финансовых магнатов и возвращаться к ним. Освоение Мату-Гросу на западе финансируется деньгами востока. Фазендейро или их представители прилетают сюда с огромными пачками денег, и все эти деньги затем постепенно утекают на восток в большие банки, из которых они ушли, пересчитанные и уложенные в пачки. Английская экспедиция, с ее крупными ежемесячными выплатами за питание, бензин и услуги, должна была регулярно получать пачки денег не ближе чем в городе Бразилиа. Один раз в два месяца грузовик

экспедиции совершал это путешествие главным образом для того, чтобы привезти оборудование и отправить коллекции, а также чтобы доставить деньги с востока на запад. Чеки, аккредитивы и тому подобные более надежные способы перевозки денег были малопригодными для Арагарсаса и еще менее пригодными для Шавантины. Поэтому проще было привезти деньги наличными, в банкнотах соответствующего достоинства. Потребности англичан в этом отношении не представляли собой ничего уникального, и множество самолетов, джипов и грузовиков, направляющихся на запад, перевозили аналогичные пачки денег, вероятно завернутые в газеты, как часть своего груза. Не только наши рабочие были скрупулезно честными в отношении этого богатства, но и на всем долгом и зачастую безлюдном пути от банка к лагерю не бывало никаких нападений, и нам даже не приходилось слышать никаких рассказов о любом проявлении жадности к деньгам. На гранитные банки в больших городах налеты совершались часто, но с курьерами, которые отправлялись в глубь страны, нагруженные богатствами, во много раз превосходившими их личные средства, ничего подобного не происходило.

Финансовая деятельность такой крупной фазенды, как «Суя-Мису», во многих отношениях протекала без особой потребности в наличных деньгах. Рабочие жили в основном в кредит, и перед каждой выплатой заработной платы из нее вычиталось многое. Скот покупают главным образом на востоке, и большая часть продукции продается также на востоке. На фазенде можно прожить долго и не увидеть наличных денег, кроме тех, которые переходят из рук в руки. В конце концов, что здесь можно купить, если это не продается в собственной лавке фазенды и не записывается в долг?

Кроме всего прочего, инфляция сделала денежные суммы крайне громоздкими и объемистыми, несмотря на фокус с исключением из обращения трех нулей. У меня был личный опыт в отношении этой проблемы. В мой последний приезд в Бразилию, зная о трудностях обмена таких странных документов, как «травеллер-чеки», в штате наподобие Мату-Гросу, а также предполагая возможность нехватки денег даже в сейфах города Бразилиа, я решил взять из Рио всю сумму, которая может мне понадобится. К несчастью, случилось так, что там был спрос на купюры большого достоинства, и мне не смогли дать ничего крупнее пяти тысяч старых крузейро, равных теперь пяти новым крузейро. Мне предстояла дорогостоящая поездка, которая включала наем воздушных такси для посещения отдельных фазенд, использование лодок и автомашин и наем людей, поэтому я покинул банк с кипой денег высотой около сорока сантиметров.

В бумажник можно было поместить не более одного процента этой кипы. Пара денежных поясов, приобретенная заранее для этой цели, была почти столь же непригодной, и я заполнил деньгами чуть не весь чемодан. Хотя этому ценному грузу приходилось оставаться в номерах гостиниц завернутым для безопасности в неприглядную старую рубаху, никто не украл у меня из этой кипы ни одного сантиметра ее толщины. Тем не менее, когда счет за воздушное такси составлял, скажем, двести пятьдесят долларов, или сто фунтов, мне доставляло удовольствие отсчитать пару сотен пятидесяти тысяч банкнот на крыле самолета и в результате чувствовать себя облегченным и в большей безопасности на эту сумму. Возможно, что пилот быстро переправит эти деньги вместе с другими своими заработками на восток, откуда они прибыли.

Фазенда «Суя-Мису» строится по схеме, которая заставит вздрогнуть большинство финансирующих ее

лиц. Не говоря уж о расходах, связанных с расчисткой территории и последующим заполнением ее дорогами, строениями и скотом, здесь существует важнейшая проблема отдаленности от рынков на сотни километров. Голова рогатого скота хороша, только когда она находится на выгодном расстоянии от потребителя. Весьма маловероятно, что в Мату-Гросу вдруг появится большое количество потребителей — как достаточно многочисленных, так и достаточно богатых, чтобы заплатить за такие стада. На фазендах говядина довольно дешева — как это и должно быть, учитывая множество животных, разгуливающих по окружающей местности, — но в других местах она все еще представляет собой предмет роскоши. В пределах Мату-Гросу людей так мало — как в относительных, так и в абсолютных цифрах, — что большинство говядины в конечном счете будет отправляться на восток. Население Мату-Гросу насчитывает около одного миллиона человек, а скота здесь порядка десяти миллионов голов.

Те, кто финансирует «Суя-Мису», не обеспокоены как размерами уже затраченных средств, так и проблемой возврата своих денег в будущем. Примечательно, что, несмотря на большие размеры поместья, расходы на уничтожение леса и на создание действующего концерна с большим стадом составили за первые пять лет на этой фазенде всего лишь 2,5 миллиона долларов, или 1,1 миллиона фунтов стерлингов. Некоторые первоначальные капиталовложения были значительными, но будущее развитие должно протекать быстрее. Эти два фактора — первоначальные трудности и масштабы последующих операций — точно соответствуют один другому, потому что предполагаемые расходы на следующие пять лет также ожидаются в сумме 1,1 миллиона фунтов стерлингов. К тому времени около ста тридцати пяти

тысяч голов скота будут пастись на 80 тысячах гектаров расчищенных и засеянных земель с использованием также нескольких тысяч гектаров нерасчищенной серрадос. В отношении капиталовложений этот десятилетний период будет предельным. Фазенда к тому времени еще далеко не будет использовать в максимальной степени свои возможности, но уже начнет окупать себя. Начнется убой скота — в первое время по десять тысяч голов в год, — и поэтому станут поступать деньги. Фактическое поголовье, несмотря на забой, будет продолжать увеличиваться, как и ежегодная выбраковка. Примерно через пять лет после этого поворотного момента, как с уверенностью предполагают управляющий и силы, стоящие за ним, все капиталовложения окупятся. А после этого фазенда «Суя-Мису» будет представлять весьма надежное предприятие.

В последующие годы ее положение еще более упрочится, поскольку планируется иметь в поместье поголовье скота в один миллион. Предприятие тогда станет действительно огромным, причем каждый день будут забивать не менее пятисот голов. Расстояние до Рио и Сан-Паулу не сократится, и крупные рынки сбыта не приблизятся, поэтому предполагается, что все мясо, производимое на фазенде, будет отправляться на самолетах-рефрижераторах. Первая рефрижераторная установка будет сооружена с таким расчетом, чтобы ее пуск совпал по времени с поворотной точкой через пять лет, но ее производительность будет небольшой по сравнению с окончательными масштабами. Так, например, нынешняя посадочная площадка должна стать значительно больше, иметь твердое покрытие и быть совершеннее, так как предстоит принимать большие транспортные самолеты, чтобы увозить ежедневно по пятьсот замороженных туш.

Кроме этого, «Суя-Мису» — только одна из фазенд, хотя и самая передовая в данной местности. Здесь возникнут еще и другие фазенды, каждая площадью примерно по пятьсот квадратных километров и каждая со своей стаей черных стервятников, парящих над бойней. На подобный скачок из прошлого в будущее потребуется не более двух десятилетий, и каждый причастный к этому будет удивляться результатам, недоумевая, действительно ли он сам трудился над этим или же только наблюдал.

Доктор Эрминио Ометто планировал свое хозяйство без участия и помощи со стороны правительства. Он был достаточно богат, чтобы выдержать уменьшение своих ресурсов на сумму 2,2 миллиона фунтов в течение десяти лет, и тщательно рассчитал свое предприятие. Была даже подсчитана окончательная сумма всех капиталовложений — 12 305 826 новых крузейро. Однако через пять лет после того, как он приобрел землю, и через три года после начала работ на фазенде правительство предложило ему финансовую помощь. Богатые люди Бразилии могут быть чрезвычайно богатыми и, несомненно, станут еще богаче, когда к ним начнут поступать доходы с Мату-Гросу. Старинная индейская страна обеспечивает не только быстрый доход на капиталовложения, но и удобный метод уменьшения выплаты налогов — понятие настолько чуждое общественному укладу жизни индейцев, какое только можно придумать.

Наиболее разительное обстоятельство во всей этой деятельности, требующей огромных капиталовложений, для постороннего глаза заключается в том, что конечный продукт рассматривают как нечто представляющее собой лишь меньший интерес. Если здесь будет прибыль, если говядина окажется ходким товаром, то столь солидное вознаграждение произойдет в течение столь приемлемого интервала,

как десять лет. Если же прибыли не будет, то, по крайней мере, налоги будут использованы на создание гигантской империи.

Власти также не особенно-то заинтересованы в конечном продукте и в том, удастся ли его продавать на неустойчивом международном рынке. Правительственную помощь предоставляют агентства по освоению земель, а не торговые организации, и они ставят первоочередной целью освоение земли, наблюдение за тем, чтобы она была укрощена и заселена. Продукция, получаемая с этой земли, — будь это говядина или что-то иное — играет для них второстепенную роль. Это аналогично тому, что при сооружении дороги или моста основная цель заключается в том, чтобы обеспечить подступ, а как его будут использовать, не имеет значения для строителей.

Что же касается дороги Шавантина — Сан-Фелис, то она одновременно планировалась и не планировалась правительством. Она сооружалась на правительственные деньги и по трассе, которую инженеры считали наиболее подходящей. Поселившиеся вдоль нее скваттеры и семейства живут, едва сводя концы с концами, и они-то, несомненно, не были запланированы. На другом конце шкалы большинство крупных землевладельцев действует с правительственной помощью, а все же без всякого правительственного контроля. Руководители агентства по освоению земель счастливы, видя, что леса уничтожаются и земля подготавливается к использованию, а что она будет давать, это их не интересует. Они рассуждают так: если с этой землей что-нибудь и случится, то она все же не будет иметь прежнего девственного вида. Ранее она была пригодной только для индейцев, и больше ни для кого. Если ее решили сделать пригодной для XX века, то сначала ее нужно расчистить. Именно это и происходит,

когда дым взметается на тысячи метров в небо, затемняя солнце. Подогреваемая мечтами о прибылях с капитала, а также хорошими шансами на доход, если рынок мяса сохранится, Мату-Гросу уступает свое бывшее могущество. Полоска дороги, пущенная как стрела сквозь сердце леса, становится смертоносной для древнего царства. И когда-нибудь люди станут удивляться — как они это уже делают в столь многочисленных других районах мира, — где же здесь когда-то стоял лес? И правда ли это, что здесь деревья простирались настолько, насколько мог видеть глаз?

Покидать фазенду «Суя-Мису» — это значит ехать по дороге (по ее дороге!) и болтаться из стороны в сторону в пушистой пыли. Это означает, что мы будем проезжать мимо тысяч коров, которые бродят на своем пастбище. Это означает также беспокойство по поводу уничтожения среды обитания. Вызывали озабоченность слова управляющего о том, что, когда вырубят лес, дождей будет выпадать больше (правильным, конечно, будет противоположное), и его уверенность в этом, когда он подтверждал свою убежденность результатами нескольких измерений, сделанных с помощью дождемера за короткий промежуток — в несколько лет. К счастью, в Центральной Бразилии не бывает сильных ветров, которые развеяли бы всю ее пыль.

Гигантские масштабы преобразования этой местности не позволяют точно предсказать все, что произойдет в будущем, за исключением того, что лес никогда сюда уже не вернется. В прежние времена граница между лесом и серрадос попеременно передвигалась в ту или иную сторону, насколько обстоятельства помогали или мешали этому. Территория фазенды «Суя-Мису» лежит в пределах этой пограничной зоны, и, по всей вероятности, она непрерывно переходила из леса в серрадос в

неизвестной последовательности. Несомненно только одно, что после уничтожения леса и сравнения его с землей он не появится вновь, даже если все осваиватели земель уйдут отсюда. Местность эта превратится тогда в кустарниковые заросли, во многом напоминающие аналогичные пустоши Соединенных Штатов. Американские пионеры нашли богатые прерии и во многих местах загубили их. В Бразилии подобная история легко может повториться с лесами.

Покинув обширные владения фазенды «Суя-Мису», мы двигались дальше на юг с такой скоростью, какую позволяла дорога, и мимоходом наблюдали калейдоскопическую последовательность различных картин, из которых складывалось общее представление. Вот, например, стоит хижина с глиняными стенами, покрытая кое-как пальмовыми ветвями, обветшала, но с ослепительно сверкающим куском проволоки, натянутой между двумя толстыми столбами и свидетельствующей о том, что здесь слушают радиопередачи из города Бразилиа и что самое лучшее направление антенны — на юго-восток. Вот стоит паровая машина, в настоящее время заброшенная, потому что сломался тягач, но по ней можно судить, что какая-то новая фазенда создается дальше на север. Справа от дороги стоит старый дом скваттера, и высохшая коровья шкура, растянута на двери, говорит о том, что дома никого нет. Есть ли еще где-нибудь подобные места, где столько людей живет в такой безысходной нужде и где так редко воруют имущество? В этом доме могут находиться своего рода ценные вещи, по крайней мере такие, как кастрюли, стулья и чашки, которые пригодились бы любому, кто их не имеет, но все же они будут в сохранности.

Сами люди, живущие в столь пустынных местах, также находятся в полной безопасности. Когда подойдешь к чьему-то жилищу и направляешься в дом,

в котором, очевидно, находятся только женщины и дети, то думаешь, что твое появление может вызвать сильный страх. Во всяком случае, пройдет немало времени, прежде чем закон — в любом виде — станет здесь известным или же займется пресечением каких-либо преступлений. Полицейские в Мату-Гросу — одна из величайших редкостей, и я лично не помню, чтобы видел хотя бы одного, но я никогда и не слышал, чтобы когда-либо говорилось о большой необходимости в нем.

Вот слева от дороги работает группа лесорубов. Чуть подальше от них через дорогу удирает носуха, а затем карабкается на дерево, чтобы посмотреть сверху на нас через свой пушистый хвост. С шумом пролетают попугаи по прямой над верхушками деревьев. Они чувствуют себя менее уверенно, когда под ними находятся недавно расчищенные участки, и тогда их пронзительный свист кажется печальнее, чем раньше. Вдали от дороги, на вершине холма, сквозь пыль виднеется небольшое поселение, хозяева которого, очевидно, располагают деньгами: там в палисаднике растут апельсины, лимоны, авокадо и мандарины. Временами ничто не кажется столь великолепным или волшебным, как свисающие с деревьев фрукты, сорвав которые ощущаешь превосходный вкус их мякоти, горячей снаружи и теплой внутри. Сделать крюк за фруктами очень просто, и владельцы деревьев охотно угощают нас.

Дорога поразительно пустынна, если учитывать ее артериальное значение для столь многочисленных разных поселений. Во всяком случае, она представляет единственный путь к Сан-Паулу или любым иным местам, не считая воздушного сообщения. Члены нашей экспедиции, понимая, что бессмысленно добираться пешком на север или на юг вдоль дороги, пытались подъехать на попутной машине, но им приходилось ждать автомобиля часов по шесть. Местный обычай

таков, что машина забирает любого, если это представляется возможным, но, прежде чем остановиться, водитель проезжает далеко вперед, как будто ему было недостаточно для своевременной остановки видимости на дороге в несколько километров. Подобная пустынность дороги заключает в себе опасность, потому что на ней часто имеются повороты. Проехав по дороге несколько часов, любой водитель начинает считать, что он находится на ней один. Вследствие этого он при поворотах считает столь же маловероятной встречу с другой машиной, как и появление асфальта, неоновых огней, дорожных знаков и т. д.

Возвращаясь по знакомой дороге, было приятно находить перемены: видеть расцветшим какое-нибудь дерево, а пустовавший дом теперь полным жизни. Временами агент какого-нибудь нового фазендейро прибывал, чтобы заявить права на свои владения, и вся пестрота расчищенных участков и жилья аккуратно размечалась вереницей вывесок, отчетливо указывающих, кому теперь принадлежит данная местность. Иногда встречалась перелетная саранча, неуклюже перемещавшаяся в воздухе. Ее нетрудно было схватить рукой за дрожащие хрустящие крылья, но такие встречи были редкими. Сахарный тростник вдоль дороги был необычно высокий, зеленого или белого цвета, или же скошенный, и на земле только кое-где валялись сухие стебли.

Автомобильное движение по дороге, особенно автоцистерны, едущие на фазенды и обратно, привело к появлению среди деревьев гостиницы в полутора километрах к северу от Шавантины. Известная под названием «Pensão gato», эта гостиница, по обычным стандартам, была невелика, но она с избытком удовлетворяла все потребности Мату-Гросу. Зайти сюда — значило дать понять, что нужна еда. Сесть за стол

означало, что сейчас для этого подходящее время. Тут же появлялась еда, часто без единого слова, не говоря уж о любезностях знакомства. На стол ставят тарелку за тарелкой с огромными кусками мяса, крутые яйца, многослойную яичницу, сухую маниоку, тыкву, плоды дынного дерева, бананы, виноград и, конечно, вареный рис и черную фасоль (иначе земля перестала бы вращаться!). В номерах были кровати, а твердые глинобитные стены были завешены чистыми одеялами. Снаружи находился душ — если только девушка нальет ведро воды, а потом поднимет его вверх и поставит поблизости лампу. Изысканность подобного благодеяния была весьма желанной. «Pensão gato» отличалась от большинства заведений тем, что в ней совершенно отсутствовали уборные. Вместо них вокруг расстилалась великая Мату-Гросу, более чем достаточная для этой цели при условии, что каждый вновь прибывающий держался в стороне от стайки бабочек — верного признака того, что кто-то отправился туда раньше.

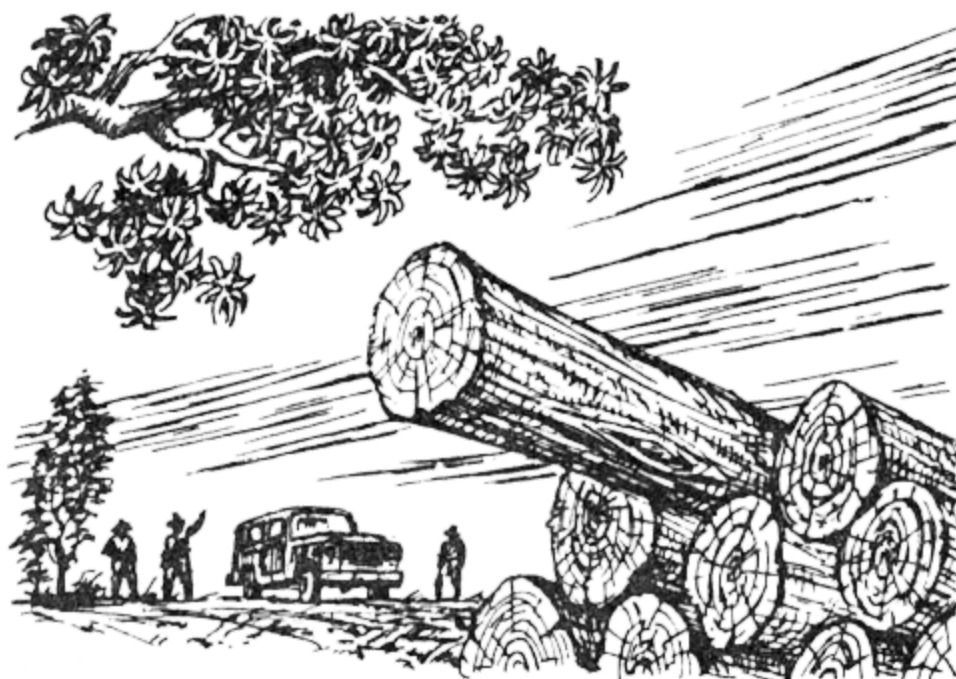
На обратном пути даже Шавантина стала королевой городов. В ней проходил праздник, и на ее прямые улицы высыпали сотни людей. На улицах горели костры в честь праздника святого Иоанна или какого-то другого большого католического праздника, и перед каждым домом ярко пылали небольшие аккуратные деревянные загородки. Там был и фейерверк, правда самый незамысловатый, который во всех случаях в равной мере не был способен ни на что, кроме трех ужасных хлопков. Днем в лавках города, вероятно, продавали фрукты, видимо, там были и батарейки для фонариков, и нередко мясо. Над городом всегда парили стервятники, которые казались тем красивее, чем выше летали. В городе имелся и паром, хотя, возможно, и не всегда с паромщиком, а воды Риу-дас-Мортис всегда действовали успокаивающе на подсохшие и

расцарапанные следы укусов насекомых разного калибра. Шавантина представляла своего рода волнующее преддверие ко всем этим фазендам на севере, ко всем тем местам, возникновению которых она способствовала. Фактически она сделала это настолько хорошо, что они уже перегнали ее и предоставляют такие услуги, каких не в состоянии дать она сама: например, электрический ток, напряжение которого не меняется спазматически в зависимости от прихотей какого-нибудь генератора.

Глава девятая

Ate logo [\[10\]](#)

Перед тем как покинуть свой лесной лагерь, английские ученые получили представление о том, что произойдет с их тщательно исследованным двадцатикилометровым квадратом. Однажды сюда подъехал джип, из которого вышли трое мужчин. Они походили на всех обычных посетителей лагеря, но все же чем-то резко отличались от них. Они расхаживали с важным видом, так, как будто бы это место принадлежало им. Более того, чтобы поддержать это впечатление, они сказали нам, что так оно и есть. Они были представителями тех лиц, которым принадлежит не только район лагеря, но и вся окружающая его огромная территория.

Они сказали, что прибыли сюда потому, что слышали об английском лагере, а потом узнали, что это место покидают. Они решили выяснить, что здесь может оказаться полезным для них, когда они наконец начнут осваивать свое наследство. Их заинтересовали хижины, алюминиевая лаборатория, водонапорная башня и некоторое оборудование. В заключение они предложили, чтобы все это оставили им. Они не возражали против присутствия англичан на их земле, и поэтому было бы кстати получить кое-что в виде компенсации. Они не требовали и не были высокомерными. Они просто проявили практический подход.

К сожалению, как объяснил им Иен Бишоп, имелись планы превращения всей этой территории в постоянный исследовательский центр. Таково было намерение Королевского общества и Королевского географического общества, и руководители бразильской науки в настоящее время изучали возможность осуществления подобной идеи. Во всяком случае, если даже такой центр не удастся сделать постоянным, то для бразильских ученых будет полезным любое оставленное оборудование. Оно не может перейти к землевладельцу, сколь бы полезной ни была его земля. Гости согласились с этими доводами и сели пить кофе.

Они объяснили нам, что намереваются делать с землей. Конечно, они выжгут основную часть леса, точно так же, как это делают другие. В районах галерейного леса они, вероятно, будут сеять рис, а в кустарниковой саванне будут пасти скот. Они заявили: «Вы будете поражены, если вернетесь сюда через несколько лет. Вы здесь ничего не узнаете. Здесь будут дороги, вместо этих хижин — дома, а лес исчезнет». Мы слушали молча и продолжали молчать, мысленно представляя себе неминуемое разрушение. А гости что-

то терпеливо измеряли, считали и исследовали. Мы же представляли себе, как вскоре здесь повсюду будет бушевать пламя.

После нескончаемых беззаботных восклицаний о предстоящем прогрессе эта троица покинула нас. В конце подъездной дороги, там, где она соединялась с главной дорогой, они опять вылезли из джипа и вбили в землю два столба. Между столбами крепко-накрепко прибили доску, на которой были написаны имена членов синдиката, которым принадлежит эта местность. Доска была не очень большая, и надпись на ней можно было прочесть только вблизи, но все же эти красные буквы на белом фоне были такими же кричащими, как клякса на чистом белом листе бумаги. По обе стороны дороги на многие километры протянулась зелень, и вдруг среди нее появилась эта предупредительная надпись. В ней таилась огромная сила, и этот поворот к лагерю никогда уже не станет прежним. В прошлом здесь была «наша» дорога к «нашему» лагерю, с этого же момента все стало по-иному. Владельцы заявили права на свою собственность, и настоящим гостям пришло время уезжать.

Отъезд всегда грустен. Когда наступил этот момент, а поток ученых из Лондона сократился и затем полностью иссяк, бразильские власти все еще не приняли решения о том, каким образом они смогут использовать лагерь. Они не смогли даже выделить сторожа для присмотра за лагерем, пока продолжались переговоры, вследствие чего все, что представило бы ценность в случае открытия здесь вновь исследовательского центра, пришлось забирать. Потребовалось много времени на то, чтобы убрать все созданное здесь, упаковать, разобрать и отослать оборудование, доставленное сюда со столь большим трудом. Местное население, и даже те, кто жил далеко от лагеря, приходили в лагерь понаблюдать, попросить

и даже потребовать что-нибудь в надежде, что они в результате станут богаче. Конечно, все ценные вещи были отправлены назад в город Бразилиа, но представления о ценности вещей у одних не такие, как у других. Грустно было смотреть на людей, тащившихся из лагеря с обломком доски, или пустой банкой от аэрозоля, или с любой сломанной вещью, но подобные визиты продолжались непрерывно, до тех пор пока последний грузовик не уехал с последними ящиками. Даже и после этого кое-кто приходил, хотя уже не столь регулярно. И через три-четыре недели после отбытия последнего грузовика среди руин бродили случайные собиратели, подбиравшие ценности, значительно меньшие, чем полдоски или пустая банка.

Учитывая большую работу, проделанную в этой местности, составленные карты и собранные коллекции во всех уголках, двадцатикилометровый квадрат вполне мог бы стать научным заповедником в бескрайних просторах Мату-Гросу. Он мог бы о многом поведать людям, вторгающимся в эти места. Он мог бы рекомендовать проведение определенной политики и — возможно, небезрезультатно — отговаривать пришельцев от действий, которые могут уничтожить то самое место, в которое они вторгаются. Возможно, этот хорошо исследованный квадрат слишком опередил свое время, ибо приглашают экспертов для содействия в решении какой-либо проблемы только тогда, когда она становится почти неразрешимой.

Несоответствие между работами, проводившимися в лагере и на соседних фазендах, было разительным во всех отношениях. Кто-нибудь из нас, занимавшихся исследованиями почвы, может обратиться в английский журнал, где полученные им результаты будут когда-нибудь опубликованы, тогда как фазендейро, не менее этого исследователя заинтересованный в тех же самых почвах, несомненно, не испытывает ни малейшего

желания прочесть об этом любую научную статью, не говоря уже о публикации в другой стране и на другом языке. Здесь мы встречали gerente, в ведении которого находились уже двадцать тысяч голов скота и который впервые в жизни искал в книге сведения о сибирской язве. Остается только надеяться, что он узнает о ней, когда тысячи коров заболеют этой болезнью, дав ему более наглядный урок, чем это сможет сделать любая книга.

Между гостями и хозяевами пролегла пропасть еще в одном направлении. Почти все ученые, прибывавшие в эту местность, сожалели и даже негодовали по поводу того, что лес исчезает. Те же, кто сводил этот лес — или непосредственно с помощью топора, или путем предоставления средств для оплаты его уничтожения, — казались менее озабоченными столь решительным изменением ландшафта. Англичане, хотя они и приветствовали мысль об увеличении продуктивности всех этих необитаемых земель, относились в основном к сторонникам сохранения природы, но больше всего они негодовали по поводу того, что преобразование земли осуществляется неразумно. Если уж лес должен исчезнуть, то его должно сменить что-то полезное для общества. Если же лес используют, а на его месте появится опустошенная земля, как это было со многими другими девственными землями, то подобная катастрофа была бы хуже всех предыдущих, поскольку это означало бы, что все предыдущие примеры нисколько не изменили людскую жадность и нежелание чему-либо научиться.

Правда, бывали случаи, когда стремление к сохранению природы у англичан явно ослабевало. Возможно, это имело место в конце целого дня ходьбы по сухому лесу, особенно если у клещей наблюдалась неистовая страсть к проведению исследований или же в

этот день солнце светило слишком ярко, и sweat bees были чересчур назойливыми — в подобных случаях у павшего духом человека внезапно возникало страстное желание покончить со всем этим. Помню, как однажды мой коллега, уставший и потный, споткнулся о какой-то протянувшийся по земле стебель эпифита и упал ничком на гнилое бревно, кишевшее муравьями всех калибров. Много шума раздалось с этого бревна, много выражений сильного испуга, среди которых можно было безошибочно разобрать только слова: «Долой охрану природы», которые он повторял громко и довольно часто.

Именно в конце такого дня человек, даже если он на протяжении всего дня оставался убежденным ученым, становился в своих взглядах ближе всего к фазендейро. Находясь в отчаянии, он начнет задаваться вопросом о том, каким образом можно будет решить проблему индейцев, поскольку ни один из путей не кажется ему удовлетворительным. Попытка сохранить в XX веке неприкосновенной первобытную культуру не была прогрессивной. Было ошибочным не давать вступать индейцам в контакты с миром, в котором они живут. И какой бы из этих курсов ни был принят, практически невозможно проследить за тем, чтобы к ним относились справедливо. Видимо, для индейца, пока он оставался индейцем, положение было почти безнадежным, и чем скорее он станет бразильцем — любым способом, — тем лучше это будет для него и для его племени.

А что же с лесом? Конечно, он мог быть красивым, и в нем было что-то волшебное, и вся жизнь зависела от него, но он, несомненно, должен исчезнуть. Можно сохранить отдельные анклавов наподобие заповедников, имеющих в любой стране, но они будут лишь кусками некогда целого. Что же касается основной части леса, то топор сделает свое дело, ибо какая польза от

национальных богатств, если предприимчивый богач не может их использовать? Это будет тяжелая работа, требующая больших расходов, и обстоятельства никогда не будут столь благоприятными, как на востоке страны.

Имелись шансы и на то, что если сюда приедет эксперт из какого-нибудь международного агентства, то он внесет бесчисленное количество предложений, которые, по-видимому, будут как-то направлены на снижение доходности земли. Он будет рекомендовать сохранение или повышение плодородности земель. Он посоветует проявлять умеренность и укажет, что профилактика лучше лечения, даже если лечение и не потребуется. И есть все шансы на то, что он будет как бельмо в глазу, каким бы мудрым он ни был и сколь благородными ни были бы его мотивы. Он сможет только предотвратить, ограничить или прекратить это, поскольку каждый фазендейро знает, каким образом эксплуатировать страну. Если же последнему понадобятся какие-то советы, то он сможет их получить у других фазендейро, поехав по дороге в ту или другую сторону. Здесь более чем достаточно работы для любого без дополнительных предложений со стороны благожелательных исследователей.

Интересно отметить, что, хотя ученые базового лагеря стремились задавать вопросы каждому, кто готов был отвечать на них, расспрашиваемые редко проявляли встречное любопытство. Почвовед мог расспрашивать, и подолгу, фазендейро о его земле, но не слышал никаких вопросов относительно его собственных исследований и его мнения по данной проблеме. Это была передача информации в одном направлении, поскольку фазендейро были приветливы, весьма гостеприимны, всегда любезны и никогда не любопытны. Возможно, это была сдержанность, или хорошие манеры, или их образ жизни, но могло быть и

чувство самоудовлетворенности с их стороны. Они помимо этого могли рассуждать и так, что английские ученые прибыли в лагерь, чтобы узнать о Бразилии, и поэтому Бразилии следовало рассказать им то, что они хотели узнать, ответить на их вопросы.

Несоответствие имело место не только между географом и человеком, переделывающим лицо земли. Оно существовало на всех уровнях. В лагере были врачи, а больница в Шавантине часто не имела совсем никакого персонала, даже медицинской сестры или привратника. В лагере повсюду было богатство, по крайней мере, в глазах тех бедняков, у которых дома не было почти ничего. Большинство ученых прилетало из другого полушария, и многие из них побывали в десятках других стран. А кабокло, возможно, бывали в Гоясе, возможно, в другом штате и, по всей вероятности, никогда не видели моря. Они знали Мату-Гросу, который был их вселенной, но он также имел мало связей со всей остальной планетой. Это был пограничный штат, грубый и бескомпромиссный. Предполагается, что он находится в стадии расцвета, в присущей ему несколько летаргической манере, но он выглядит бедным. Он изменялся каждодневно и все же повсеместно выглядел древним. Политика правительства предусматривала развитие этого района, и пока что бюрократические препоны не были заметны. Где были чиновники в Барра-ду-Гарсас? Встречал ли кто-нибудь ревизора? Видел ли кто-нибудь когда-нибудь полицейского?

Лишь немногие бразильские ученые посетили этот район или даже базовый лагерь, и блестящие способности приезжающих заставили английских ученых сожалеть о том, что их побывало здесь так мало. Печально, что и приезжавшие-то в основном могли побыть в лагере лишь очень короткое время. Слишком многие из них имели слишком много

обязанностей в других местах и, вероятно, работали не на одной ставке в своих институтах. Слишком немногие из них могли воспользоваться преимуществами колоссальной лаборатории, находившейся в джунглях их страны. У них было по горло работы в тех организациях, где они трудились. Им не было необходимости отправляться далеко в глубь страны, чтобы найти себе объекты, заслуживающие исследования. Вследствие этого вновь осваиваемые районы были предоставлены главным образом самим себе, финансистам из Сан-Паулу и Кабокло. Новые земли предоставляют равные шансы как на успех, так и на неудачу. Время покажет, что произойдет в действительности.

В настоящее время готовятся статьи, которые займут свое место в научной литературе. Экземпляры этих статей или их аннотации найдут путь в Рио и города Бразилии, в библиотеки университетов, но ни одна из них, по всей вероятности, не пересечет рек Арагуая или Гарсас и не проделает путешествия мимо двадцатикилометрового квадрата — места своего происхождения. Место это заглохнет и станет неотличимым от остальной местности. Оно останется в памяти тех, кто здесь работал, но проделанная ими работа не повлияет на лесорубов, которые будут рубить и жечь деревья, прокладывая путь скотоводам, которые будут гнать сюда свои стада по опустевшим пикадам. Английские ученые прибыли на эту новую дорогу, с тем чтобы опередить освоение, и им это удалось. Они оказались намного впереди — на такой промежуток, который в предстоящие годы может стать еще больше между освоенными и неосвоенными районами земного шара. Каким-то образом те и другие должны сблизиться, и эксперты обеих категорий должны совместно выполнять свои обязанности: как изучающие землю во всех деталях, так и заставляющие ее работать на них.

Мату-Гросу — это последняя в мире обширная территория, которая готова для немедленного полномасштабного освоения. Индейцы сохранили ее, а потом уступили, поскольку они или вымерли, или ушли из своего бывшего царства. Немного времени потребовалось, чтобы возникло стремление к использованию этой новой земли, но вот она уже гибнет под действием этих сил. Лес Мату-Гросу так же смертен, как и индейцы, населявшие ее огромные просторы, пройдет немного лет — и фотографии, которые сделаны в этой экспедиции, превратятся в архивные документы. И тогда станут говорить: «Неужели так было в действительности?» Будем надеяться, что эти места станут процветать и что никто никогда не скажет: «Может ли это стать таким же опять?»

notes

Примечания

1

Бег с куском ствола пальмы Бурити.

2

Водка (*порт.*).

З

Хорошая вода (*порт.*).

4

Город (*порт.*).

5

Кашоейра — водопад (*порт.*).

6

Пиум (т. е. мошкара) есть?

7

Это можно?

8

Да.

9

Пастухи.

10

До свидання.